Б10 2/33

610 2/33

№ 40. П. И. 300 6 7/8.

МОСКОВІЯ

ДЖОНА МИЛЬТОНА,

съ

СТАТЬЕЮ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

Юрія Вас. Толстого.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1875.

МОСКОВІЯ

ДЖОНА МИЛЬТОНА,

СЪ

СТАТЬЕЮ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

Юрія Вас. Толстого.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
294694

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1874 г. кн. 3-я.

Гос. Исп. Научн. Б-ка
СФСР
№ 294694
193 г.

ЗАМѢТКА

ПО

ПОВОДУ СТАТЬИ ГОСПОДИНА ПОЛУДЕНСКАГО:

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ МИЛЬТОНА."

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (вторая книжка за Апрѣль мѣсяцъ прошлаго года) напечатана статья Г. Полуденскаго: «Русская Исторія Мильтона.» Статья эта есть извлеченіе изъ сочиненія извѣстнаго творца «Потеряннаго Рая», подъ заглавіемъ: «Краткая исторія Московіи и другихъ менѣе извѣстныхъ странъ, лежащихъ на востокѣ отъ Россіи даже до Катая».

Книга эта, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Полуденскій, составляетъ библіографическую рѣдкость: она напечатана отдѣльно только однажды, въ 1682 году, въ Лондонѣ; впрочемъ, по свидѣтельству Аделунга, она вошла также въ Амстердамское изданіе (1689 года) сочиненій Мильтона. [1]

Въ теченіи моего двухлѣтняго пребыванія въ Англіи (въ 1858 и 1859 годахъ), занявшись исключительно отысканіемъ и изученіемъ разныхъ книгъ и рукописей, относящихся къ исторіи Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, я имѣлъ случай ознакомиться съ большею частію Англійскихъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій по этому предмету. Краткость времени и чрезвычайное обиліе источниковъ принудили меня выбирать только тѣ изъ нихъ, которые представляли какую ни будь занимательность, чтобы не тратить немногихъ часовъ, въ которые Британскій и другіе Лондонскіе Музеи, библіотеки и архивы открыты для чтенія, на разборъ компиляцій, не

---

[1] Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года и ихъ сочиненій. Фридриха Аделунга. Ч. 1, № 21 (Въ № 9 «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторій и Древностей Россійскихъ», 1848 г.).

только не представляющихъ никакихъ новыхъ свѣдѣній, но даже часто передающихъ и прежнія извѣстія невѣрно и превратно. Къ разряду такихъ именно компиляцій, я, съ перваго взгляда, отнесъ Исторію Мильтона. Ближайшее съ нею знакомство, которымъ я обязанъ статьѣ Г. Полуденскаго, вполнѣ оправдало мое первое впечатлѣніе, и по тѣмъ выпискамъ, которыя приведены въ означенной статьѣ, я убѣдился, что сочиненіе это «выбранное изъ сочиненій многихъ очевидцевъ», какъ гласитъ его заглавіе, выбрано чрезвычайно недобросовѣстно и было со стороны Мильтона не болѣе какъ спекуляціей на современный ему вкусъ Англійскихъ читателей, всегда интересовавшихся всѣмъ, что относилось до отдаленной «Московіи» и до еще болѣе отдаленнаго «Катая».

Не имѣя въ виду самой Исторіи Мильтона, я долженъ, по необходимости, ограничиться только тѣми выдержками, которыя сдѣлалъ изъ нея Г. Полуденскій: впрочемъ, для оцѣнки достоинства этой Исторіи, уже достаточно сравненія этихъ выдержекъ съ подлинными источниками, изъ которыхъ извлечены находящіяся въ нихъ извѣстія; а сравненіе это весьма легко; ибо въ концѣ книги Мильтона есть списокъ источниковъ, который перепечатанъ Г. Полуденскимъ. Изъ числа поименованныхъ въ этомъ спискѣ девятнадцати сочиненій, одиннадцать находятся въ 1-мъ томѣ Гаклюйтова сборника путешествій, [2] семь напечатаны во 2-мъ и 3-мъ томахъ сборника Перчаса, [3] девятнадцатое есть описаніе посольства Сера Ѳомы Смиса, напечатанное сперва отдѣльною книгою, [4] а потомъ также вошедшее, впрочемъ въ сокращеніи, въ 3-й томъ Перчасова сборника.

---

[2] Haklyt's Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English nation. London. 1809—1812, 5 vol. Это третье, самое цѣнимое изданіе: оно значительно полнѣе двухъ предшествовавшихъ, также Лондонскихъ изданій, изъ которыхъ первое напечатано въ 1589 году въ 2-хъ томахъ, второе, болѣе полное, въ 1598—1600, въ трехъ. Третье изданіе весьма рѣдко, по причинѣ малаго количества экземпляровъ, въ которомъ тиснуто (именно 325, а не 200, какъ ошибочно показываетъ Аделунгъ). Въ прошломъ году одинъ экземпляръ его былъ проданъ за 100 фунтовъ стерлинговъ (около 650 руб. сер.). Мнѣ посчастливилось пріобрѣсти всѣ пять томовъ именно этого изданія.

[3] Purchas his Pilgrimes, съ эпиграфомъ: «Unus Deus, Una Ueritas». London. 1625—1626, 4 vol. Книга также весьма рѣдкая.

[4] Sir Thomas Smithes Voiage and Entertainment in Rushia. With the tragi-

«Мильтонъ начинаетъ свое описаніе съ монастыря Св. Николая, гдѣ въ послѣдствіи основанъ Архангельскъ», говоритъ Г. Полуденскій.... «противъ монастыря находился Розовый островъ» (Rose Jsland въ восемь миль окружности.»

Въ «Книгѣ Большаго Чертежа» [5] читаемъ: «На Двинѣ на рѣкѣ, отъ моря отъ устья 60 верстъ, градъ Двинской Архангельской на правомъ берегу Двины. На устьѣ Двины, на лѣвомъ берегу, монастырь Никольской».

Въ «Описаніи Архангельской Губерніи,» [6] сказано, что основанный Новгородскою Посадницею Марѳою, на могилахъ ея сыновей, Антона и Феликса, «Николаевскій монастырь стоитъ на Бѣломъ морѣ, на берегу, отъ Архангельска въ 34 верстахъ; названъ Корельскимъ по берегу, на которомъ «выѣзжіе изъ Кореліи жители селились».

Разница въ числѣ верстъ по приведеннымъ здѣсь книгамъ объясняется тѣмъ, что Архангельскъ стоитъ при самомъ развѣтвленіи Двины на три рукава или устья, которыми она впадаетъ въ море: Березовское, Мурманское и Пудоженское, изъ которыхъ послѣднее, самое западное, отдѣляетъ еще западнѣйшую протоку—древнее Малокурье, или иначе Никольское или Корельское устье. Во всякомъ случаѣ очевидно, что Архангельскъ находится на восточномъ берегу Двины и, слѣдовательно, не основанъ на мѣстѣ монастыря Св. Николая, который доселѣ стоитъ на западномъ берегу самаго западнаго устья Двины. Это было очень хорошо извѣстно всякому Англичанину, пріѣзжавшему изъ Англіи въ Бѣлое море, по тому что пристанище Англійскихъ кораблей находилось напротивъ самаго Никольскаго монастыря, на островѣ Ягры или Ягорномъ (Якорномъ, по догадкѣ Академика Гамеля, [7] на которомъ отведено было помѣщеніе для ихъ

---

callends of two Emperors and one Empresse, within one Moneth during his being there. And the miraculous preseruation oft he now raigning Emperor esteemed dead for 18 yeares. Съ эпиграфомъ: «Si quid novisti certius istis, Candidus, impertie, si non, his utere mecum». London. 1605. Страницы не перенумерованы, но листы означены буквами алфавита. О рѣдкости этой книги можно судить по тому, что она не была извѣстна ни Карамзину, ни Аделунгу.

[5] Книга, глаголемая Большой Чертежъ (изд. по порученію Импер. Общества Исторіи и Древн. Россіи, Г. И. Спасскимъ). Москва, 1846, стр. 181, 182.

[6] Описаніе Архангельской Губерніи, Молчанова (Изд. Главнаго Правленія Училищъ). С.-Петербургъ, 1813, стр. 107.

[7] D-r J. Hamel: England and Russia. London, 1854, p. 196.

конторы и который они называли Розовымъ островомъ, по причинѣ росшаго на немъ во множествѣ дикаго шиповника. Путевыя записки любаго Англичанина свидѣтельствуютъ, что пристань Св. Николая (port of St Nicholas) и пристань Св. Михаила (port of St Michaell), какъ называется иногда въ Англійскихъ грамотахъ Архангельскъ, [8] суть два различныя мѣста, въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія. Такъ, на пр., Горсей, описывая отплытіе свое въ Англію, въ Августѣ 1587 года, разсказываетъ, что Архангельскій Воевода, Князь Звенигородскій, посадивъ его въ Архангельскѣ на лодку, «пріѣхалъ на нѣсколько часовъ на Розовый островъ, который только въ 30 миляхъ». [9]

«Москва отстоитъ отъ пристани Св. Николая на 1500 миль» (т. е, верстъ), говоритъ Мильтонъ. Цифра эта приблизительно вѣрна: она кажется заимствована изъ Гаклюйта, [10] у котораго разстоянія между Ярославлемъ и Москвою показаны совершенно согласно съ «Книгой Большаго Чертежа», но къ общей сложности верстъ отъ Св. Николая гораздо ближе исчисленія Гаклюйта подходитъ къ Большому Чертежу итогъ разстояній между 18-ю станціями отъ Св. Николы до Москвы, показанныхъ въ Запискѣ хранящейся въ Британскомъ Музеѣ въ числѣ бумагъ Лорда Казначея Бёрлея (ум. 1598 года), [11] именно исчислено верстъ:

	у Гаклюйта:	у Бёрлея:	по Бол. Черт.:
Отъ Св. Николая до Вологды рѣками. . . .	1100	1100	1020
Отъ Вологды до Москвы сухимъ путемъ	420	365	440
Всего разстоянія.	1520	1465	1460

Описаніе Москвы и Московскаго Кремля, неограниченной власти Русскаго Царя въ отнятіи имѣнія у семействъ людей неспособ-

---

[8] На пр., въ грамотѣ Елисаветы, отъ 29 Мая, 1598.

[9] Russia at the close of the sixteenth century. London. MDCCCLVI. The travels of Sir Jerome Horsey knt., p. 230.

[10] Distances of certaine places in Russia.

[11] The number of myles betiveens S-t Nicolas to Mosco bothe by water and lande (British Museum. Burleigh papers. Lansdowne. 112. Plut. LXXV. F. № 35, fol, 126).

ныхъ по болѣзни, или лѣтамъ нести, государственную службу, въ наслѣдованіи имѣній въ случаѣ пресѣченія мужескаго поколѣнія, въ отдачѣ кабаковъ на откупъ сановникамъ, которые въ томъ городѣ, гдѣ находится кабакъ, «дѣлаются властелинами, грабятъ, сколько имъ хочется, и потомъ посылаются на войну на награбленныя деньги, по чему вести войну Русскому Царю обходится весьма дешево;» извѣстіе, что «войско Русское, въ военное время, состоитъ изъ 300 тысячъ человѣкъ», и что «за исключеніемъ иноземцевъ, оно не получаетъ никакого жалованья, но за то Царь награждаетъ нѣкоторыхъ землями въ пожизненное владѣніе.» Все это Мильтонъ, почти слово въ слово, заимствовалъ изъ Записокъ о первомъ пріѣздѣ Ричарда Ченслера въ Россію въ 1553 году. [12] и о первомъ же путешествіи Антона Дженкинсона по Россіи въ 1557 году. [13]

Достаточно сравнить цифры этихъ годовъ съ годомъ изданія книги Мильтона (1682), или хотя съ годомъ его смерти (1674), чтобы замѣтить, что передаваемыя имъ извѣстія уже тогда устарѣли болѣе чѣмъ на цѣлое столѣтіе. Но невѣрность ихъ изобличается еще болѣе, если вспомнить, что видѣнное Ченслеромъ и Дженкинсономъ правленіе Грознаго уже успѣло перейти въ преданіе; что надъ Россіей съ того времени пронеслась Самозванщина, которая, вмѣстѣ съ нашествіемъ Поляковъ, могла быть ребяческимъ воспоминаніемъ развѣ немногихъ старожиловъ; что наконецъ умиренная Михаиломъ, крѣпко сплоченная Филаретомъ, Россія, при разумномъ и благодушномъ Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, начинала вступать на путь законности и благоустройства. Если бы Мильтонъ хотя ограничился внимательнымъ разсмотрѣніемъ сочиненія Флетчера, которое самъ «совѣтуетъ особенно прочесть, какъ справедливый и вѣрный разсказъ, то увидѣлъ бы, что уже въ 1588 году Москва измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Ченслеръ находилъ ее «болѣе Лондона съ предмѣстьями, и была «немногимъ развѣ болѣе городской части (the citie) Лондона;» что, послѣ сожженія ея Крымцами въ 1571 году, сгорѣло въ ней 41,500 домовъ,» и «что огромныя пространства, прежде хорошо въ ней за-

---

[12] The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscouia and of the dominions, orders and commodities there unto belonging: drawen by Richard Chancelour.

[13] The first voyage made by Master Anthonie Jenkinson from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May in the yeere 1557.

строенныя, обратились въ пустыри; особенно же пострадала южная часть Замоскворѣчья, незадолго передъ тѣмъ застроенная Царемъ для солдатъ, содержавшихъ караулы, которымъ дана была льгота пить медъ и пиво въ запрещенное время (постомъ?), когда прочіе Русскіе должны пить одну воду; по чему и весь пригородъ назывался «Налей городъ» (Naloi, that is skinck or pourein). [14] Мильтонъ не повторилъ бы за Англичаниномъ, бывшимъ въ Москвѣ въ 1557 году, что «въ этой крѣпости (Московскомъ Кремлѣ) находятся главные рынки;» ибо изъ Флетчера увидалъ бы, что, кромѣ лицъ, приближенныхъ къ Царю, никто не былъ допускаемъ тамъ жить: «Царскій домъ или дворецъ въ Москвѣ построенъ въ видѣ крѣпости, обнесенъ стѣнами, которыя уставлены множествомъ отличныхъ пушекъ, и заключаетъ большое пространство съ жилыми строеніями, назначаемыми для лицъ, извѣстныхъ своею вѣрностію и преданностью Царю». [15]

Точно также изъ Флетчера Мильтонъ долженъ былъ бы видѣть, что войскамъ производилось жалованье, и что количество войска въ военное время нельзя было опредѣлить ни 300 тысячами, и ни какою другою цифрою. «Когда Царю нужно увеличить войско, что, впрочемъ, случается рѣдко, онъ призываетъ на службу сколько ему нужно изъ тѣхъ Дѣтей Боярскихъ, которые не состоятъ на (постоянномъ) жалованьѣ; если и этого не довольно, то онъ приказываетъ Дворянамъ, получившимъ отъ него помѣстья, вывести въ поле потребное число своихъ холопей..... Иногда нанимаются также, но только на время, Татарскіе воины, впрочемъ единственно противъ Поляковъ и Шведовъ.» Въ обыкновенное время, по показанію Флетчера, содержалось 100,550 человѣкъ войска, а именно: 15 тыс. Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, 12 тысячъ стрѣльцовъ, 65 тысячъ рати, ежегодно высылаемой на Крымскую Украйну, и 8550 служилыхъ Нѣмцевъ, въ томъ числѣ 4300 Поляковъ, до 4 тысячъ Черкасовъ (Малороссіянъ), 150 Нѣмцевъ и Шотландцевъ, 100 Грековъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ. Содержаніе рати противъ Крымскаго прихода обходилось въ 40 тысячъ

---

[14] Russia at the close of the XVI century. Of the Russe Common Wealth, by D-r Giles Fletcher. Chap. IV. Сочиненіе это давнымъ давно напечатано въ Русскомъ переводѣ для «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1848 года), но теперь гніетъ въ книжныхъ хранилищахъ его, зане—яко бы зеркало и нынѣ еще для насъ, а мы не очень-то любимъ смотрѣться въ него. О. Б.

[15] Тамъ же, chap. XXVI.

рублей. Дворяне получали въ мирное время: дворянинъ большой статьи отъ 70 до 100 руб., средней отъ 40 до 60, сынъ боярскій отъ 12 до 30 рублей жалованья. Въ военное время Разрядъ расходовалъ 55 тысячъ рублей на жалованье дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. [16]

Таковы свѣдѣнія, которыя Мильтонъ могъ бы найти у Флетчера; но уже и книга Флетчера во время Мильтона была источникомъ устарѣлымъ. Въ его время войско Русское имѣло устройство гораздо болѣе правильное. [17] Въ составъ его входили войска Русскаго строя и войска, обученныя иноземному строю; въ послѣднія могли, впрочемъ, поступать, по желанію, также и охотники изъ Русскихъ. Войска эти получали слѣдующіе помѣстные или кормовые оклады и жалованье во время похода или службы.

Войска Русскаго строя:

Дворяне Московскіе и жильцы	200 четв.	20 руб.	
Городовые дворяне:			
— — выборные или большой статьи	150 —	25 —	
— — дворовые или средней статьи	120 —	20 —	
— — собственно городовые дворяне меньшей статьи и дѣти боярскія	100 —	15 —	
Боярскія дѣти украинскихъ городовъ и городовые Козаки, также Новокрещены, Мурзы и Татарскіе Князья:			
— — 1-й статьи	50 —	20 —	
— — 2-й статьи	50 —	17 —	
— — 3-й статьи	50 —	13 —	
Стрѣльцы, получавшіе отъ Разряда землю и домъ	6 до 12 —	2 р. да ржи и овса 6 —	

Войска Нѣмецкаго строя:

Солдаты и драгуны	7 до 8 денегъ въ день на кормъ.	3 —

---

[16] Тамъ же, chap. XV.

[17] Бѣляевъ: «О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. Москва. 1846».

Рейтары наравнѣ съ городовыми драгунами. [18]

Кромѣ того на время войны нанимались вольные охочіе люди.

Единственный разрядъ войска, не получавшій изъ Царской казны ни жалованья, ни корма, ни даже вооруженія, составляли даточные люди, которые содержались на счетъ городовъ и волостей. Но они набирались только въ случаяхъ особенной важности, по особымъ Царскимъ Указамъ, которыми опредѣлялось сколько даточныхъ людей требуется съ извѣстнаго количества дворовъ, сохъ, или четвертей.

«Ежегодно, 12 Декабря, Царь выѣзжаетъ за городъ, въ поле, со всѣмъ дворомъ, верхомъ на лошадяхъ, и въ его присутствіи 5000 стрѣлковъ стрѣляютъ въ стѣну, сдѣланную изо льда, пока ее не разрушатъ; кромѣ того палятъ изъ шести пушекъ и изъ мортиръ, и Царь, освидѣтельствовавъ успѣхи своихъ стрѣлковъ, возвращается тѣмъ же порядкомъ во дворецъ».

Изъ этихъ словъ можно заключить, что вся артиллерія, бывшая въ дѣйствіи при этихъ Царскихъ смотрахъ, состояла изъ мортиръ и изъ шести пушекъ. Но это предположеніе нельзя допустить въ виду дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ о множествѣ орудій, постоянно находившихся внутри Московскаго Кремля, а также и въ другихъ городахъ: такъ, на пр., изъ договора Шеина о сдачѣ Смоленска Полякамъ (24 Февраля, 1634 г.) видно, что въ Смоленскѣ находилось 111 орудій; [19] а изъ Памяти Князю Мосальскому-Литвинову (21 Февраля, 1636 г.) [20] о вооруженіи Тамбова, видно, что во вновь построенный «за Шацкимъ, въ степи, у рѣчки Липовицы, городъ Тонбовъ», велѣно отправить 29 пищалей.

---

[18] Росписаніе этихъ окладовъ составлено по выше приведенному сочиненію Г. Бѣляева, которое не согласно съ показаніями Котошихина; у послѣдняго показано, что «Стрѣльцы получали въ годъ: денежнаго жалованья 10 руб., хлѣбнаго 15 четв., соли 2 пуда; Рейтары 30 руб. денегъ; Драгуны постоянно, а Козаки въ военное время, 12 руб.; Солдаты кормовыхъ 60 алтынъ въ мѣсяцъ». (О Россіи въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. С.-Петербургъ, 1840, гл. VII, ст. 5; гл. IX, ст. 2, 4, 5, 6).

[19] Акты Археографической Экспедиціи. III. № 246.

[20] Тамъ же, № 261.

Ошибочное извѣстіе Мильтона объясняется записками Англичанина, бывшаго въ Москвѣ въ 1557 году, [21] который разказываетъ, что ежегодно въ Декабрѣ Царь дѣлаетъ торжественный смотръ (a yerely triumph) своимъ стрѣльцамъ и пушкарямъ, за Московскими предмѣстіями, на полѣ, куда свозятся всѣ орудія, находящіяся въ Москвѣ; что въ 1557 году смотръ этотъ происходилъ именно 12-го числа; что въ немъ участвовали 5000 стрѣльцовъ; и что, кромѣ отличныхъ всякаго рода мѣдныхъ орудій, находились, между прочимъ, шесть большихъ пушекъ, которыхъ ядро или зарядъ имѣетъ ярдъ (т. е., аршинъ съ четвертью) вышины (whose shot is a yard of height); ядра эти легко можно видѣть во время ихъ полета; кромѣ того у нихъ великое множество мортиръ (a great many of mortar pieces or potguns). Удостоивъ своего вниманія только эти мортиры и шесть чудовищныхъ пушекъ, Мильтонъ умолчалъ о прочихъ орудіяхъ, которыхъ Англичанинъ насчитываетъ цѣлые девять разрядовъ. Не будучи знакомъ не только съ тогдашнимъ, но даже съ современнымъ артиллерійскимъ искуствомъ, привожу эти названія въ подлинникѣ: «bases, faulcons, minions, sakers, culuerings, cannons double and royall, basiliskes long and large.» По той же причинѣ не могу судить о правдоподобіи ядеръ или зарядовъ въ аршинъ съ четвертью вышины; впрочемъ, выше приведенный договоръ Шеина свидѣтельствуетъ, что для нѣкоторыхъ пищалей были ядра вѣсомъ въ шесть пудовъ. Изъ того же договора видно, что крѣпостныя орудія дѣлились на пищали верхнія или верховыя, вѣстовыя, полуторныя, долгія, короткія и затинныя.

Умалчивая о приводимыхъ Г. Полуденскимъ изъ Мильтона и выписанныхъ Мильтономъ почти слово въ слово изъ того же Англичанина извѣстіяхъ о религіи, бракахъ, похоронахъ и образованіи Русскихъ, не могу не остановиться на взятой оттуда же замѣткѣ: «Царь почитаетъ Митрополита послѣ Бога, Божіей Матери и Св. Николая». Любопытно знать, который изъ Митрополитовъ удостоивался отъ Царя такого почитанія. Въ 1589 году, при учрежденіи въ Москвѣ Патріяршаго престола, были поставлены четыре Митрополита: Новаго-

---

[21] The voyage wherein Osep Napea the Moscouite Ambassadour returned home into his countrey, with his entertainment at his arrinall, at Colmogro; and a large description of the maners of the Countrey.

родскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій; [22] а въ Декабрѣ 1666 года, на осужденіе Патріарха Никона, съѣхались въ Москву семь Митрополитовъ, подчиненныхъ каѳедрѣ Всероссійской: 1) Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ; 2) Казанскій и Свіяжскій; 3) Астраханскій и Терегскій (Терекскій), 4) Сарскій и Подонскій; 6 Грузинскій, и 7) Бѣлогородскій и Обоянскій. [23]

Изъ второй главы выписано извѣстіе, будто бы: «Самоѣды открыты Русскимъ купцомъ Аникой,» который, «изучивъ ихъ страну, передалъ о ихъ открытіи Борису Годунову.» Знаменитый Аникій Ѳедоровичъ Строгановъ вовсе не былъ современникомъ Царя Бориса и основалъ свои варницы на Вычегдѣ въ 1515 году, т. е., за 83 года до избранія Борисова; Флетчеръ упоминаетъ уже въ 1589 году объ оставшихся послѣ него трехъ сыновьяхъ: Яковѣ, Григорьѣ и Семенѣ, [24] которые, по его словамъ, благодаря поборамъ Царя, лишились большей части богатствъ своего отца. При томъ, если Аника и дѣйствительно первый началъ торговать съ Самоѣдами, то ни въ какомъ случаѣ не открылъ ихъ; ибо Герберштейнъ, пріѣзжавшій въ послѣдній разъ въ Россію въ 1526 году, вовсе не говоритъ о нихъ, какъ о недавно открытомъ народѣ.

Все начало четвертой главы, судя по заглавію, [25] цѣликомъ взято изъ Гаклюйта, [26] до царствованія Ѳедора Ивановича, котораго вѣнчаніе основано на описаніе Горсея: [27] а эпоха Самозванцевъ до

---

[22] **Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. (изд. Эйнерлинга). X, 72.**

[23] **Дѣяніе о низложеніи съ престола бывшаго Патріарха Никона, въ лѣто 7175 происходившее. Древ. Росс. Вивліоѳика (Изд. 2). VI, 285—286.**

[24] **Fletcher. Chap. XIII.**

[25] **«Престолонаслѣдіе Московскихъ Князей и Царей, заимствованное изъ Русскихъ лѣтописей однимъ Полякомъ, съ нѣкоторыми дополненіями.»**

[26] **A briefe Treatise oft he great Duke of Moscouia, his genealogie, being taken out of the Moscouites manuscript Chronicles, written by a Polacke, т. е., Краткое разсужденіе о родословіи Великаго Князя Московскаго, взятое изъ рукописныхъ лѣтописей Москвитянъ, писанныхъ однимъ Полякомъ.**

[27] **The most solemne and magnificent coronation of Pheodor Juanowich Emperour of Russia etc. the tenth of june, in the yeere 1584, seene and obserued by Master Je-**

избранія въ Цари Михайла Ѳедоровича разсказана по реляціи Шотландца Гильберта.

Этотъ Шотландецъ Гильбертъ или какъ онъ называется въ нашихъ грамотахъ «Князь Давыдъ Гинбертъ», былъ лицомъ чрезвычайно замѣчательнымъ: приглашенный въ 1601 году Дьякомъ Власьевымъ въ Россію, онъ слѣдующіе шестнадцать лѣтъ провелъ служа попеременно Царю Борису, первому Лжедимитрію, Шуйскому, Тушинскому вору и Гетману Жолкевскому; наконецъ онъ былъ «отъ Царскаго Величеству порубежныхъ воинскихъ людеі взятъ, і животъ своі мучилъ въ полону» два года, но въ 1617 году, по просьбѣ Англійскаго посла, «Князя Івана Мерика рыцеря (Sir John Merrick) ізъ везенья свобоженъ» и отпущенъ въ Англію, откуда, впрочемъ, возвратился въ Россію не далѣе какъ черезъ годъ. [28] Очевидно, что извѣстія, основанныя на разсказахъ подобнаго лица о самозванцахъ, лично ему извѣстныхъ, должны быть чрезвычайно любопытны. Къ сожалѣнію, Г. Полуденскій, упоминая, что у Мильтона есть нѣкоторыя изъ этихъ подробностей, не сообщаетъ ни одной изъ нихъ. Напротивъ, онъ выписываетъ извѣстіе, что Мильтонъ «относитъ начало Руси къ 573(?) году, когда Гостомыслъ, Новогородскій Владыка, убѣдилъ Руссовъ призвать Рюрика. Извѣстіе это очевидно взято изъ Гаклюйтовой выписки изъ «лѣтописей» Поляка» .....сказанные три брата (Рюрикъ, Синавъ и Труворъ (Rurek, Sinaus, Truuor), по убѣжденію нѣкоего Гостомысла (Gostomislius), главнаго гражданина Новогородскаго, были призваны управлять въ лѣто отъ сотворенія міра (по Греческому счисленію) 6370, т. е., въ 572 году отъ Р. Х.» Въ Гаклюйтѣ, издателѣ подлинныхъ источниковъ, незнаніе календаря еще извинительно, но въ Мильтонѣ, историкъ Россіи, принятіе ошибочнаго года и опущеніе настоящаго, есть доказательство, какъ мало обладалъ онъ главнымъ достоинствомъ историка—исторической критикой.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору «самой любопытной для насъ,» по словамъ Г. Полуженскаго, послѣдней или пятой главы Мильтона, нужнымъ считаю объяснить, что если я укоряю Мильтона въ

---

rom Horsey gentleman, and seruant to her Maiesty, a man of great trauell, and long experience in those parts.

[28] Грамота Царя Михаила Королю Якову 1-му отъ Августа 1617 (Oxford. Ashmolean museum. № 1784, fol. 52).

томъ, что онъ не изучалъ предмета, о которомъ писалъ; что онъ не умѣлъ воспользоваться любопытными и обильными матеріялами, которые имѣлъ для своего труда, не подвергъ ихъ исторической критикѣ и совершенно выпустилъ изъ вида, что они относятся къ разнымъ эпохамъ, то всѣ эти укоры обращены мною къ лицу Мильтона въ той увѣренности, что Г. Полуденскій вездѣ съ точностію сохранилъ смыслъ подлинника, и что онъ хорошо владѣетъ языкомъ, на которомъ писалъ Мильтонъ, языкомъ, доступнымъ не всякому знающему современный Англійскій языкъ, а только тѣмъ, кто изучалъ произведенія тогдашней Англійской письменности, съ ея устарѣлыми оборотами и съ ея утратившимися выраженіями. Но въ статью Г. Полуденскаго вкрались нѣкоторыя очевидныя ошибки, которыхъ нельзя оставить безъ указанія.

Въ описаніи пріема Ченслера Царемъ сказано: «Гости всходили къ столамъ по тремъ ступенямъ, обитымъ дорогими мѣхами», слѣдуетъ читать: «Гости, одѣтые въ дорогіе мѣха, всходили къ столамъ по тремъ ступенямъ»; по тому что, какъ ни великолѣпенъ былъ пріемъ Ченслера, нельзя, однако же, предположить, что на протяженіи, достаточномъ для помѣщенія двухъ сотъ человѣкъ, обѣдавшихъ съ нимъ въ этотъ день у Царя, были разостланы дорогіе мѣха. При томъ въ запискахъ о путешествіи Ченслера читаемъ: [29] «съ каждой стороны палаты стояли четыре стола, накрытые очень чистыми скатертями; къ нимъ всходили тремя ступенями: всѣ столы были заняты находившимися тутъ лицами: на всѣхъ гостяхъ были сверху полотняныя платья, подъ которыми были богатые мѣха» (the ghest were all apparelled with linnen without, and with rich skinnes within).

Посла Царскаго, Осипа Непѣю, не слѣдуетъ называть Воеводой Вологодскимъ. Г. Полуденскому не можетъ не быть извѣстнымъ, что Воеводское званіе сопряжено было съ дѣйствительнымъ отправленіемъ Воеводской должности, а что Посламъ Царскимъ, при отъѣздѣ ихъ въ чужія Государства, для большаго почета, присвоивалось званіе Намѣстника. Англичане, разумѣется, не понимали, что Осипъ Непѣя не былъ Воеводой, т. е., Правителемъ Вологды, а только, на время своей поѣздки въ Англію, получилъ титулъ Намѣстника Вологодскаго,

---

[29] The newe Nauigation and discouerie of the kingdome of Moscouia by the Northeast, in the yeere 1553: Enterprised by Sir Hugh Willoughbie knight, and perfourmed by Richard Chancelor Pilot maior of the voyage. Written in Latine by Clement Adams.

чтобы, по возвращеніи въ Россію, опять сдѣлаться Осипомъ Непѣею Вологжаниномъ, т. е., однимъ изъ городовыхъ Вологодскихъ Дворянъ.

Отправленнаго въ Англію съ Сэромъ Ѳомою Рандольфомъ Русскаго Посла, Г. Полуденскій называетъ Андреемъ Савинымъ, очевидно руководствуясь Англійскимъ правописаніемъ (Sauine), которое было также принято и Карамзинымъ въ Исторіи Государства Россійскаго. Но въ древнихъ спискахъ служилаго Дворянства [30] не встрѣчается Савиныхъ, есть только Саввины и Совины; фамилія первыхъ, очевидно, происходитъ отъ имени Савва, довольно часто попадающагося въ нашихъ родословныхъ. Такъ, на пр., Князь Иванъ Сова Ѳодор. Шелешпанскій, Князь Михайло Черный Сова Иван. Засѣкинъ, Александръ Сова Конст. Беззубцевъ, правнукъ Ѳедора Кошки и праправнукъ Андрея Кобылы (родоначальниковъ дома Романовыхъ). [31] Впрочемъ, всякое сомнѣніе относительно имени Русскаго Посланника устраняется подлинниками четырехъ Царскихъ грамотъ, [32] хранящимися въ Лондонскомъ Королевскомъ архивѣ, въ которыхъ онъ вездѣ называется Андрей Григорьевичъ Совинъ.

Напрасно Г. Полуденскій, въ разсказѣ о Посольствѣ Сэра Еремѣя Бауса, въ 1583 году, говоритъ: «Въ это время Датчане, завидуя торговымъ привилегіямъ, дарованнымъ отъ Русскаго Царя Англичанамъ, склонили на свою сторону Дьяка Щелкалова и другихъ.» Въ запискахъ своихъ [33] Баусъ обвиняетъ не Датчанъ (Danes), а Нидерландцевъ (Dutch men), въ подкупѣ Боярина Никиты Романовича (Юрьева), Богдана Бѣльскаго и Канцлера (Думнаго Дьяка) Андрея Щелкалова. Слово Dutchman, въ настоящее время исключительно значитъ Голландецъ; въ прежнее время оно иногда имѣло значеніе

---

[30] Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ. М. 1853.

[31] Родословная книга по тремъ спискамъ, въ 10-й книгѣ «Временника Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.» М. 1851, стр. 42, 88, 236.

[32] 1-я отъ 20 Іюня 1569, изъ Вологды; 2-я отъ Августа 1571, изъ Слободы (Александровской); 3-я отъ 24 Октября, 1571, изъ Москвы; 4-я отъ Мая, 1572, изъ Старицы (London. State Paper Ofice. Russia. Auntient Royall Letters).

[33] A briefe discourse of the voyage of Sir Jerome Bowes knight, her Maiesties ambassadour to Juan Vassiliuich the Emperour of Muscouia, in the yeere 1583.

Нѣмецъ или даже Датчанинъ; такъ, на пр., Горсей разсказываетъ (на стр. 194), что Царь прогнѣвался на поселенныхъ въ Москвѣ «Нѣмцевъ или Ливонцевъ» (against those Duches or Livonian people), а въ другомъ мѣстѣ (на стр. 239), что въ Копенгагенѣ его представилъ Королю «Фридриху» Датскій Канцлеръ Рамелій (Ramelius the Duch chancelor); но въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь не о Датчанахъ, а именно о Голландцахъ или Нидерландцахъ. Противъ словъ Бауса: «тогда были разные иностранцы, въ особенности нѣкоторые Нидерландскіе (Dutch) купцы, которые вступились (intruded themselues) въ торговлю въ этихъ странахъ», Гаклюйтъ на полѣ дѣлаетъ выноску: «Голландцы (the Hollanders) вступаются въ нашу торговлю.» Въ одномъ изъ 4 наказовъ, данныхъ Баусу при отъѣздѣ его изъ Лондона, [34] сказано, между прочимъ: «Нидерландцу Ивану де Валю (the Duche man John oe Wale), который старается подорвать торговлю Ея Величества (Королевны Англійской), не только дозволяется продолжать торговлю въ противность сказаннымъ поволностямъ (Англичанъ), но онъ остается даже свободенъ отъ всякихъ пошлинъ.» А Иванъ де Валь, или, какъ онъ названъ въ нашихъ посольскихъ дѣлахъ «Иванъ Девахъ Бѣлобородъ» былъ «Ишпанскіе земли гость», слѣдовательно, ни какъ не Датчанинъ, а Нидерландскій купецъ изъ «Антропа города», т. е., изъ Антверпена.

По поводу этого же самаго де Валя, котораго Г. Полуденскій, не извѣстно по чему, называетъ Велемъ, встрѣчается въ статьѣ Г. Полуденскаго весьма странное недоразумѣніе: въ ней сказано, что, во время коронованія Ѳедора Ивановича (въ 1584 г.), Горсей «былъ приглашенъ ко Двору вмѣстѣ съ Нидерландскимъ купцомъ Велемъ и однимъ Испанцемъ.» Изъ записокъ же самого Горсея оказывается, что Мильтонъ (или Г. Полуденскій?) принялъ одно лицо де Валя, бывшаго Испанскимъ подданнымъ и Нидерландскимъ купцомъ, за двухъ разныхъ лицъ, Испанца и Нидерландца. Горсей (на стр. 275) говоритъ: «Въ это время вышепомянутый господинъ Еремѣй Горсей, пребывая въ Россіи на службѣ ея Превосходнѣйшаго Величества Королевны (Англійской), былъ призванъ предъ Царя, сидѣвшаго на своемъ Царскомъ сѣдалищѣ. Подобнымъ же образомъ тогда же былъ призванъ знаменитый Нидерландскій купецъ (merchant of Netherland) по имени Иванъ де Валь, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Мос-

---

[34] Heades of instructions for Sir Hierom Bowes to Russia. (London. State Paper Office, Russia).

кву и выдававшій себя за подданнаго Испанскаго Короля. Нѣкоторые изъ Бояръ хотѣли дать предпочтеніе этому подданному Испанца передъ Господиномъ Горсеемъ, слугою Королевны Англійской. На это Господинъ Горсей ни какъ не хотѣлъ согласиться, говоря, что дастъ отрубить себѣ ноги по колѣна, прежде чѣмъ допуститъ подобное оскорбленіе его Государынѣ, Ея Королевнину Англійскому Величеству, чтобы онъ поднесъ Царю подарокъ въ слѣдъ за подданнымъ Короля Испаній, или чьимъ бы то ни было.»

Г. Полуденскій пишетъ, что «за двѣ мили до Москвы встрѣтили Бауса четыре сановника съ двумя стами лошадьми.» О подобной встрѣчѣ съ цѣлымъ табуномъ лошадей Баусъ нигдѣ не упоминаетъ. Правда, онъ говоритъ, что, «не доѣзжая двухъ миль до Москвы, Посланника встрѣтили четыре значительные дворянина» (gentlemen of good account), но дворяне эти были «сопровождаемы двумя стами всадниковъ, а не двумя стами лошадей, по тому что въ послѣднемъ случаѣ у Бауса стояло бы «не единственное: «two hundred horse», а множественное «two hundred horses».

Наконецъ Г. Полуденскій, разсказавъ, какъ Баусъ получилъ отпускъ отъ Царя Ѳедора Ивановича, говоритъ: «Щелкаловъ торопилъ Посла въ выѣзду, снова дѣлалъ ему всякія оскорбленія, посылалъ сказать, что Англійскій Король умеръ.» Изъ этихъ словъ можно предположить, что Щелкаловъ не зналъ, кто въ то время занималъ Англійскій Престолъ, Король, или Королева? и что онъ прислалъ сказать Баусу, что «Англійскій Король умеръ», чтобы этимъ ложнымъ извѣстіемъ торопить выѣздъ Посла. Но Щелкаловъ былъ Думнымъ Дьякомъ Посольскаго Приказа; отъявленнымъ противникомъ Англичанъ и даже, по словамъ самого же Г. Полуденскаго, склоненъ на сторону Датчанъ (т. е., Нидерландцевъ); наконецъ личнымъ врагомъ Бауса, изъ за котораго, какъ говоритъ также самъ Г. Полуденскій «Іоаннъ, больно избилъ его и грозилъ казнію ему и всему его роду.» Какъ же было Щелкалову, одному изъ самыхъ искусныхъ дѣльцовъ той эпохи, который при трехъ Царяхъ: Іоаннѣ, Ѳеодорѣ и Борисѣ, былъ «человѣкъ великой», у котораго была «Царская печать въ рукахъ,» и который «писалъ, что хотѣлъ» [25] въ грамотахъ къ иноземнымъ

---

[35] Статейный списокъ пріѣзда и пребыванія въ Россіи Англійскаго посла Елизара Флетчера, въ 8 книгѣ Временника Московскаго Общества Исторій и Древностей Россійскихъ М. 1850, стр. 57 и 71. Этотъ статейный

Государямъ, какъ же ему было не знать, что въ Англіи въ это время царствовала «Королевна Елисавета, Божіею милостію Аглинская, Францовская, Хипернская, оборонительная Христіянской Вѣры и иныхъ». [36]

Если бы Г. Полуденскій справился хотя у Карамзина, то нашелъ бы, что «Щелкаловъ велѣлъ сказать Баусу въ насмѣшку: «Царь Англійскій умеръ!» и понялъ бы, что рѣчь идетъ не объ Англійскомъ Королѣ, а объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, и что въ названіи его Англійскимъ Царемъ Щелкаловъ выразилъ всю свою злобу и на Царя, за его уступки Англичанамъ, и на Англичанъ, за ихъ требованія.»

Нужно замѣтить, что Русскій титулъ «Царь» въ Англійскихъ книгахъ того времени часто переводится словами «Emperor, Императоръ», или «King—Король.» Но въ извлеченіяхъ изъ историческихъ сочиненій требуется передача смысла, а не переводъ буквальнаго значенія словъ.

Обращаюсь теперь къ Мильтонову изложенію послѣдней главы: «О первомъ открытіи Сѣверо-Востока Россіи въ 1553 году Англійскими Посольствами и сношеніяхъ съ Русскимъ Дворомъ по 1604 г.» Въ сборникахъ Гаклюйта и Перчаса находится непрерывный рядъ записокъ Англійскихъ Посланниковъ, гонцовъ и гостей, объ этихъ сношеніяхъ за все это время. Слѣдовательно, Мильтону предстоялъ только трудъ передать съ точностію и въ хронологической послѣдовательности извѣстія, заключающіяся въ этихъ запискахъ; послѣднее онъ исполнилъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступилъ отъ точнаго смысла подлинныхъ источниковъ.

Описывая первое отплытіе Англичанъ на Сѣверовостокъ, Мильтонъ разсказываетъ, что «снаряжены были три корабля, обитые жестью, чтобы находящіеся въ Сѣверномъ океанѣ черви не проточили ихъ; ...» «Сэръ Гегъ Вилоуби..... былъ избранъ Адмираломъ, а глав-

---

списокъ изготовленъ и отпечатанъ былъ уже мною, какъ приложеніе къ Флетчеру въ «Чтеніяхъ,» но, послѣ погрома ихъ въ 1848 г., поступилъ во «Временникъ,» безъ всякой оговорки со стороны Г-на Бѣляева, а какъ его дѣло и дѣланіе. И не одинъ этотъ документъ попалъ совершенно случайно во «Временникъ», изготовленный вовсе не для него. О. Б.

[36] Грамота 20 Іюня, 1569 (British Museum. Cotton. Nero B. XI, fol. 316, 317).

нымъ Капитаномъ назначенъ Ричардъ Ченслеръ.... 20 Мая, 1553 года, былъ назначенъ отъѣздъ..... Послѣ нѣкотораго плаванія, путешественниковъ постигла сильная буря, такъ что корабли потеряли другъ друга изъ виду.... одинъ изъ нихъ потонулъ. Серъ Гегъ Уилоби продолжалъ свое странствованіе до 18 Сентября и рѣшился пристать къ берегу, гдѣ бы провести зиму;.... Изъ найденнаго на этомъ кораблѣ завѣщанія Сера Гега Уилоби видно, что онъ въ Генварѣ мѣсяцѣ былъ еще живъ, но въ послѣдствіи всѣ замерзли. Это было у береговъ Лапоніи, въ пристани Арзинѣ, гдѣ черезъ годъ корабль найденъ рыбаками. Находившійся въ то время въ Москвѣ Англійскій Агентъ собралъ уцѣлѣвшія тѣла, все что осталось на кораблѣ, и отправилъ обратно въ Англію, но корабль со всѣмъ, что на немъ было, погибъ дорогой.»

Историкъ Ченслера, Климентъ Адамсъ, учитель пажей Королевны Елисаветы (Clement Adams, schoolemaster to the queenes hensh men), выхваляя заботливость купцовъ, снарядившихъ три корабля, и корабельныхъ мастеровъ, строившихъ эти корабли, говоритъ: «между прочимъ, одинъ изъ нихъ дѣлаютъ они особенно прочнымъ и крѣпкимъ, посредствомъ отличнаго и замысловатаго изобрѣтенія. Они слыхали, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Океана водится особенный родъ червей, которые протачиваютъ и проѣдаютъ самый твердый дубъ: по этому, чтобы предохранить корабельщиковъ и прочихъ, отправлявшихся въ путь, отъ этой опасности, они обшиваютъ часть корабельнаго киля тонкими листами свинца (thinne sheetes of leade).» Слѣдовательно, не всѣ три корабля были обиты жестью (tin), а только киль одного изъ нихъ былъ обшитъ свинцомъ (leade).

Изъ дневника найденнаго на кораблѣ, на которомъ замерзъ Уилоби, [37] видно, что главнымъ Капитаномъ флотиліи (captaine generall of the fleete) былъ Уилоби, а что Чинслеръ былъ только главнымъ ея штурманомъ (pilot maior of the fleete). Впрочемъ, Уилоби Адамсъ даетъ также титулъ Адмирала (admirall).

Число, назначенное для отплытія флотиліи изъ Радклифа (Radcliffe), по словамъ Адамса, дѣйствительно было 20 Мая; но въ вышеупомянутомъ дневникѣ Вилоубія сказано, что корабли вышли изъ

[37] Ghe true copie of a note found written in one of the twos hips, to wit the Speranza, which wintereg in Lappia, where Sir Hugh Willoughby and all his companions died, being frozen to death. Anno 1553.

Гос. Истор. Муз. Б-ка

Радклифа 10 Мая, прошли мимо Гринича 11-го, а изъ Темзы вышли 22-го.

Въ томъ же дневникѣ, послѣ описанія бури, случившейся со 2-го на 3-е Августа, читаемъ: «Какъ только занялся день и разсѣялся туманъ, мы осмотрѣлись кругомъ и увидѣли наконецъ подъ вѣтромъ (to Lecward of vs) одинъ изъ нашихъ кораблей: оказалось, что это «Confidence» (Bona Conxidentia); но «Edward'a» (Edward Bonaventura, на которомъ находился Ченслеръ) мы не могли отыскать. Такъ какъ вѣтеръ нѣсколько утихъ, то мы съ Конфиденціей 4-го числа распустили паруса и поплыли на С. С. В.» Съ того времени корабль Уилоби, Бона Эсперанса, не разлучался болѣе съ Бона Конфиденціей, и 18-го Сентября, около мѣсяца послѣ того, какъ Ченслеръ на третьемъ кораблѣ, Эдуардѣ Бонавентурѣ, присталъ къ монастырю Св. Николая, оба корабля вошли въ гавань, «длиною мили на двѣ врѣзывавшуюся въ материкъ и имѣвшую съ полмили ширины.» Тамъ остались они на зимовку и тамъ «въ лѣто 7063 по зимѣ заморскіе Корелы нашли на Мурманскомъ морѣ два корабля, стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ всѣ мертвы, а товаровъ на нихъ много.» [38]

Англичанинъ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1557 году, описывая плаваніе свое изъ Англіи, упоминаетъ, что онъ плылъ «мимо мѣста, гдѣ Серъ Гегъ Уилоби погибъ со всѣми своими спутниками и которое называется «Arzina геса», т. е., рѣка Арзина. Слѣдовательно, эта была не пристань Арзина, но губа, образуемая устьемъ рѣки Арзины или Варзины, при впаденіи ея въ Сѣверный Океанъ.

Дальнѣйшая судьба двухъ замерзшихъ кораблей довольно любопытна: они были отпущены въ Англію въ 1556 году, вмѣстѣ съ кораблемъ Ченслера, на которомъ ѣхалъ первый Русскій Посланникъ въ Англію, Осипъ Григорьевичъ Непея. [39] Такимъ образомъ опять на время соединилась флотилія, за три года передъ тѣмъ отплывшая изъ Англіи: но около Норвежскихъ береговъ Бона Эсперанса и Бона Конфиденсія были принуждены остановиться, и послѣдній корабль,

---

[38] Древняя Россійская Вивліоѳика (изд. 2) XVIII. Лѣтописецъ Двинской, стр. 12.

[39] A discourse of the honourable receiuing in England of the first Ambassador from the Emperor of Russia, in the yeere of Christ 1556, and in the third yeere of the raigne of Queene Marie, seruing for the third voyage to Moscouie Registred by Master John Jncent Protonotarie.

въ виду Ченслера, былъ разбитъ о скалы, Эдуардъ Бонавентура также потонулъ въ виду Шотландскихъ береговъ и находившійся на немъ Непея едва не погибъ. Четвертый, плывшій съ ними корабль, прозимовавъ въ Норвегіи, только на слѣдующую весну прибылъ въ Лондонъ. Что сталось съ Бона Эсперансой, на которомъ ѣхало 24 пассажира, въ томъ числѣ 10 Русскихъ, и находилось товаровъ Англійскихъ купцовъ на 6 тысячь фунтовъ стерлинговъ, не могли узнать. [40]

Слѣдовательно, изъ бывшихъ подъ начальствомъ Уилоби трехъ кораблей ни одинъ не потонулъ въ 1553 году. Откуда же могъ Мильтонъ взять свое извѣстіе? Это объясняется разсказомъ Адамса, что во время бури, разлучившей Уилоби съ Ченслеромъ, «Адмиральскій катеръ (the shippe boate of the Admirall), ударившись о корабль, пошелъ ко дну въ виду корабельщиковъ Бонавентуры».

Въ описаніи пріѣзда Ченслера и его пріема въ Москвѣ также есть невѣрности. До полученія Царскаго Указа о пріѣздѣ Ченслера въ Москву, жители не только не предлагали ему сами проводниковъ и лошадей, чтобы доставить его въ Москву, но напротивъ, «мѣстные правители откладывали его отъѣздъ день ото дня, то говоря, что должны дождаться согласія всѣхъ Воеводъ, то, что не могутъ дать отвѣта за великими Государственными дѣлами.» Ченслеръ дѣйствительно былъ отпущенъ съ Холмогоръ прежде полученія на то Указа Царскаго, но это было только благодаря его упорному настоянію, когда «онъ объявилъ, что, если его не отпустятъ, то онъ уѣдетъ и будетъ продолжать свое путешествіе, такъ что Москвитяне (хотя еще они и не знали воли своего Царя), опасаясь, что Англичане въ самомъ дѣлѣ уѣдутъ съ товарами, которыхъ имъ очень хотѣлось, рѣшились наконецъ снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ и проводить сухимъ путемъ къ своему Царю.

Весьма сомнительно, чтобы, вопреки тогдашнему обычаю Русскаго Двора, принимая Ченслера, «Царь взялъ изъ его рукъ грамоту.» Ченслеръ въ своихъ запискахъ просто говоритъ, что «отдалъ свою грамоту» (my letter delivered), а изъ записокъ Бауса видно,

---

[40] The voyage of M. Stephen Burrough, An. 1557, from Colmogro to Wardhouse, which was sent to seeke the Bona Esperanza, the Bona Confidentia, and the Philip and Mary, which were not heard of the yeere before.

что обычай требовалъ, чтобы Посланники передавали грамоты Думному Дьяку, который уже подносилъ ихъ Царю. Не видно также изъ записокъ Ченслера, чтобы «передъ отпускомъ Секретарь снялъ шапку, всѣ присутствовавшіе сдѣлали то же, и онъ поднесъ подарокъ Ченслеру.» Напротивъ Ченслеръ пишетъ: «Канцлеръ (т. е., Думный Дьякъ) поднесъ мой подарокъ Его Величеству, снявъ шапку, тогда какъ передъ тѣмъ всѣ оставались съ накрытыми головами.» При томъ подарки давались Посланникамъ не во время пріема ихъ, а присылались имъ на домъ послѣ отпуска ихъ Царемъ. Во время Царскаго пріема Ченслеру, по его собственнымъ словамъ, «ему велѣно было не иначе говорить Великому Князю, какъ когда Великій Князь говорилъ ему.» Простой смыслъ этихъ словъ у Мильтона (или у Г. Полуденскаго?) переданъ такъ: «ему (Ченслеру) между прочимъ было запрещено начинать рѣчь въ присутствіи Царя и ожидать, пока онъ предложитъ вопросъ.» Что же дѣлалъ Ченслеръ, если ему нельзя было самому начинать рѣчь, и въ то же время запрещалось и ожидать вопросовъ Царя?

Въ 1557 году флотиліею, на которой возвратился изъ Англіи Царскій Посолъ Непея, дѣйствительно начальствовалъ Антонъ Дженкинсонъ, «дворянинъ много путешествовавшій» (Anthonie Jenkinson Gentleman, a man well trauelled); [41] на тѣхъ же корабляхъ ѣхало еще нѣсколько Англичанъ, желавшихъ поступить на Царскую службу. Послѣдніе, вмѣстѣ съ Непеею, отправились изъ монастыря Св. Николая въ Холмогоры 20 Іюля, а оттуда выѣхали 29-го въ Москву, куда пріѣхали 12 Сентября. Дженкинсонъ же оставался съ 12 Іюля до 1 Августа у монастыря Св. Николая и пріѣхалъ въ Холмогоры не прежде, какъ отправивъ свои четыре корабля обратно въ Англію, изъ Холмогоръ онъ выѣхалъ 15 Августа, на пути останавливался въ Вологдѣ (съ 20 Сентября до 1 Декабря), и только 6 Декабря пріѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ Царемъ и въ первый разъ у него обѣдалъ въ самый день Рождества, т. е., 25 Декабря. До выѣзда своего изъ Москвы (въ Апрѣлѣ 1558 года) онъ еще два раза былъ на Царскихъ обѣдахъ: въ Крещенье (6 Генваря) и на третій день Св. Пасхи (12 Апрѣля).

---

[41] A. Letter of the Company of the Marchants aduenturers to Russia unto George Killingworth, Richard Gray, and Henry Lane, their Agents there, to be deliuered in Colmogro or els where: sent in the Iohn Euangelist (въ Маѣ 1557 года).

Замѣчательно, что Мильтонъ упоминаетъ, что во время обѣда Дженкинсона у Царя «шесть пѣсенниковъ пропѣли три пѣсни.» Именно на этомъ обѣдѣ, бывшемъ 14 Сентября, Дженкинсонъ не могъ присутствовать, по тому что въ это время еще не былъ въ Москвѣ, а находился на пути, между Устюгомъ и Вологдою. На этомъ обѣдѣ были только тѣ Англичане, которые пріѣхали съ Нееей и изъ которыхъ одинъ, оставившій довольно любопытныя замѣтки о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Россіи, разсказываетъ объ упоминаемомъ у Мильтона обѣдѣ съ шестью пѣсенниками. Академикъ Гамель предполагаетъ, что этотъ Англичанинъ былъ Робертъ Бестъ, и догадка эта весьма правдоподобна, по тому что, въ бытность Неей въ Лондонѣ, Бестъ находился при немъ переводчикомъ. Во всякомъ случаѣ этотъ Англичанинъ, какъ видно изъ его записокъ, отправился 14 Апрѣля, 1558 года, въ Англію, тогда какъ Дженкинсонъ 23 числа того же мѣсяца отплылъ изъ Москвы въ Коломну, чтобы оттуда Окою и Волгою плыть въ Каспійское море.

У Мильтона, или, по крайней мѣрѣ, у Г. Полуденскаго, вовсе не упомянуто о путешествіи Дженкинсона въ Бухару. Между тѣмъ, не говоря о томъ, что Дженкинсонъ первый распустилъ Англійскій флагъ на водахъ Каспійскихъ, путешествіе это [42] любопытно и собственно въ отношеніи къ Россіи уже и по замѣткамъ Дженкинсона о всѣхъ городахъ, мимо которыхъ онъ плылъ Окою и Волгою до Астрахани, о торговлѣ этихъ городовъ, о племенахъ, кочевавшихъ вдоль Приволжья, и о тамошнихъ произведеніяхъ. Въ «Исторіи Московіи» слѣдовало упомянуть объ этомъ путешествіи также и по тому, что, по окончаніи его, Дженкинсонъ привезъ въ Москву (2 Сентября, 1559) Посланниковъ къ Царю отъ Хановъ Бухары, Балха и Ургенча. Дженкинсонъ возвратился въ Англію не ранѣе, какъ черезъ четыре года по прибытіи своемъ въ Россію (9 Мая, 1560 г.).

Если Мильтонъ умолчалъ о путешествіи Дженкинсона въ Бухару въ 1558 году, и о путешествіяхъ Англичанъ изъ Россіи въ Персію въ 1563, 1565, 1568 и 1579 годахъ, то не извѣстно, по чему онъ

---

[42] The voyage of Master Anthony Jenkinson, made from the citie of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558, written by himselfe to the Merchants of London of the Mosconie companie.

упомянулъ о пріѣздѣ Дженкинсона въ Москву въ 1561 году. [43] Дженкинсонъ въ этомъ году пріѣзжалъ въ Москву единственно для полученія Царскаго разрѣшенія на проѣздъ въ Персію; въ Персію же ѣздилъ съ цѣлью учредить прямую торговлю съ этой страной, когда до того времени Англійскіе товары шли не иначе, какъ черезъ посредство Венеціянцевъ. Для Россіи это путешествіе Дженкинсона было дѣйствительно замѣчательно по тому, что Дженкинсонъ привезъ въ Москву первое извѣстіе о желаніи Грузинскаго Царя отдаться подъ защиту Россіи. Изъ записокъ его видно даже, что онъ обнадежилъ присланнаго къ нему въ Шемаху Грузинскаго посланца въ томъ, что Россія окажетъ Грузіи помощь противъ грозныхъ ея сосѣдей, Шаха Персидскаго и Султана Турецкаго. Но объ этомъ обстоятельствѣ, которому, можетъ быть, Россія обязана послѣдующимъ распространеніемъ своего владычества за Кавказомъ, у Мильтона не упомянуто.

Въ третій пріѣздъ свой въ Москву (въ 1566 г.) Дженкинсонъ испросилъ новую Жалованную грамоту для «Общества купцовъ искателей новыхъ торговлей» (Corporation of Merchants aduenturers for the discouering of new trades). [44] Кромѣ прежней повольной и безпошлинной торговли по всей Россіи, Царь, между прочимъ, предоставилъ имъ право провозить свои товары во всѣ страны за Каспійскія.

Отпуская Дженкинсона въ этотъ разъ, Царь возложилъ на него порученіе чрезвычайной важности, о которомъ Мильтонъ опять умалчиваетъ. [45] Царь предлагалъ черезъ него Елисаветѣ оборонительный и наступательный союзъ, просилъ ея помощи противъ Польши и присылки изъ Англіи пушекъ, боевыхъ снарядовъ, а также корабельныхъ мастеровъ; наконецъ просилъ заключенія съ Королевною тайнаго соглашенія, по которому бы они обоюдно обязались клятвою, на случай бѣды, которая могла бы принудить одного изъ нихъ оставить престолъ, дать ему убѣжище въ своемъ Государствѣ.

[43] A compendious and briefe declaration of the iourney of M. Anth. Jenkinson, from the fafous citie of London into the land of Persia.

[44] A very briefe remembrance of a voynge made by M. Anthony Jenkinson, from London to Moscouia etc. in the yeere 1566.

[45] Antho. Jenkinsons message done to the Q. Matie from the Emperor of Moscouia (November 1567). (British Museum. Cotton. Nero. B. XI. fol. 332.

Говоря о пріѣздѣ Рандольфа въ 1568 году,[46] Мильтонъ приписываетъ непріемъ его Царемъ въ теченіи 17-ти недѣль «какому-то подозрѣнію.» Причины, по чему Царь долгое время не принималъ Рандольфа, вовсе не заключались въ подозрѣніяхъ Царя, а въ его неудовольствіи за то, что съ нимъ не пріѣхалъ повѣренный задушевныхъ его думъ, «Онтонъ» Дженкинсонъ;[47] при томъ Рандольфъ «уродственнымъ обычаемъ» не хотѣлъ сказать Боярамъ: «Есть ли съ нимъ приказъ отъ Королевны о тѣхъ рѣчахъ, что Царь къ ней съ Онтономъ приказывалъ?» Кромѣ того, во время пребыванія Рандольфа въ Москвѣ, «пришло Божье посланье, повѣтрее.» Совинъ былъ посланъ въ Англію съ Рандольфомъ для ратификаціи написаннаго симъ послѣднимъ и утвержденнаго имъ въ Вологдѣ договора, чтобы къ Іоанну былъ присланъ Дженкинсонъ, «рѣчамъ котораго Царь даетъ болѣе вѣры, такъ какъ Царь довѣрился ему при самомъ началѣ этого союза любви и дружбы.»[48] Отказъ Елисаветы утвердить договоръ присягою и неприсылка ею Дженкинсона въ Москву до того разгнѣвали Іоанна, что онъ отмѣнилъ всѣ привилегіи Англичанъ, объявилъ, что всѣ ихъ жалованныя «грамоты не въ грамоты,» и что «Московское Государство покаместъ безъ Англинскихъ товаровъ не скудно было».[49]

Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, столь важныхъ для исторіи сношеній Россіи съ Англіею, Мильтонъ не говоритъ ни слова. О послѣднемъ пріѣздѣ Дженкинсона въ Россію (въ 1571 году) упоминаетъ онъ также только мелькомъ, тогда какъ личному вліянію этого замѣчательнаго человѣка на Царя, Англичане обязаны были возвращеніемъ своихъ повольностей, а Елисавета возобновленіемъ своихъ дружественныхъ сношеній съ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

---

[46] The Ambassage of the right worshipf M. Master Thomas Randolfe, Esquire, to the Emperour of Russia, in the yeere 1568, briefly written by himself.

[47] Грамота Іоанна къ Елисаветѣ 24 Октября, 1570 г. (London. State Paper Office Russia). Въ грамотѣ этой сказано, что окончательные переговоры Рандольфа происходили въ Вологдѣ; самъ же Рандольфъ, въ запискѣ о своемъ посольствѣ, пишетъ, что всѣ ихъ въ «увеселительномъ дворцѣ Слободѣ»—Александровской (house of his solace Slouoda).

[48] The Ambassadours request to the right ho-ll, ll. M-r Secretarie, VI Maij, 1570 (British Museum. Cotton. Nero. B. XI. fol 335).

[49] Грамота Царя отъ 24 Октября, 1570 г. (London. State Paper Office. Russia).

Для дальнѣйшихъ доказательствъ, какъ чужда «Исторія Московіи» всякаго историческаго достоинства, можно бы привести много другихъ важныхъ пропусковъ Мильтона, на пр.: умолчаніе имъ ежегодныхъ пересылокъ Царя Бориса съ Королевною Елисаветою, въ которыхъ впервые сношенія Россіи съ Англіею утратили характеръ личныхъ одолженій между Государями, или торговыхъ сдѣлокъ съ купцами, а приняли истинный Государственный, дипломатическій характеръ. Но, кажется, приведенное мною достаточно уже указываетъ на недобросовѣстность Мильтона въ выполненіи имъ заданнаго себѣ труда, на искаженіе часто даже смысла бывшихъ у него обильныхъ и любопытныхъ матеріяловъ, на отсутствіе въ немъ всякой исторической критики, и наконецъ на то, что, взявъ на себя задачей изобразить состояніе Россіи при восшествіи Михаила, онъ представилъ ее, какою она была въ пяти и шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка.

Исторія Мильтона не удостоилась втораго отдѣльнаго изданія Это доказываетъ, что она нашла справедливую оцѣнку между Англичанами, и объясняетъ, по чему она сдѣлалась библіографическою рѣдкостію. Но, стряхая пыль съ этой, давно и заслуженно забытой книги, и представляя изъ нея занимательно написанное извлеченіе, въ которомъ сгладились многіе изъ промаховъ Мильтона, Г. Полуденскій придалъ «Исторіи Московіи» новое, совершенно несвойственное ей, значеніе матеріяла для Русской Исторіи. Въ матеріялахъ историческихъ слѣдуетъ быть особенно осмотрительнымъ: дурной, невѣрный матеріялъ не полезенъ, а вреденъ для любителя Исторіи, по тому что, прежде чѣмъ убѣдиться, что онъ невѣренъ, нужно потратить много времени на сличеніе его съ источниками достовѣрными Невѣрный историческій матеріялъ въ Исторіи есть зло, и обличеніе этого зла составляетъ обязанность всякаго, знакомаго съ подлинными источниками. Вотъ по чему и я взялъ на себя обличеніе невѣрности «Исторіи Мильтона,» руководствуясь въ этомъ случаѣ его же стихами въ «Потерянномъ Раѣ»:

.....«if what is evil
Be real, why not, known, since easier shunn'd?»

То есть:

«Если что дѣйствительно дурно, за чѣмъ не знать, что оно дурно, чтобы легче его избѣгнуть?»

Юрій Толстой.

МОСКОВІЯ

ИЛИ

ИЗВѢСТІЯ О МОСКОВІИ,

ПО ОТКРЫТІЯМЪ

АНГЛІЙСКИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ,

СОБРАННЫЯ

ИЗЪ ПИСЬМЕННЫХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ РАЗНЫХЪ ОЧЕВИДЦЕВЪ;

ТАКЖЕ

и другія малоизвѣстныя страны, лежащія на востокъ отъ Россіи до самаго Катая,

НЕДАВНО ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ОТКРЫТЫЯ РУССКИМИ.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.),

на Страстномъ бульварѣ.

1875.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1874 г. кн. 3-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе Географіи полезно и усладительно; но хотя нѣкоторые географы довольно точно опредѣлили долготы и широты, они по большей части не соблюдали въ своихъ трудахъ соразмѣрности въ отношеніи другихъ, также считающихся географическими, свѣдѣній, какъ то: обычаевъ, вѣры, правленія и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ писателей неудовлетворительны по краткости и недостаточности своихъ извѣстій, другіе слишкомъ пространны и неумѣстно утомляютъ читателя длинными разсказами о нелѣпыхъ суевѣріяхъ, странныхъ обычаяхъ и другихъ, ни къ чему ни ведущихъ, мелочахъ, тогда какъ въ ихъ многословіи ускользаетъ, или скоро забывается, полезное, подлинно заслуживающее вниманія. Можетъ быть это и подало мысль нѣкоторымъ болѣе ученымъ и разсудительнымъ людямъ, не имѣвшимъ времени, или желанія, написать цѣлую Географію, сдѣлать опытъ описанія одной страны, или двухъ, въ видѣ образца, или примѣра, въ предостереженіе другихъ, могущихъ задумать въ послѣдствіи цѣльное сочиненіе. Можетъ быть это и побудило Павла Іовія описать только Московію и Британію. Такія же разсужденія, много лѣтъ тому назадъ, послужили мнѣ поводомъ къ составленію въ свободное время подобнаго опыта, и я началъ съ Московіи, какъ съ самой сѣверной изъ Европейскихъ странъ, почитаемыхъ образованными, и коей сѣверные предѣлы были открыты Англійскими путешественниками. Я видѣлъ, что въ этомъ трудѣ у меня было большое преимущество передъ

Павломъ Іовіемъ. Немалаго труда стоило мнѣ собрать воедино то, что было разсѣяно по многимъ книгамъ и въ разное время наблюдено очевидцами, дабы избѣгнуть читателямъ гораздо продолжительнѣйшихъ разысканій въ разныхъ отдѣльныхъ сочинителяхъ; самъ я, впрочемъ, не безъ наслажденія слѣдовалъ за ними отъ восточныхъ границъ Россіи до стѣнъ Китая, въ разныхъ сухопутныхъ путешествіяхъ, сдѣланныхъ туда въ послѣднее время Русскими, которые описываютъ эти страны совсѣмъ иначе, чѣмъ обыкновенные географы. Обстоятельства помѣшали мнѣ продолжать мой трудъ. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, опытъ этотъ былъ признанъ нѣкоторыми лицами, его знавшими, заслуживающимъ напечатанія, дабы столь многозамѣчательныя свѣдѣнія, прежде разсѣянныя, а нынѣ собранныя въ одно цѣлое, не утратились, а съ тѣмъ вмѣстѣ не пропалъ и трудъ собранія ихъ.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ МОСКОВІИ

и

ДРУГИХЪ МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ СТРАНЪ, ЛЕЖАЩИХЪ КЪ ВОСТОКУ ОТЪ РОССІИ ДО КАТАЯ,

СОБРАННАЯ ИЗЪ ПИСЬМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ РАЗНЫХЪ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

ГЛАВА I.

Краткое описаніе.

Государство Московское или, какъ иные его называютъ, Россія граничитъ къ сѣверу съ Лапоніей и Океаномъ, къ югу съ Крымскими Татарами, къ западу съ Литвою, Ливоніею и Польшею, къ востоку съ рѣкою Обью и по Волгѣ, вплоть до Астрахани, съ Ногайскими Татарами.

Сѣверныя части этой страны столь безплодны, что жители привозятъ зерновой хлѣбъ изъ за тысячи миль, а зимой тамъ до того холодно, что въ дровахъ, горящихъ на огнѣ, сокъ замерзаетъ, капая съ конца, противоположнаго зажженному. Корабельщикамъ, оставленнымъ на корабляхъ въ первый пріѣздъ Англичанъ въ Россію, холодъ до такой степени захватывалъ духъ, что на переходѣ только отъ своихъ каютъ до люковъ они падали, какъ бы задохнувшіеся.

Пристань Св. Николая, * куда они въ первый разъ пристали, лежитъ подъ 64 градсомъ; она такъ называется по имени деревяннаго монастыря, который тамъ построенъ и въ которомъ они нашли двадцать монаховъ, неученыхъ и большихъ пьяницъ; церковь красива, наполнена образами и свѣчами. Кромѣ монастыря, тамъ всего шесть домовъ, изъ которыхъ одинъ построенъ Англи-

---

* См. прим. 1.

чанами. Насупротивъ монастыря въ заливѣ находится Розовый островъ, * на которомъ ростутъ въ изобиліи алыя и красныя розы, фіялки и дикій розмаринъ. Этотъ островъ имѣетъ семь, или восемь, миль въ окружности; снѣгъ тамъ пропадаетъ въ половинѣ Мая, послѣ двухмѣсячнаго таянія; недѣли двѣ спустя земля просыхаетъ, а черезъ мѣсяцъ выростаетъ трава вышиною по колѣно; послѣ Сентября опять начинаются морозы и выпадаетъ снѣгъ глубиною въ ярдъ. На островѣ построенъ Англичанами домъ, близъ прекраснаго студенаго ключа. Къ сѣверо-востоку отъ монастыря, на другой сторонѣ Двины, находится Архангельской замокъ, ** гдѣ Англичанами построенъ еще домъ. Здѣсь впадаетъ въ море, принявъ сперва Пинегу, весьма широкая и быстрая, но мелководная, рѣка Двина: она беретъ свой истокъ во внутренности страны миль за сто и имѣетъ красивое теченіе между холмами, возвышающимися по обоимъ ея берегамъ, которые, подобно пустыни, поросли высокими елями и другими деревьями. Лодки по этой этой рѣкѣ строятся всѣ изъ лѣса, вовсе безъ желѣза, и дѣлаются или для хода на парусахъ, или для тяги бичевою противъ теченія.

За Архангельскомъ къ сѣверо-востоку стоитъ Лампасъ *** (Lampas), куда два раза въ годъ съѣзжаются на ярмарку Русскіе, Татары и Самоѣды. Далѣе во внутренности земли, между рѣками Печорою и Двиною, находятся Мезень и Слободка (Slobotca), два торговые города; со стороны моря выдается мысъ Канинъ Носъ (Candinos) и лежитъ островъ Колгуевъ (Colgoieve), миляхъ въ тридцати отъ Печорской бары, подъ 69 градусомъ.

Рѣка Печора протекаетъ Сибирь, но длина ея теченія не извѣстна; она впадаетъ въ море семьюдесятью двумя устьями, которыя наполнены льдомъ; рѣка эта изобилуетъ лебедями, утками, гусями и куропатками, которыхъ Русскіе ловятъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ; перья они продаютъ, а мясо солятъ въ прокъ на зиму. Эта рѣка образуетъ озеро, на коемъ, подъ 68 градусомъ, стоитъ городъ Пустозерскъ, **** въ которомъ домовъ восемьдесятъ, или сто; въ 1611 году въ немъ зимовали нѣсколько купцовъ изъ Гулля.

---

* См. прим. 2.

** См. прим. 3.

*** См. прим. 4.

**** См. прим. 5.

Городъ Печора малъ и бѣденъ, имѣетъ три церкви. Купцы ѣздили отсюда на четыре дня пути вверхъ по рѣкѣ въ Усть-Цыльму * (Oustzilma), небольшой городокъ въ шестьдесять домовъ. Русскіе путешественники говорятъ, что рѣка Печора имѣетъ истокъ въ горахъ Югоріи и протекаетъ черезъ Пермскую область. Недалеко отъ ея устья находится Вайгачскій проливъ, о которомъ будетъ говорено послѣ; далѣе къ востоку мысъ Нарымской ** (Naramzy), ближайшій къ Обской губѣ, за которую недавно Москвитяне распространили свое владычество. Англичане не могли собрать никакихъ свѣдѣній о Рифейскихъ горахъ, въ которыхъ древніе предполагали источникъ Танаиса; узнали только, что вся эта страна образуетъ равнину, коей сѣверная окраина покрыта огромными пустынными еловыми лѣсами, гдѣ изобилуютъ черные волки, медвѣди, буйволы и еще особенный родъ звѣрей, называемыхъ россомахами (rossomakka), которыхъ самки рожаютъ, проходя черезъ какое ни будь узкое мѣсто, какъ, на примѣръ между двухъ столбовъ, и такимъ образомъ выдавливая приплодъ изъ своей утробы. Путешествуя далѣе на югъ, Англичане нашли болѣе пріятную, красивую и лучше населенную, страну, съ хлѣбными полями, лугами и огромными лѣсами. Аркапія (если это не тотъ же Архангельскъ) есть мѣсто Англійскаго торга, откуда, на разстояніе одного дня пути и ста верстъ отъ Св. Николая, стоятъ Холмогоры на Двинѣ: *** это большой городъ, не обнесенный стѣнами, съ строеніями, разбросанными безъ порядка. Англичане здѣсь имѣютъ свои собственныя земли, пожалованныя имъ Царемъ, и красивые дома. Немного далѣе въ Двину впадаетъ Пинега, которая течетъ между скалами алебастра и большими лѣсами. Въ пяти стахъ верстахъ (т. е., небольшихъ миляхъ) отъ Холмогоръ находится Устюгъ, древній городъ при сліяніи Юга и Сухоны, образующихъ Двину, которая только отсюда принимаетъ свое имя. Отсюда путь водою до Вологды, **** большаго города, названнаго по имени рѣки, которая черезъ него протекаетъ; въ немъ есть замокъ, обнесенный стѣнами изъ кирпичей и камня, и много деревянныхъ церквей, по двѣ на каждый приходъ: од-

---

* См. прим. 6.

** См. прим. 7.

*** См. прим. 8.

**** См. прим. 9.

ной—зимней, которую можно топить, другой—лѣтней. Вологда очень торговый городъ, въ тысячи миляхъ отъ Св. Николая. На всемъ этомъ пути по рѣкамъ нѣтъ другого пристанища, какъ на берегѣ, подъ открытымъ небомъ, и нельзя найти другихъ припасовъ, кромѣ тѣхъ, которые везетъ съ собою. Изъ Вологды переѣздъ на саняхъ до Ярославля на Волгѣ, которая тамъ шириною по крайней мѣрѣ въ милю; оттуда она течетъ двѣ тысячи семьсотъ верстъ до Каспійскаго моря; начало же беретъ въ Бѣломъ озерѣ, * посреди коего построена крѣпкая башня, гдѣ Цари Московскіе хранятъ свою казну въ военное время. Изъ Ярославля путь лежитъ на Ростовъ, оттуда на Переяславль, большой городъ, расположенный на красивомъ озерѣ; оттуда на Москву. **

Между Ярославлемъ и Москвою, т. е., на протяженіи двухъ, сотъ миль, страна до того плодородна, населена и наполнена деревнями, что въ теченіи полудня встрѣчается обыкновенно до семи или до осьми, сотъ саней, на которыхъ везется соленая рыба, или привозится оттуда зерновой хлѣбъ.

Москва, *** столичный городъ, лежитъ подъ 55 градусомъ и отстоитъ полторы тысячи миль отъ Св. Николая; она считается обширнѣе Лондона съ предмѣстіями, но дурно построена; большая часть домовъ и церквей въ ней деревянные, каменныхъ мало; улицы не вымощены; есть красивый четвероугольный замокъ, на холмѣ, мили въ двѣ окружности, съ кирпичными очень высокими стѣнами, толщиною, какъ говорятъ, въ осьмнадцать футовъ, съ шестнадцатью воротами и столькими же валами; внутри замка находятся главные рынки, которые зимою, когда образуется крѣпкій ледъ, переносятся на рѣку. Эта рѣка Москва, съ юго-запада обтекаетъ замокъ, въ которомъ девять красивыхъ церквей съ круглыми позлащенными башнями, **** и Царскій дворецъ. Дворецъ этотъ ни внутри, ни снаружи, не равняется великолѣпіемъ съ Королевскими домами въ Англіи; онъ скорѣе похожъ на старинныя Англійскія строенія съ небольшими окнами, изъ которыхъ нѣко-

---

* См. прим. 10.

** См. прим. 11.

*** См. прим. 12.

**** Т. е., съ позлащенными куполами.

торыя стеклянныя, другія съ рѣшетками, или съ желѣзными брусками.

Путешественникъ, который ѣдетъ изъ Москвы къ Каспійскому морю, * спускается по Москвѣ рѣкѣ въ Оку; потомъ мимо разныхъ замковъ къ Рязани, знаменитому городу, теперь въ развалинахъ; на десятый день въ Нижній Новгородъ, гдѣ Ока впадаетъ въ Волгу, которую Татары низываютъ Эдель; на одиннадцатый день въ Казань, Татарскій городъ, прежде очень богатый, теперь принадлежащій Русскимъ; сперва онъ былъ обнесенъ деревянной стѣной и земляной насыпью, но, со времени Царя Васильевича, одѣтъ плитою. Изъ Казани къ рѣкѣ Камѣ, впадающей въ Волгу ** изъ области Пермской; жители по лѣвому берегу Волги— язычники и живутъ въ лѣсахъ, не имѣя домовъ; за ними до Астрахани обитаютъ Мордвины (Mangal?), Татары и Ногайцы; на правомъ берегу живутъ Крымцы. Отъ Москвы до Астрахани около шестисотъ миль. Астрахань расположена на пологости холма, обнесеннаго земляною насыпью; кругомъ замка земляной валъ и частоколъ; дома, исключая Воеводскаго и немногихъ другихъ, бѣдны и плохи; земля совершенно безплодна и безлѣсна; жители питаются рыбой и особенно осетриной; для этого осетры развѣшиваются для просушки по улицамъ и въ домахъ, что привлекаетъ цѣлые тучи мухъ, заражаетъ воздухъ и часто производитъ заразу. Островъ, на которомъ построена Астрахань, длиною въ двѣнадцать миль, шириною въ три мили; на немъ содержится сильный гарнизонъ; ибо островъ этотъ составляетъ предѣлъ Россіи со стороны Каспійскаго моря, отъ котораго онъ въ разстояніи двадцати миль и въ которое Волга вливается семьюдесятью устьями. Отъ Св. Николая, или отъ Москвы до Каспія проѣзда сорокъ шесть сутокъ, большею частію водянымъ путемъ.

Въ тысяча двухъ стахъ миляхъ къ западу отъ Св. Николая, подъ 58 градусомъ, лежитъ Новгородъ, главнѣйшій торговый городъ во всемъ Государствѣ, не уступающій величиною Москвѣ. Путь туда идетъ черезъ западный уголъ залива Св. Николая, и потомъ вдоль берега, на которомъ множество опасныхъ скалъ, на монастырь Соловки, въ которомъ ни какъ не менѣе двухъ сотъ

* См. прим. 13.

** Т. е., Царя Ивана Васильевича (Грознаго).

монаховъ; окрестные жители почти дикари, хотя, впрочемъ, принадлежатъ этимъ монахамъ. Оттуда къ опасной рѣкѣ Выгу (Owiga), въ которой водопады столь круты, что какъ бы текутъ съ горъ, и по быстротѣ своего паденія никогда не замерзаютъ; въ этомъ мѣстѣ, на разстояніи около мили, необходимо переносить лодки берегомъ; переноску эту, по показанію монаховъ, совершили ихъ крестьяне, служившіе проводниками Англійскимъ купцамъ, отъ которыхъ они не взяли за то никакого вознагражденія. Оттуда на городъ Повѣнецъ (Povensa), который стоитъ въ одной мили отъ славнаго озера Онеги, весьма глубокаго и имѣющаго 320 миль длины, а ширины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 70, а въ самыхъ узкихъ 25. Оттуда разными монастырями къ рѣкѣ Свирѣ; по томъ въ озеро Ладожское (Ladiscay), которое гораздо длиннѣе Онежскаго; потомъ въ рѣку Волховъ (Volhusky), которая протекаетъ черезъ середину Новгорода въ это (Ладожское) озеро, соединяющееся у Нарвы и у Ревеля съ Балтійскимъ зундомъ. Другіе Русскіе города со стороны западнаго рубежа суть: Псковъ и Смоленскъ (Plesco, Smolensco or Vobsco).

Царь имѣетъ неограниченную власть. Если кто ни будь умираетъ безъ мужскаго потомства, то его помѣстье возвращается Царю. Всякій богатый человѣкъ, о которомъ узнаютъ, что онъ по старости, или дряхлости, не можетъ отправлять общественную службу, изгоняется изъ своего имѣнія (estate) и долженъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, жить небольшимъ жалованьемъ, между тѣмъ какъ Великій Князь, своею властію, отдаетъ его помѣстье кому ни будь другому, болѣе заслуживающему лицу. Въ этихъ случаяхъ Великаго Князя увѣдомляютъ такимъ образомъ: «Ваше Величество, говоритъ кто ни будь, у тебя такой-то подданный имѣетъ огромныя богатства, но не способенъ служить Государству; а есть другіе бѣдные и нуждающіеся, но способные служить Государству.» Великій Князь немедленно посылаетъ удостовѣрится и, призвавъ богатаго, говоритъ ему: «Пріятель! У тебя слишкомъ много имѣнія, а ты безполезенъ Государству; довольно тебѣ будетъ и меньшаго; на остальное же можно содержать другихъ, которые болѣе тебя заслуживаютъ.» Тотъ, который такимъ образомъ призванъ, не противорѣчитъ, а смиренно отвѣчаетъ, что «все, что онъ имѣетъ,— Божіе и Государево;» такъ что можно подумать, что онъ скорѣе возвращаетъ то, что по справедливости принадлежитъ другому, чѣмъ разстается съ своею собственностію.

Каждый дворянинъ имѣетъ право суда и расправы надъ людьми, поселенными на его земляхъ: если люди, принадлежащіе двумъ помѣщикамъ, тягаются, помѣщики стараются ихъ помирить; если въ томъ не успѣютъ, то каждый приводитъ своего человѣка предъ главнаго областнаго судью.

Законниковъ у Русскихъ нѣтъ: каждый изъ тяжущихся самъ ведетъ свое дѣло, или письменно излагаетъ свое прошеніе, или свой отвѣтъ, и лично вручаетъ Великому Князю; не смотря на это, правосудіе мало соблюдается, по причинѣ лихоимства мелкихъ Приказныхъ. Въ случаяхъ, когда недостаточно доказательствъ, тяжущіеся могутъ прибѣгнуть къ судебному поединку своими особами, или посредствомъ представителей. Человѣкъ, по бѣдности не платящій своего долга, берется въ кабалу къ Великому Князю, который отдаетъ его въ заработки и держитъ его въ кабалѣ до уплаты долга. Есть у Русскихъ еще судъ посредствомъ жеребья.

Количество доходовъ Государя зависитъ отъ его произвола и отъ того, что могутъ заплатить его подданные: онъ не гнушается самыми грубыми средствами собирать съ нихъ деньги. Въ каждомъ порядочномъ городѣ есть питейный домъ, называемый корчмою (cursemay), который Царь отдаетъ или на откупъ, или въ награду за службу какому ни будь Боярину, или Дворянину: Бояринъ этотъ дѣлается на время властелиномъ города, грабитъ и обираетъ жителей сколько ему угодно; когда же онъ обогатится, то его посылаютъ, на его собственный счетъ, на войну, и тамъ выдавливаютъ изъ него его дурно пріобрѣтенное богатство: такимъ образомъ веденіе войны не стоитъ Царю ничего, или стоитъ ему очень мало.

Въ военное время Россія выставляетъ не менѣе трехъ сотъ тысячъ человѣкъ; половину ихъ Царь беретъ съ собою въ поле, остальныхъ оставляетъ для содержанія сторожей по рубежамъ. Военной службой не обязаны ни хлѣбопашцы, ни купцы, но одни молодые люди. Пѣхотинцевъ у него нѣтъ, кромѣ піонеровъ или пищальниковъ, которыхъ тридцать тысячъ человѣкъ. Остальные составляютъ конницу, всѣ вооружены луками и ѣздятъ на коротких стременахъ подобно Туркамъ. Одѣяніе воиновъ состоитъ изъ досчатыхъ латъ и шишака; нѣкоторыя латы покрыты бархатомъ, или золотою парчею; по тому что Руссіе любятъ пышность въ военной одеждѣ: самъ же Великій Князь не знаетъ въ

ней мѣры; его шатеръ покрытъ золотой и серебряной парчей и украшенъ драгоцѣнными камнями. Къ сѣдельной лукѣ Русскіе привѣшиваютъ небольшіе барабаны, * которые употребляютъ вмѣсто шпоръ, подгоняя лошадей ихъ звукомъ.

Они сражаются безъ порядка и неохотно вступаютъ въ сраженіе, а воюютъ хитростію и засадами. Удивительно терпѣливо переносятъ они стужу и дурную пищу; ибо въ такую пору, когда земля покрыта обледенѣлымъ снѣгомъ глубиною въ ярдъ, рядовой воинъ проводитъ мѣсяца по два въ полѣ безъ шатра или навѣса надъ своей головой: развѣситъ только свой плащъ съ той стороны, откуда дуетъ непогода, разведетъ огонекъ, и ложится передъ нимъ спиной къ вѣтру; пьетъ холодную воду изъ рѣки, смѣшанную съ овсяной мукой, и это вся его пища; конь его кормится древесными сучьями и корою, все время остается въ открытомъ полѣ и, не смотря на то, отправляетъ свою службу. Царь не платитъ вовсе жалованья никому, кромѣ иностранцевъ, но за военныя заслуги награждаетъ землями въ пожизненное владѣніе, и тѣ лица, которыя чаще посылаются на войну, считаютъ себя въ большей милости, хотя и служатъ безъ жалованья.

Ежегодно 12го Декабря, Царь и всѣ его Бояре съ большою пышностію выѣзжаютъ въ поле, за городъ, верхами на жеребцахъ или Турецкихъ коняхъ; пять тысячъ пищальниковъ стрѣляютъ передъ нимъ въ ледяной валъ, пока не собьютъ его; орудія, которыя у нихъ есть всѣхъ родовъ и которыя очень хороши, наводятся на два деревянные дома, набитые землею, толщиною; по крайней мѣрѣ, футовъ въ тридцать и, начиная съ меньшихъ орудій, выпаливаютъ изъ нихъ изо всѣхъ по три раза, сбивая эти дома вровень съ землею. Кромѣ другихъ орудій, у нихъ есть шесть пушекъ, которыхъ ядра, вышиною въ одинъ ярдъ, такъ что можно слѣдить за ихъ полетомъ; потомъ палятъ холостыми зарядами изъ мортиръ. Освидѣтельствовавъ такимъ образомъ успѣхи своихъ пушкарей, Царь возвращается во дворецъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ пріѣхалъ.

Русскіе слѣдуютъ ученію Греческой Церкви, но примѣшиваютъ множество суевѣрій: службу отправляютъ на Русскомъ

* Набаты.

языкѣ. Они считаютъ, что десять заповѣдей не касаются ихъ и говорятъ, что Богъ далъ ихъ во времена (Ветхаго) Завѣта, который отмѣненъ смертію Христа на крестѣ. Евхаристія дается въ причастіе въ обоихъ видахъ. Постовъ соблюдается четыре; богослуженіе въ церквахъ отправляется ежедневно, начиная за два часа до разсвѣта и до вечера; никто, однако же, не можетъ быть хуже духовенства въ отношеніи распутства, пьянства и лихоимства.

Въ Россіи много большихъ и богатыхъ монастырей, въ которыхъ оказывается большое гостепріимство. Въ Троицкомъ (Trojetes) семь сотъ монаховъ, и онъ обнесенъ крѣпкими каменными стѣнами, на которыхъ разставлено много мѣдныхъ орудій; въ окружности около монастыря миль на сорокъ большая часть земель, городовъ и деревень принадлежатъ тамошнимъ монахамъ, которые въ то же время по торговлѣ равняются съ значительнѣйшими купцами въ странѣ. Во время праздниковъ Св. Пасхи, если два пріятеля встрѣтятся, то они беруть другъ друга за руку и одинъ изъ нихъ говоритъ: «Господь воскресъ!» а другой отвѣчаетъ: «Во истину такъ!» послѣ чего они цѣлуются, какъ мущины, такъ и женщины. Царь почитаетъ Митрополита послѣ Бога, послѣ Божіей Матери и Св. Николая, считая его Намѣстникомъ духовнымъ, себя же только Намѣстникомъ свѣтскимъ. Впрочемъ, Москвитяне по рубежу Татаріи еще язычники.

Когда двое влюбятся другъ въ друга, мущина, между прочими бездѣлыными подарками, посылаетъ женщинѣ плеть, чтобы показать ей, чего она должна ожидать, если его обидитъ, и между ними полагается за правило, что если жена не бываетъ бита разъ въ недѣлю, то она считаетъ, что ее не любитъ мужъ, и становится хуже; впрочемъ, жены послушны и не выходятъ изъ дома, за исключеніемъ нѣкоторыхъ временъ; когда мужъ не взлюбитъ жены, то онъ съ нею разводится: нѣтъ сомнѣнія, что эту льготу Русскіе заимствовали отъ Греческой Церкви, и изъ Царскихъ законовъ.

Мертвымъ они надѣваютъ на ноги для погребенія новые башмаки, какъ бы для длиннаго пути, а въ руки кладутъ свидѣтельство на имя Св. Николая, или Петра, въ томъ, что покойный былъ Русскій, или Русская, и умеръ въ Православіи. Они думаютъ, что, по прочтеніи этого свидѣтельства, Св. Петръ немедленно впускаетъ покойника въ небо.

Они невѣжественны и не допускаютъ ученья среди себя; величайшія пріязнь основана на пьянствѣ; они величайшіе болтуны, лгуны, льстецы и лицемѣры, чрезвычайно любятъ грубую пищу и вонючую рыбу, питье ихъ нѣсколько лучше; ибо заключается въ разныхъ сортахъ меда: лучшій дѣлается изъ сладкой, малиноваго цвѣта, ягоды, которая также растетъ во Франціи и называется малиною (Maliena); другіе дѣлаются изъ черныхъ ягодъ и разныхъ другихъ ягодъ; весной они также добываютъ изъ корня березы сокъ, который пропадаетъ послѣ Іюня мѣсяца. Но нѣтъ людей, которые жили бы въ большей нищетѣ, какъ бѣдные въ Россіи: случается имъ перебиваться не имѣя ничего, кромѣ соломы и воды; зимою ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, высушенную и сжатую солому, а лѣтомъ траву и коренья; древесную кору во всякое время считаютъ они лакомствомъ. Многіе, однако же, умираютъ на улицѣ съ голода, и никто и не думаетъ помочь имъ, или даже обратить на нихъ вниманіе.

Когда они сами ѣздятъ въ чужіе край, или когда иностранцы пріѣзжаютъ къ нимъ, то они одѣваются очень пышно, иначе даже Царь одѣвается плохо.

Зимою они ѣздятъ только въ саняхъ, по тому что дороги дѣлаются жестки и гладки отъ снѣга, а рѣки всѣ замерзаютъ. Одна лошадь провезетъ человѣка въ саняхъ четыреста миль въ три дня; лѣтомъ дорога тяжела и ѣзда трудна. Русскіе изъ высшаго сословія зимою иначе не выходятъ изъ дома, какъ чтобы ѣхать въ саняхъ, а лѣтомъ верхомъ на лошади. Въ саняхъ они сидятъ на коврѣ, или на шкурѣ бѣлаго медвѣдя; въ сани впрягается хорошо убранная лошадь, у которой шея увѣшивается множествомъ волчьихъ, или лисьихъ, хвостовъ, и ею правитъ мальчикъ, который сидитъ на ней верхомъ, а за спинкой саней ѣдутъ верхомъ прочіе слуги.

Въ Русскомъ * морѣ водится звѣрь, котораго называютъ моржемъ (morse); онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе на скалахъ, на которыя взбирается съ помощью своихъ клыковъ; клыки эти Русскіе считаютъ не хуже слоновыхъ клыковъ.

---

* Т. е., въ Бѣломъ морѣ.

ГЛАВА II.

О странѣ Самоѣдовъ, о Сибири и о другихъ странахъ, лежащихъ къ сѣверо-востоку и подвластныхъ Москвитянамъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Россіи, при рѣкѣ Оби, лежитъ страна Самоѣдовъ; первый ее открылъ одинъ Русскій по имени Оника (Oneke), который первый завелъ съ Самоѣдами торговлю и, добывая отъ нихъ богатые мѣха, нажилъ большое богатство и узналъ ихъ страну, а въ послѣдствіи, давъ знать о своемъ открытіи Борису, Правителю Ѳедора, указалъ, сколь полезно будетъ для Государства пріобрѣсти эту страну. Борисъ отправилъ къ Самоѣдамъ пышное посольство и миролюбивыми средствами достигъ того, что они отдались въ подданство Россіи, съ обязанностію ежегодной поголовной дани, состоящей изъ двухъ богатѣйшихъ собольихъ шкуръ. Гонцы Борисовы, проѣхавъ двѣсти миль къ востоку за Обь, донесли, что тамъ красивая страна, изобилующая лѣсами и источниками, и что жители ѣздятъ верхомъ на оленяхъ и лосяхъ, другіе же въ саняхъ, запряженныхъ оленями, а иные еще на собакахъ, столь же прыткихъ, какъ и олени. Самоѣды, пріѣхавшіе съ этими гонцами, на возвратномъ пути ихъ въ Москву, удивлялись красотѣ этого города и возбуждали равное удивленіе своею стрѣльбою, попадая безъ промаха въ цѣль величиною въ деньгу, на такомъ разстояніи, что ее едва можно различить.

По донесеніямъ Русскихъ рѣка Обь такъ широка, что переправа черезъ нее занимаетъ цѣлый лѣтній день, но она наполнена островами и мелями, которые безлѣсны и, до послѣдняго времени, не были обитаемы. Изъ рѣки Оби переправляются въ рѣку Тазъ (Tawze). Съ тѣхъ поръ, какъ Самоѣды покорились Русскимъ, тамъ находится двое Воеводъ, съ тремя, или четырьмя, стами стрѣльцовъ; Русскіе также построили селенія и нѣсколько небольшихъ крѣпостей; всю эту мѣстность они называютъ Мангазея (Mongozey или Molgomsay). Далѣе во внутренности страны ими также построены другіе деревянные города, заселенные преимущественно Поляками, Татарами, или Русскими изъ бѣглыхъ, или изъ осужденныхъ преступниковъ; таковы города: Верхотурье (Vergateria), Сибирь (Siber), по имени коего называется вся страна, Тюмень (Tinna), потомъ Тобольскъ (Tobolsca), по сю сто-

рону Оби, на рѣкѣ Иртышѣ, и Тоболь (Tobol), главное мѣстопребываніе Русскаго Воеводы, выше Сургутъ (Zergolta) на островѣ рѣки Оби, гдѣ находится таможня, далѣе на другой сторонѣ Оби Нарымъ (Narim), и Томскъ (Tooina), сдѣлавшійся теперь значительнымъ городомъ. Въ странахъ этихъ построено также нѣсколько церквей, но никто не терпитъ принужденія въ Вѣрѣ. За Нарымомъ, на востокъ, на рѣкѣ Tella, построена крѣпость Comgoscoi. Построеніе этихъ городовъ и многихъ другихъ, имъ подобныхъ, началось съ 1590 года. Изъ этихъ-то странъ и привозятся соболи и дорогіе мѣха.

Самоѣды не имѣютъ городовъ или постоянныхъ мѣстъ пребыванія, но кочуютъ тамъ, гдѣ найдутъ мохъ для своихъ оленей. Они живутъ обществами миролюбиво, и управляются нѣсколькими изъ старѣйшихъ между ними; впрочемъ, они идолопоклонники. Они стрѣляютъ удивительно искусно; остріе ихъ стрѣлъ дѣлается изъ заостренныхъ камней, или рыбьихъ костей; рыбьи кости употребляются ими также для иголокъ, а вмѣсто нитокъ они употребляютъ жилы нѣкоторыхъ маленькихъ животныхъ, и жилами этими сшиваютъ мѣха, которыми, одѣваются: лѣтомъ они носятъ шкуры мѣхомъ наружу, зимой мѣхомъ внутрь. Они имѣютъ по нѣскольку женъ, а дочерей своихъ продаютъ тому, кто ихъ купитъ дороже. Если жена не понравится, то мужъ возвращаетъ ее ея роднымъ, возвращая только отцу издержки на свадебный пиръ. При родахъ мужья помогаютъ своимъ женамъ, которыя встаютъ на другой день послѣ родинъ. Самоѣды не обработываютъ земли, но питаются мясомъ дикихъ звѣрей, за которыми охотятся. Они суть единственные проводники для тѣхъ, которые зимою путешествуютъ по Югоріи, Сибири и какой либо другой изъ этихъ сѣверовосточныхъ странъ. Путешествія эти совершаются на саняхъ, везомыхъ оленями, которые мчатся днемъ и ночью, если только ночь мѣсячная. Живутъ Самоѣды на снѣгѣ, подъ навѣсами изъ оленьихъ шкуръ, останавливаясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ довольно бѣлаго моха для корма упряжныхъ оленей, которые, будучи пущены на свѣбоду, сами отрываютъ его изъ подъ глубокаго снѣга. Кто ни будь изъ Самоѣдовъ приноситъ изъ ближняго лѣса дровъ, чтобы развести огонь, кругомъ котораго остальные располагаются съ своими шатрами, имѣющими сверху отверстіе для прохода дыма; такимъ образомъ шатры эти столь же жарки, какъ печки въ Россіи. Запасъ мяса путешественники возятъ съ собой,

пользуясь также птицами и дичью, которыя могутъ быть убиты ихъ проводникомъ-Самоѣдомъ на пути, пьютъ они только снѣгъ. Два оленя, впряженные въ сани, при скорой ѣздѣ, въ сутки, не отдыхая, везутъ двѣсти миль, съ поклажей провезутъ тридцать миль въ двѣнадцать часовъ.

ГЛАВА III.

О Тунгусіи (Tingoësia) и другихъ прилежащихъ съ востока странахъ до самаго Катая.

Въ 1605 году солдаты Нарымскаго и гарнизоновъ, посланные далѣе по распоряженію Русскаго Воеводы, нашли много прекрасныхъ необитаемыхъ странъ, много обширныхъ пустынь и рѣкъ. Но наконецъ, послѣ десятинедѣльнаго пути, они увидали нѣсколько хижинъ и толпы людей, которые пришли къ нимъ съ почтительностію и объяснили Самоѣдамъ и Татарамъ, служившимъ проводниками Русскимъ солдатамъ, что они зовутся Тунгусами (Tingoësi) и обитаютъ на великой рѣкѣ Енисеѣ. Рѣка эта, говорятъ, гораздо болѣе рѣки Оби, отъ устья которой находится на разстояніи четырехъ сутокъ плаванія и съ которою впадаетъ въ одну и туже Губу Нарымскую (Sea of Naramzie). Къ востоку отъ Енисея находятся высокія горы, изъ которыхъ нѣкоторыя огнедышащія, къ западу плоская и плодородная страна, которая въ весеннее время заливается рѣкою на пространствѣ около семидесяти миль; въ продолженіе этого разлива жители удаляются въ горы, а по окончаніи его возвращаются съ своимъ скотомъ на равнину. Тунгусы народъ очень кроткій: они имѣютъ большіе распухлые зобы, подобно жителямъ Альпъ въ Италіи. По убѣжденію Самоѣдовъ, они немедленно покорились Русскому Правительству и, по просьбѣ ихъ, отправившись на слѣдующій годъ для дальнѣйшихъ открытій на востокъ, пришли наконецъ къ рѣкѣ, которую туземные дикіе называли Pisida и которая нѣсколько менѣе Енисея. Слыша за этимъ мѣстомъ частый звонъ мѣдныхъ колоколовъ, а иногда шумъ людей и лошадей, они не посмѣли ити далѣе. Они видѣли тамъ также вдалекѣ нѣсколько парусовъ четвероугольной формы, и по тому предположили, что эти паруса похожи на Индѣйскіе, или Катайскіе,

тѣмъ болѣе, что, по ихъ разсказамъ, слышны были выстрѣлы изъ большихъ пушекъ, стоявшихъ на судахъ. Они были восхищены красотою этой страны въ Апрѣлѣ и въ Маѣ мѣсяцахъ, когда она наполнена множествомъ рѣдкихъ деревьевъ, растеній и цвѣтовъ, животныхъ и птицъ. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь граница Тангута на сѣверѣ Китая.

Около 1610 года нѣкоторые изъ этихъ Самоѣдовъ продолжали свой путь, пока не увидали Бѣлаго города, въ которомъ имъ слышался большой звонъ колоколовъ: они разсказывали, что къ нимъ вышли съ ногъ до головы вооруженные желѣзомъ люди.

А въ 1611 году нѣсколько жителей Катая и другіе, посланные отъ Царя Алтына (Alteen Czar), который называетъ себя «Золотымъ Царемъ,» прибыли на рѣку Обь въ Сургутъ (Zergolta or Surgoot), и торговали тамъ, привезя съ собою плиты серебра.

Въ слѣдствіе сего Русскій Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, въ 1619 году, послалъ нѣсколько лицъ отъ себя изъ Томска (Tooma) къ Алтыну и въ Катай, которые возвратились съ Посланниками отъ этихъ Государей. По разсказамъ этихъ лицъ, они ѣхали отъ Томска десять дней съ половиной до Царя Алтына (Alteenking or king of Alty), ѣхавъ въ это время три дня по озеру, въ которомъ растутъ рубины и сапфиры; землей Царя Алтына ѣхали они пять недѣль до земли Мугальской (Sheromugaly or Mugalla), гдѣ царствовала Царица Манчика (Manchica); оттуда въ четыре дня доѣхали они до предѣловъ Катая, обнесенныхъ каменной стѣной, въ пятнадцать саженъ (fathom) вышиной; вдоль по этой стѣнѣ, около которой лежитъ много красивыхъ городовъ, принадлежащихъ Царицѣ Манчикѣ, они ѣхали десять дней, не видавши никого на стѣнѣ, покуда не подъѣхали къ воротамъ, у которыхъ они увидали очень большія пушки и три тысячи человѣкъ на стражѣ. Тамошніе жители производятъ съ другими народами мѣну у этихъ воротъ и очень немногимъ позволяютъ входить заразъ. Отъ Томска Цэрскіе посланные ѣхали до этихъ воротъ двѣнадцать недѣль, а оттуда до столицы Катая десять дней. По прибытіи туда, они были отведены на Посольское подворье; немного дней спустя къ нимъ пріѣхалъ Секретарь Царя Тамбура (king Tambur), въ сопровожденіи двухъ сотъ хорошо одѣтыхъ людей, ѣхавшихъ верхами на ослахъ. Онъ угостилъ разными винами, спросилъ о причинѣ ихъ пріѣзда. Но такъ какъ они не привезли съ собою никакихъ подарковъ, то и не были допущены къ Царю,

но возвратились, какъ уже сказано (?) въ Тобольскъ (Tobolska), съ его письмомъ къ ихъ Государю.

Они говорятъ, что земля Мугальская простирается отъ Бухары (Boghar) до Сѣвернаго моря; что въ ней много крѣпостей, построенныхъ изъ камня, четыреугольниками, съ башнями, крытыми муравленой черепицей, по угламъ; и что въ воротахъ висятъ большіе набатные или вѣстовые колокола, вѣсомъ фунтовъ въ двадцать. Дома также построены изъ камня, и потолки въ нихъ искусно расписаны разноцвѣтными цвѣтами. Жители идолопоклонники, страна чрезвычайно плодоносна. Тамъ есть ослы и лошаки, но лошадей нѣтъ. Жители Катая говорятъ, что великая стѣна простирается на протяженіи четырехъ недѣль пути, отъ Бухары до Сѣвернаго моря, что на ней безпрестанно есть башни на разстояніи небольшаго выстрѣла одна отъ другой, что на каждой башнѣ спереди есть огни, и что самая стѣна служитъ границею между Магуллой и Катаемъ; въ стѣнѣ всего пять воротъ, которые узки и до того низки, что всадникъ, сидя прямо верхомъ, не можетъ въ нихъ въѣхать. Около самой стѣны находится городъ Shirokalga; въ немъ есть крѣпость, воруженная короткими пушками и небольшими орудіями, изъ которыхъ ежедневно, при захожденіи и восхожденіи солнца, производится тройной выстрѣлъ людьми, содержащими стражу у воротъ, на башняхъ и на стѣнахъ. Городъ этотъ изобилуетъ богатыми товарами, бархатами, камками, золотою парчею, разными тканями, и разными сортами сахара. Таковъ же и городъ Yara, въ которомъ рынки благоухаютъ пряностями, а городъ Taytte еще богаче, но Shirooan и того великолѣпнѣе, длиною въ полдня проѣзда и чрезвычайно населенъ. Оттуда до столичнаго города Катая два дня пути: этотъ городъ построенъ изъ бѣлаго камня, четвероуголенъ, имѣетъ въ окружности четыре дня обхода; по угламъ его стоятъ четыре бѣлыя, очень высокія и большія башни, вдоль по стѣнѣ находятся другія башни, очень красивыя, попеременно бѣлыя и голубыя, и бойницы, уставленныя пушками. Въ срединѣ этого бѣлаго города стоитъ крѣпость, построенная изъ магнита, въ которой живетъ Царь въ великолѣпномъ дворцѣ съ позолоченной крышей. Городъ стоитъ на равнинѣ, которую обтекаетъ рѣка Youga, на разстояніи семи дней отъ моря. Жители очень кротки, но не воинственны и чрезвычайно склонны къ торговлѣ.

Эти извѣстія внесены сюда, по тому что мы ихъ имѣемъ отъ Русскихъ, которые также разсказываютъ, что за Обью есть море, до того теплое, что въ окрестностяхъ его живутъ всякаго рода морскія птицы и зимою и лѣтомъ. Таковы вкратцѣ свѣдѣнія о морѣ и о странахъ между Россіею и Катаемъ.

ГЛАВА IV.

Послѣдовательность Московскихъ Великихъ Князей и Царей, заимствованная изъ лѣтописей Поляка, съ нѣкоторыми позднѣйшими добавленіями.

Великіе Князья Московскіе ведутъ свой родъ, хотя безо всякаго основанія, отъ Августа Кесаря. Они баснословятъ, что онъ отправилъ нѣкоторыхъ людей изъ своего Государства быть правителями многихъ отдаленныхъ областей; между прочими Прусса править Пруссіею, что этотъ Прусъ имѣлъ пребываніе на восточномъ Балтійскомъ берегѣ, у рѣки Вислы (Wixel), происшедшіе отъ него въ четвертомъ поколѣніи Рюрикъ (Rurek), Синеусъ (Sinaus) и Труворъ (Truuor), въ 573 * году, были приглашены Русскими, жившими тогда безъ гражданскаго управленія, управлять ими, по убѣжденію Гостомысла (Gostomislius), главнаго гражданина Новогородскаго. Эти трое, взявъ съ собою своего сродника, Олега (Olechus), раздѣлили между собою эти страны, и каждый ввелъ въ своей области гражданское управленіе.

Такъ какъ Синеусъ и Труворъ умерли безъ потомства, то сынъ Рюрика, Игорь (Jvor) наслѣдовалъ всѣмъ, бывъ, въ малолѣтствѣ, оставленъ подъ покровительство Олега. Онъ женился на Ольгѣ (Olha), дочери гражданина Псковскаго (of Plesco), отъ которой родился ему сынъ Святославъ (Stoslaus). По убіеніи Игоря его врагами, жена его, Ольга, отправилась въ Константинополь, и была тамъ крещена подъ именемъ Елены.

Святославъ много сражался съ своими врагами, но наконецъ былъ ими убитъ; изъ его черепа они сдѣлали чашу, на которой золотомъ вычеканили надпись: «Ища чужого, онъ потерялъ свое.»

---

* 863.

Сыновья Святослава были: Ярополкъ (Terepolchus), Олегъ (Olega) и Владимиръ (Volodimir).

Владимиръ, убивъ двухъ другихъ, сдѣлался единовластителемъ Россіи, но потомъ, имѣя склонность къ Христіянской Вѣрѣ, женился на Аннѣ, сестрѣ Греческихъ Императоровъ Василія и Константина, и, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ, въ 988 году, принялъ крещеніе и назвался Василіемъ. Впрочемъ, по свидѣтельству Зонары, Греческій Императоръ послалъ туда Епископа еще прежде времени Василія; народъ, не будучи убѣжденъ проповѣдью этого Епископа, требовалъ отъ него чуда, и онъ, усердно помолясь, взялъ Евангеліе въ руки и, передо всѣмъ народомъ, бросилъ его въ огонь: Евангеліе осталось невредимо въ огнѣ, и всѣ были обращены.

У Владимира было одиннадцать * сыновей, между коими онъ раздѣлилъ свое Государство. Борисъ (Borisius) и Глѣбъ (Glebus), за святую жизнь, были причтены къ лику Святыхъ; память ихъ ежегодно празднуется съ большимъ торжествомъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. ** Остальные братья, домогаясь единодержавія, изгубили другъ друга, оставивъ Ярослава общимъ наслѣдникомъ.

Сынъ *** Ярослава, Владимиръ, имѣлъ пребываніе въ древнемъ городѣ Кіевѣ на рѣкѣ Днѣпрѣ (Борисѳенѣ). Послѣ продолжительной борьбы съ сыновьями своихъ дядей, онъ покорилъ ихъ всѣхъ и былъ названъ Мономахомъ. Онъ воевалъ съ Греческимъ Императоромъ Константиномъ, опустошилъ Ѳракію и, возвратясь домой съ большой добычею, готовился къ новой войнѣ, но былъ умилостивленъ Констатиномъ, который отправилъ Неофита, Епископа Ефесскаго, и Евстафія, Игумена Іерусалимскаго, принести ему въ даръ часть креста Спасителя и другіе богатые дары и привѣтствовать его именемъ Царя или Цесаря: съ тѣхъ поръ Владиміръ вступилъ въ союзъ и дружбу съ Императоромъ.

Послѣ Владимира, по порядку наслѣдованія, преемниками его были: Всеволодъ (Vuszevolodus), Георгій (George), Димитрій (Demetrius). ****

---

* Двѣнадцать.

** 24 Іюля.

*** Внукъ.

**** Всеволодъ Ярославичъ былъ отцомъ и предшественникомъ Мономаха, кото-

Сынъ послѣдняго, Георгій, въ 1237 году, былъ убитъ въ сраженіи съ Татарскимъ Княземъ, Батыемъ (Batty), который покорилъ Московію и обязалъ ее данью. Съ этого времени Татары ставили въ Великіе Князья Русскіе тѣхъ, кого считали способнѣе къ исполненію ихъ намѣреній, требуя отъ нихъ, чтобы всякій разъ, какъ къ нимъ приходили посланники изъ Татаріи, они выходили къ нимъ на встрѣчу и, въ собственномъ своемъ дворѣ, стояли съ обнаженной головой, между тѣмъ какъ послы эти сидя, въ шапкахъ, объявляли свое порученіе. Это было въ то самое время, когда Татары опустошали также Польшу, Силезію и Венгрію, пока Папа, Иннокентій IV-й, не склонилъ ихъ къ пятилѣтнему миру. По сказанію Русскихъ, этотъ Батый былъ отцомъ Тамерлана, котораго они зовутъ Темиръ-Кутлукомъ (Temirkutla).

Потомъ наслѣдовалъ братъ Георгія, **Ярославъ**; послѣ него сынъ **Александръ**.

Сынъ Александра, Даніилъ, первый сдѣлалъ городъ Москву (Mosco) своимъ Царскимъ мѣстопребываніемъ, построилъ въ немъ крѣпость и присвоилъ себѣ титулъ Великаго Князя.

Сынъ Даніила, Иванъ, былъ прозванъ **Калитой** * (что значитъ кошель), по тому что онъ имѣлъ обыкновеніе раздавать милостыню изъ кошеля, который всюду носили за нимъ.

Его сынъ, Симеонъ, умеръ безъ потомства и оставилъ Царство слѣдующему своему брату, Ивану, отъ котораго оно перешло сыну его, **Димитрію**, оставившему другихъ сыновей: **Василія** и **Георгія**. **

Василій въ царствованіе свое имѣлъ сына, носившаго его имя, но, сомнѣваясь въ законности его рожденія, по подозрѣнію вѣрности своей жены, онъ отрѣшилъ его отъ наслѣдства и передалъ княженіе своему брату, Георгію.

Георгій, посадивъ своего племянника, **Василія**, въ темницу,

---

рому наслѣдовалъ его сынъ, Георгій Владимировичъ Долгорукій, коего сыномъ и преемникомъ были Всеволодъ-Дмитрій Юрьевичъ Большое Гнѣздо.

* Пропущенъ предшественникъ Калиты, его братъ, Юрій Даниловичъ.

** Кромѣ Великаго Князя Василія и Юрія Галицкаго, Василій Дмитріевичъ оставилъ сыновей: Андрея Можайскаго, Петра Дмитровскаго, Ивана и Константина Углицкаго.

царствовалъ; но передъ смертію, изъ раскаянія, или по другой причинѣ, передалъ ему княженіе.

Василій, достигнувъ такимъ неожиданнымъ образомъ предполагаемаго права, недолго спокойно имъ пользовался; ибо Андрей и Дмитрій, двое сыновей Георгія, * считая для себя обидою не наслѣдовать отцу, начали съ нимъ войну и, нечаянно захвативъ его, выкололи ему глаза. Не смотря на то Бояре (boiarens) или дворяне остались вѣрны Великому Князю, хотя и слѣпому, котораго по этой причинѣ звали Темнымъ (Cziemnox)

Его сынъ, Иванъ Васильевичъ, первый прославилъ Русское имя, до тѣхъ поръ не извѣстное. Чтобы обезопасить свое собственное владѣніе, онъ умертвилъ всѣхъ тѣхъ сродниковъ, которые могли предъявить на него требованія, и провозгласилъ себя Великимъ Княземъ Володимирскимъ, Московскимъ, Новогородскимъ (Novogardia), Царемъ всея Россіи. Онъ овладѣлъ Псковомъ, единственнымъ во всей Московіи городомъ, обнесеннымъ стѣнами, и Новгородомъ, богатѣйшимъ изо всѣхъ ея городовъ, отнявъ ихъ у Ливонцевъ, которымъ они принадлежали пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ. Изъ Новгорода онъ вывезъ въ Москву триста повозокъ, наложенныхъ сокровищами. Онъ воевалъ съ Александромъ, Королемъ Польскимъ, и съ Литовцами, подъ предлогомъ того, что онъ обратилъ свою жену, а его дочь, Елену, изъ Греческой Церкви въ Латинскую; съ Ливонцами безо всякой причины, но только, чтобы расширить свои предѣлы. Онъ былъ, однако же, часто поражаемъ Плеттенбергомъ, Великимъ Магистромъ Прусскихъ рыцарей. Жена Ивана Васильевича была дочь Князя Тверскаго (Tyversky); отъ нея онъ имѣлъ сына Ивана, которому онъ уступилъ свое княженіе, женилъ его на дочери Стефана, Воеводы Молдавскаго; этотъ Иванъ имѣлъ отъ нея сына Дмитрія, и вскорѣ потомъ умеръ. По этому (Иванъ) Васильевичъ (Vasiliwich), вновь принявъ княженіе, женился вторымъ бракомъ на Софіи, дочери Ѳомы Палеолога. Говорятъ, что она получила свое приданое изъ Папской казны за обѣщаніе обратить Великаго Князя въ Римскую Вѣру.

Княжна эта, будучи ума весьма горделиваго, часто жаловалась,

---

* Андрей Можайскій былъ братомъ, а не сыномъ Юрія Дмитріевича; сынъ его, Иванъ Андреевичъ, былъ пособникомъ трехъ сыновей Юрія: Василія Косаго, Дмитрія Шемяки и Дмитрія Краснаго, въ борьбѣ съ Великимъ Княземъ, Василіемъ Василіевичемъ Темнымъ.

что вступила въ бракъ съ Татарскимъ присяжникомъ, и наконецъ, непрестанными убѣжденіями нашла со временемъ средство избавить своего мужа и свою страну отъ этого ига. Но тому что, такъ какъ до того времени Татарскій Ханъ (the Tartar) имѣлъ своихъ представителей (procurators), которые жили въ самой крѣпости Московской, для наблюденія за государственными дѣлами, она прибѣгнула къ выдумкѣ, будто бы имѣла увѣдомленіе отъ неба, что должна построить храмъ Святому Николаю на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Татарскихъ повѣренныхъ. Итакъ, родивъ сына, она обратилась съ просьбой къ Татарскому Князю, котораго пригласила на крестины, чтобы онъ отдалъ ей этотъ домъ; получивъ его, она срыла его до основанія, * и удалила Татарскихъ надзирателей изъ замка и постепенно отняла у нихъ все, чѣмъ они владѣли въ Россіи. Она убѣдила также своего мужа отнять у сына умершаго Ивана, Дмитрія, княженіе и передать его старшему, сыну, Гавріилу.

Гавріилъ, какъ только сдѣлался Великимъ Княземъ, перемѣнилъ свое имя на имя Василія и рѣшился отличиться подвигами. Онъ возвратилъ большую часть Московіи отъ Литовскаго Великаго Князя Витовта, а въ 1514 году покорилъ на Днѣпрѣ Смоленскъ и многіе другіе города. Онъ развелся съ своей первой женой, и отъ Елены, дочери Князя (duke) Глинскаго, имѣлъ сына Ивана Васильевича.

Иванъ Васильевичъ, оставшись ребенкомъ, былъ порученъ своему дядѣ и опекуну Георгію. ** Двадцати пяти лѣтъ отъ рода, онъ побѣдилъ Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ, и привезъ съ собой въ Москву ихъ Царей плѣнниками; предъявляя права наслѣдства на Ливонію, жестоко, ее воевалъ. Онъ оказывалъ чрезвычайное благочестіе, и такъ какъ Русскіе имѣютъ обыкновеніе изъ усердія и благоговѣнія бить челомъ въ землю, то его чело рѣдко бывало безъ шишекъ и ушибовъ и часто было окровавлено. Причину своей суровости въ правленіи онъ приписывалъ злонамѣрен-

---

* На этомъ мѣстѣ былъ построенъ ею въ Кремлѣ Николаевскій Гостунскій Соборъ.

** У Ивана Васильевича было двое дядей Князей Юрьевъ: братъ его отца, Князь Дмитровскій, и братъ его матери, Князь Глинскій; но ни одинъ изъ нихъ не былъ его опекуномъ.

ности и коварству своихъ поддзнныхъ. Немногіе изъ его вельможъ, возбужденные жестокостію, призвали Хана Крымскихъ Татаръ, который, въ 1571 году, ворвался въ Россію, и сжегъ Москву до основанія.

Иванъ Васильевичь царствовалъ пятьдесятъ четыре года * и имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій однажды получилъ ударъ отъ своего отца и съ горя умеръ; другіе его сыновья были Ѳедоръ и Дмитрій. При Иванѣ Васильевичѣ Англичане впервые прибыли моремъ въ сѣверныя страны Россіи.

Ѳедоръ Ивановичъ, будучи малолѣтенъ, былъ оставленъ подъ покровительство Бориса, брата молодой Царицы, назначеннаго въ завѣщаніи Царя его третьимъ, пріемнымъ, сыномъ. Послѣ сорока дней печали, наступило время, назначенное для вѣнчанія. Царь вышелъ изъ дворца, предшествуемый всѣмъ духовенствомъ, и вступилъ съ своими боярами въ церковь Благовѣщенія (Blaveshina); оттуда, послѣ службы, въ Архангельскій соборъ (церковь Св. Михаила), и потомъ въ соборную церковь Успенія (церковь Божіей Матери). Посреди ея было поставлено сѣдалище; тамъ на него были надѣты самыя драгоцѣнныя одѣянія; тамже надѣлъ ему на голову царскій вѣнецъ Митрополитъ, который, держа въ рукѣ небольшую книгу, читалъ изъ нея Царю увѣщаніе быть справедливымъ и мирно управлять. Потомъ, вставъ съ своего сѣдалища, Царь былъ облеченъ верхнимъ одѣяніемъ, до того усыпаннымъ Восточными жемчугами и драгоцѣнными камнями, что оно вѣсило двѣсти фунтовъ; шесть Князей (dukes) несли полы этого одѣянія. Царскій посохъ былъ изъ единорогова рога, длиною въ три фута съ половиною и украшенъ дорогими камнями. Державу и шесть вѣнцовъ несли передъ Царемъ Князья Царской крови. У дверей церкви стоялъ для Царя конь, покрытый попоной, шитой жемчугомъ, которая съ сѣдломъ и прочей сбруей стоила триста тысячъ рублей (марокъ). Былъ сдѣланъ родъ помоста, по тремъ направленіямъ, длиною въ полтораста саженъ, вышиною въ три фута, шириною въ двѣ сажени. По этому помосту Царь съ сопровождавшими его шествовалъ изъ одной церкви въ другую надъ безчисленной толпой народа, привѣтствовавшаго его громкими восклицаніями. Для возвращенія Царя изъ церквей помостъ былъ

* Пятьдесятъ одинъ годъ: съ 1533 до 1584 года.

устланъ золотою порчей, карнизы обтянуты краснымъ бархатомъ, помосты алымъ сукномъ; всѣ эти ткани, какъ только Царь проходилъ, были обдираемы близстоявшими; кромѣ того въ народъ кидали вновь отчеканенныя золотыя и серебряныя монеты. Царица, въ богатой блестящей одеждѣ, находилась посреди своихъ Бояринъ, передъ большимъ открытымъ окномъ въ своемъ дворцѣ. Потомъ Царь пришелъ въ свою Думную палату (парламентъ), гдѣ имѣлъ пиръ, за которымъ ему по Царски служили его Бояре; по двое изъ нихъ стояли съ золотыми топорами на каждой сторонѣ его сѣдалища. Три ближайшія, большія и обширныя комнаты были отъ пола до потолка уставлены золотыми и серебренными блюдами.

Пиршества эти продолжались цѣлую недѣлю, въ теченіе которой происходили многія Царскія забавы. Потомъ слѣдовало избраніе Бояръ въ новыя званія и должности. Въ заключеніе была въ двухъ миляхъ отъ города пальба изъ ста семидесяти мѣдныхъ пушекъ, и произведена два раза стрѣльба изъ двадцати тысячъ пищалей. Послѣ сего Царь, сопровождаемый, по крайней мѣрѣ, пятьюдесятью тысячами всадниковъ, возвратился черезъ городъ въ свой дворецъ, гдѣ всѣ Бояре, дворяне и купцы подносили ему богатые дары.

Вскорѣ потомъ, по распоряженію своему, Царь завоевалъ обширную Сибирь и взялъ въ плѣнъ тамошняго Царя. Онъ также удалилъ подкупныхъ чиновниковъ и уничтожилъ прежніе налоги. Однимъ словомъ, въ правительствѣ произошли большія перемѣны, хотя онѣ были произведены спокойно и безъ мятежей.

Когда извѣстія объ этомъ дошли въ другія Государства, то они внушили такой страхъ сосѣднимъ Государямъ, что Крымскій Ханъ съ своими женами и со многими своими вельможами, храбрыми и знатными людьми, пріѣхалъ посѣтить Русскаго Царя. Такъ пріѣхали тысяча двѣсти Польскихъ дворянъ, много Черкесовъ и людей другихъ націй съ предложеніемъ своей службы. Прибыли также Посланники отъ Турецкаго, Персидскаго, Грузинскаго и другихъ Татарскихъ Государей, также изъ Германіи, Польши, Швеціи, Даніи.

Но слава эта длилась недолго, благодаря коварству Бориса, который умертвилъ сперва Дмитрія, а потомъ и самаго Царя. Та-

кимъ образомъ Царское поколѣніе, послѣ трехсотлѣтняго существованія, пресѣклось.

Борисъ, какъ выше сказано, названный третій сынъ Ивана Васильевича, безпрепятственно вступилъ на престолъ; но недолго наслаждался тѣмъ, чего злодѣй достигъ. Божіе мщеніе возвело противъ него поддѣльнаго Дмитрія, вмѣсто того, который, по его повелѣнію, былъ умерщвленъ въ Угличѣ. Этотъ пройдоха, поддержанный многими Поляками и Казаками, явился вооруженною рукою требовать своего достоянія отъ Бориса, который выслалъ противъ него войско въ двѣсти тысячъ человѣкъ: изъ нихъ многіе возмутились и перешли къ Дмитрію. Начальникъ войска, Петръ Басмановъ (Basman), возвратился въ Москву съ пустымъ торжествомъ выдуманной побѣды. Но такъ какъ непріятель продолжалъ ити впередъ, то Борисъ однажды, послѣ сытнаго обѣда, почувствовалъ тяжесть и боль въ животѣ и слегъ въ постель; прежде чѣмъ его доктора поспѣли къ нему, у него отнялся языкъ и вскорѣ онъ умеръ, какъ полагаютъ, съ горя отъ своихъ неудачъ противъ Дмитрія. Не смотря на скорость его смерти, онъ желалъ передъ кончиной быть постриженъ, и вновь окрещенъ. *

Борисъ имѣлъ только одного сына, котораго онъ любилъ такъ нѣжно, что не отпускалъ съ своихъ глазъ. Онъ говорилъ про этого сына, что, хотя онъ его господинъ и отецъ, но въ то же время онъ слуга, даже его рабъ. Достигнувъ престола злодѣяніемъ, онъ утратилъ любовь народа и чтобы сыскать ее, онъ употребилъ два средства: во первыхъ, онъ приказалъ зажечъ Москву съ четырехъ концовъ, дабы, потушивъ пожаръ, имѣть случай показать какъ велика его заботливость и нѣжность къ народу; онъ также роздалъ между народомъ такъ много, что давалъ всѣмъ средства вновь выстроить свои дома и вознаградить потери. Въ другое время, когда въ народѣ распространился ропотъ и стали говорить, что моровое повѣтріе, отъ котораго погибла треть населенія, было послано въ наказаніе за избраніе его, убійцы, въ Цари, онъ велѣлъ выстроить крытые переходы (галереи) кругомъ наружной Московской стѣны, и приказалъ цѣлый мѣсяцъ раздавать двадцать тысячъ фунтовъ (?) нищимъ. Такимъ образомъ прекратились эти слухи.

---

* Здѣсь, вѣроятно, разумѣется нареченіе его во иночествѣ Боголѣпомъ.

Послѣ смерти Бориса вся надежда оставалась въ Петрѣ Басмановѣ, который, хотя и былъ еще молодъ, но былъ опять посланъ на войну со многими Англичанами, Шотландцами, Французами и Нѣмцами, но они всѣ, вмѣстѣ съ другимъ Воеводой Голицынымъ (Golceche), * передались новому Дмитрію, котораго гонцы ** между тѣмъ, подъѣхавъ къ пригородамъ Москвы, *** были приведены толпою къ огромному полю передъ воротами крѣпости, **** въ которой засѣдала въ то время Дума: нѣсколько изъ членовъ Думы были вызваны угрозами народа и принуждены выслушать чтеніе передъ всѣмъ народомъ писемъ Дмитрія. Гораздо прежде, чѣмъ чтеніе это кончилось, толпа пришла въ такое раздраженіе, что съ остервеніемъ ворвалась въ крѣпость, подвергая насилію всѣхъ, ей попадающихся. Остервененіе это еще болѣе увеличилось, когда на встрѣчу ворвавшихся вышли два прежде присланные гонца Дмитрія, жестоко измученные пыткою (безжалостно высѣченные и изжаренные). Тогда поднялся мятежъ во всемъ городѣ, дома всѣхъ главныхъ совѣтниковъ, особенно Годуновыхъ (Godonovas), сродниковъ и кровныхъ Бориса, были разграблены. Наконецъ болѣе любимые изъ вельможъ успѣли убѣжденіями положить конецъ буйству. У Царицы, бѣжавшей въ болѣе надежное убѣжище, было сорвано съ шеи жемчужное ожерелье. Въ слѣдъ за тѣмъ дано было приказаніе схватить ее, ея сына и дочь. Послѣ сего Дмитрій, съ общаго согласія, провозглашенъ Царемъ. Царица, видя, что все потеряно, совѣтовала Царевичу, своему сыну, послѣдовать примѣру своего отца, который, какъ видно, отравился. Съ мужествомъ отчаянія она первая выпила смертельный напитокъ; сынъ сдѣлалъ то же, но дочь, только хлѣбнувъ его, осталась жива. Впрочемъ, нѣкоторые приписываютъ это тайному повелѣнію Дмитрія и говорятъ, что самоубійство было только выдумкою, сдѣланною для избѣжанія омерзѣнія, которое такое повелѣніе должно было возбудить.

Дмитрій Ивановичъ, какъ онъ себя назвалъ, вступившій за тѣмъ на Царство, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, былъ сынъ Рус-

---

* Бояриномъ Княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

** Плещеевъ и Пушкинъ.

*** Въ Красное Село.

**** Лобное мѣсто передъ Кремлемъ.

ского дворянина, Григорій Отрепьевъ (Gregory Peupoloy), въ молодыхъ лѣтахъ постригся въ монахи, но, бѣжавъ изъ монастыря, путешествовалъ по Германіи и другимъ странамъ, въ особенности же по Польшѣ. Пріобрѣтя тамъ познанія въ военномъ дѣлѣ и опытность по другимъ предметамъ, онъ возымѣлъ такія высокія мысли, что задумалъ достигнуть престола, основывая свои надежды на всеобщемъ повѣрьѣ Русскихъ, что молодой Дмитрій не былъ умерщвленъ, но только сокрытъ, по ненависти ихъ къ Борису и нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Какъ только онъ о томъ открылся, ему дана была такая всеобщая вѣра, что наконецъ онъ сѣлъ на Царскій Престолъ, хотя не такъ твердо, какъ можно было ожидать по столь удачному началу; ибо вскорѣ Русскіе увидали, что обмануты самозванцемъ. На шестой день послѣ его свадьбы, * замѣтя, что его Польская стража не имѣла никакого опасенія, они до разсвѣта ворвались во дворецъ, вытащили его изъ постели и, когда онъ сознался въ своемъ обманѣ, разорвали его на куски; съ нимъ же былъ убитъ и Петръ Басмановъ, и мертвыя тѣла обоихъ были выставлены на торговой площади.

Лжедмитрій былъ некрасивой наружности, но, впрочемъ, имѣлъ качества Государя: слишкомъ щедръ, что подало поводъ къ нѣкоторымъ поборамъ, въ другихъ дѣлахъ большой любитель справедливости; онъ не оказался недостойнымъ Государства, которое пріобрѣлъ, и лишился его только по причинѣ своего великодушія, пренебреженіемъ своимъ къ заговору, о которомъ ему было извѣстно, что онъ замышляется Русскими. Нѣкоторые повѣствуютъ, что ненависть Русскихъ къ нему произошла отъ того, что они увидали въ немъ нерасположеніе къ Русскимъ обычаямъ и къ Русской Вѣрѣ по тому, что онъ взялъ себѣ въ Секретари ученаго Протестанта, Бычинскаго.

Нѣкоторые говорятъ, по разсказу Гильберта, Шотландца и Капитана его стражи, что самозванецъ не за долго до заговора, лежа на постелѣ, но еще не заснувъ, увидѣлъ призракъ старика, который подошелъ къ нему; онъ всталъ и кликнулъ часовыхъ, но они объявили, что не видали, чтобы кто ни будь прошелъ

---

* На девятый день, по тому что самозванецъ женился 8-го Мая, а былъ убитъ 17-го Мая, 1606 г.

мимо нихъ. Онъ опять легъ въ постель, но часъ спустя былъ вновь встревоженъ тѣмъ же явленіемъ, и послалъ за Бычинскимъ, которому сказалъ что въ эту самую ночь онъ два раза видѣлъ какого-то старика, который, во второй приходъ сказалъ, ему, что хотя онъ самъ по себѣ и хорошій Государь, но что, за несправедливости и притѣсненія его сановниковъ, престолъ будетъ у него отнятъ. Секретарь совѣтовалъ ему принять Протестантство, утверждая, что его слуги неправедны, по тому что не исповѣдываютъ истинной Вѣры. Царь казался очень тронутъ и склоненъ слѣдовать этому совѣту. Но нѣсколько дней спустя къ нему вошелъ другой его Секретарь, Русскій, съ обнаженнымъ мечомъ; сначала Царь отъ него отбивался, но потомъ тотъ, съ бранными словами, кинулся на него, поддержанный другими заговорщиками, кричавшими: «Свобода!» Гильбертъ, со многими изъ стражей, захваченныхъ совершенно врасплохъ, бѣжалъ въ Калугу, городъ, который они укрѣпили. Другіе иностранцы были большею частію убиты, за исключеніемъ Англичанъ, по заступничеству коихъ Бычинскій былъ также спасенъ.

Шуйскій, вступившій на престолъ послѣ Лжедмитрія, иначе пишетъ о немъ въ письмѣ къ Королю Якову: будто бы его настоящее имя было Гришка Богдановъ сынъ (Gryshca the son of Boughdan); что, дабы избѣгнуть наказанія за сдѣланныя имъ преступленія, онъ пошелъ въ монахи и наконецъ предался чернокнижію, опасаясь, что Митрополитъ за это заключитъ его въ темницу, бѣжалъ въ Литву, гдѣ, по наущенію Польскаго Короля Сигизмунда, сталъ называться Дмитріемъ Угличкимъ, и, посредствомъ разныхъ пересылокъ и лазутчиковъ, тайно отправленныхъ въ Москву, распустилъ о томъ слухъ, что по этому случаю Борисъ и Патріархъ отправляли много писемъ и гонцовъ въ Польшу, чтобы увѣдомить (Сигизмунда) о томъ, кто этотъ бродяга. Но что Поляки, не придавъ никакой вѣры, снабдили Самозванца оружіемъ и деньгами, не смотря на союзъ (съ Борисомъ), и отправили Воеводу Сендомирскаго (Sandamersko) и другихъ вельможъ проводить его въ Россію, склонивъ также Хана Крымскихъ Татаръ помогать ему; что войско Борисово, услыхавъ о внезапной смерти Бориса, сдалось этому Гришкѣ, который, женившись на дочери (Воеводы) Сандомирскаго, пытался истребить Русское духовенство и водворить Римскую Вѣру, для каковой цѣли съ нимъ пріѣхало много Езуитовъ. По этой причинѣ Шуйскій съ

Боярами и Митрополитами, составивъ противъ него заговоръ, въ полгода собрали всѣ силы Московіи и, неожиданно схвативъ его, нашли всѣ эти намѣренія на письмѣ за его подписью, также письма по этому предмету отъ Папы и отъ Кардиналовъ, которые не только хотѣли водворить Римскую Вѣру, но и принудить всѣхъ ее принять, предавъ смерти тѣхъ, кто откажется это исполнить.

Василій Ивановичъ Шуйскій (Shusky), по убіеніи Дмитрія или Гришки, былъ избранъ Царемъ, не задолго передъ тѣмъ бывъ на плахѣ за то, что разсказывалъ, какъ видѣлъ настоящаго Дмитрія мертвымъ и похороненнымъ, не смотря на что Гришка не только его помиловалъ, но еще возвысилъ, сдѣлавъ его орудіемъ своей же собственной гибели. Шуйскому было тогда около пятидесяти лѣтъ; знаменитаго происхожденія, безбрачный, онъ считался очень умнымъ; онъ благоволилъ къ Англичанамъ, которыхъ спасъ отъ ограбленія въ предшествовавшіе мятежи. Нѣкоторые говорятъ, что онъ изъ скромности отказывался отъ вѣнца, пока четыре раза жребій не указалъ на него. Однако же, потомъ сдѣлавшись ревнителемъ своего титла, онъ отравою и другими средствами освободился отъ всѣхъ тѣхъ Бояръ, которые могли сдѣлаться его соперниками. Говорятъ, что онъ, по поводу этихъ же опасеній, совѣтывался съ Самоѣдскими, Лапонскими и Татарскими колдуньями и, будучи предостереженъ, что долженъ опасаться Михаила, (Michalovich), умертвилъ троихъ, носившихъ это имя. Не смотря на то, субьба хранила четвертаго, чтобъ быть его преемникомъ, который въ то время былъ однимъ изъ молодыхъ придворныхъ, державшихъ золотыя сѣкиры и менѣе всякаго подозрѣваемъ.

Но еще до того времени онъ былъ замѣщенъ другимъ, оживившимъ Дмитріемъ, котораго доставили Поляки. Этотъ Дмитрій поддѣлкой почерка и удивительнымъ разсказомъ самыхъ тайныхъ обстоятельствъ (изъ жизни перваго самозванца) почти обманулъ Гильберта, если бы наружностью не былъ вовсе непохожъ (на Гришку); но Гришкина жена до того удостовѣрилась, что онъ ея мужъ, что приняла его на свое ложе. Шуйскому, осажденному въ своей крѣпости, Англичане съ опасностію доставляли порохъ и оружіе; онъ имѣлъ также двѣ тысячи Французовъ, Англичанъ и Шведовъ и другія войска, присланныя Шведскимъ Королемъ Карломъ. Англичане, претерпѣвъ много лишеній отъ стужи и отъ холода, будучи оставлены Французами, передались большею частію Полякамъ, близъ Смоленска, и служили имъ противъ Русскихъ.

Между тѣмъ второй Дмитрій, брошенный Поляками, вмѣстѣ съ Русскими, принявшими его сторону, осадилъ Москву. Съ другой стороны ее осадилъ Жолкевскій съ сорока тысячами человѣкъ Короля Польскаго Сигизмунда. Въ числѣ этихъ сорока тысячъ было полторы тысячи Французовъ, Шотландцевъ и Англичанъ. Шуйскій, потерявъ надежду на успѣхъ, вступилъ въ монастырь; но, при сдачѣ города, былъ отданъ непріятелю, который послѣ того обратился противъ Лжедмитрія; сей послѣдній, рѣшившись бѣжать, былъ убитъ въ своемъ станѣ Татариномъ. Смоленскъ два года терпѣлъ осаду и потомъ сдался. Царь Шуйскій, отвезенный въ Польшу, бѣдственно умеръ тамъ въ темницѣ; но передъ его отъѣздомъ, Поляки его именемъ созвали главныхъ вельможъ, какъ бы на прощаніе съ нимъ, приказали отвести ихъ въ скрытое мѣсто и тамъ умертвить, дабы такимъ образомъ легче покорить народъ. Впрочемъ, Поляки были наконецъ принуждены голодомъ выйти изъ укрѣпленныхъ ими мѣстъ въ Москвѣ; Русскіе, ихъ осаждавшіе, нашли послѣ нихъ шестьдесятъ бочекъ соленаго человѣческаго мяса: это были тѣла тѣхъ изъ нихъ, которые умирали, или были убиты въ сраженіяхъ.

Послѣ этого Государство Россійское распалось на части, остававшіяся въ добычу тому, кто могъ ихъ захватить: всякій называлъ себя и старался быть принимаемъ за Дмитрія Углицкаго. Нѣкоторые избрали Владислава, сына Короля Сигизмунда, но такъ какъ онъ отказался, то они обратились къ народному правленію и убивали всѣхъ Бояръ, подъ предлогомъ ихъ склонности къ Полякамъ. Нѣкоторые говорятъ, что были сдѣланы предложенія Королю Якову принять (Россію подъ свою державу); въ этомъ дѣлѣ были употреблены Серъ Джонъ Мерикъ и Серъ Вилльямъ Россель. Въ то время, какъ въ Россіи происходили эти смуты, случилось, что простолюдинъ, мясникъ, жившій на сѣверѣ около Двины, понося низость Бояръ и подкупность Воеводъ, объявилъ, что, если бы только былъ избранъ вѣрной казначей для безобидной платы солдатамъ, и хорошій военачальникъ, то онъ не сомнѣвается, что Поляки были бы прогнаны. При этомъ онъ называлъ Пожарскаго (Pozarsky), бѣднаго дворянина, который, хорошо служивъ прежде, жилъ недалеко оттуда въ уединеніи и въ пренебреженіи. Народъ согласился и избралъ Пожарскаго въ военачальника, а мясника въ казнохранители; оба они такъ хорошо исполнили свои обязанности, что вскорѣ собравъ войско, освободили Москву, которую

Поляки вновь осадили, и вмѣстѣ съ Борисомъ Лицынымъ (?) (Boris Licin), другимъ знаменитымъ воиномъ этой страны, * стали совѣщаться о выборѣ Царя, и наконецъ избрали Михаила Ѳедоровича (Michalowich, or Michael Pheodorowich), роковаго юношу, котораго имени такъ страшился Шуйскій.

Михаилъ Ѳедоровичъ, такимъ образомъ будучи провозглашенъ, благодаря мужеству Пожарскаго и Лицына (?), сдѣлалъ ихъ обоихъ начальниками своихъ войскъ, придавъ имъ еще другаго знаменитаго предводителя Казаковъ, ** который также оказывалъ ему много помощи. Мясникъ былъ также сдѣланъ Думнымъ Дворянином (Государственнымъ Совѣтникомъ). Наконецъ былъ заключенъ миръ между Русскими и Поляками, отчасти благодаря посредничеству Короля Якова.

ГЛАВА V.

Первое открытіе Россіи съ сѣверо-востока въ 1553 году. Также первыя Англійскія посольства и пріемъ ихъ при Русскомъ Дворѣ до 1604 года.

Открытіе Россіи со стороны Сѣвернаго Океана было впервые сдѣлано изо всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ Англичанами, и могло бы казаться подвигомъ почти геройскимъ, если бы предпріятіе это было внушено болѣе высокимъ побужденіемъ, чѣмъ чрезмѣрная любовь корысти и торговли. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ дурныя причины часто сопровождаются хорошими послѣдствіями, и такъ какъ, благодаря этому открытію, сдѣлались извѣстны многіе предметы, не безполезныя для познанія природы и другія замѣчанія, то не будетъ напраснымъ трудомъ вкратцѣ разсказать начало и весь ходъ этого отважнаго путешествія, которое въ послѣдствіи сдѣлалось обыкновеннымъ морскимъ переѣздомъ.

Когда наши купцы замѣтили, что требованіе на Англійскіе товары стало уменьшаться въ другихъ Государствахъ, и что иностранные товары стали быть болѣе уважаемы и дороже, чѣмъ прежде, они начали думать о средствахъ, какъ этому помочь. Видя, что Испанцы и Португальцы увеличили свое богатство открыті-

* Палицынъ?

** Заруцкаго?

емъ новыхъ торговыхъ путей и неизвѣстныхъ странъ, они рѣшились также испытать новыхъ и неизвѣстныхъ плаваній. Случилось, что въ это самое время былъ въ Лондонѣ Севастьянъ Кабота, человѣкъ весьма извѣстный тогда по своему знанію морскаго дѣла. Купцы прежде всего совѣщались съ нимъ и, по его совѣту, положили снарядить три корабля для поисковъ и открытій въ сѣверныхъ странахъ. Слышавъ, что въ Сѣверномъ океянѣ водится червь, который часто протачиваетъ самый крѣпкой дубъ, они выдумали обить нѣкоторыя килевыя части этихъ кораблей тонкими листами свинца; снабдили ихъ съѣстными припасами на восемьнадцать мѣсяцевъ, опредѣливъ поровну на плаваніе въ одинъ конецъ, на стоянку и на обратный путь. Они достали также оружіе и боевые припасы, назначивъ Капитановъ и Правителей для столь великаго предпріятія, надъ которымъ просилъ имѣть начальство, въ числѣ многихъ иныхъ и совсѣмъ неопытныхъ, предлагавшихъ свои услуги, Серъ Гегъ Уилоби, храбрый дворянинъ; они предпочли его всѣмъ прочимъ и выбрали его въ Адмиралы, какъ за его красивую наружность, такъ и за необыкновенное искуство въ военной службѣ, а Ричарда Ченслера, человѣка очень уважаемаго за его искуство, назначили главнымъ кормчимъ. Сей послѣдній былъ рекемендованъ Г. Генрихомъ Сиднеемъ, бывшимъ въ послѣдствіи товарищемъ Намѣстника Ирландіи (Deputy of Ireland), который, пришедъ въ собраніе учредителей предпріятія, не смотря на свою молодость, рекомендовалъ имъ Ченслера въ умной и красивой рѣчи.

Послѣ этого они сдѣлали всѣ возможные поиски, чтобы найти кого ни будь, кто бы могъ доставить имъ свѣдѣнія о Сѣверо-восточныхъ странахъ, куда отправлялось путешествіе: тогда они призвали двухъ Татаръ, служившихъ на Королевской конюшнѣ, но Татары не могли дать никакихъ свѣдѣній. Послѣ многихъ прѣній, рѣшено было, что 20 Мая корабли отправляются въ путь. Какъ только они приблизились къ Гриничу, гдѣ тогда находился Дворъ, придворные выбѣжали, Члены Совѣта къ окнамъ, а остальные на башни и укрѣпленія. Матросы, всѣ одѣтые въ платья лазурнаго или небеснаго цвѣта, выпалили изъ пушекъ; отголосокъ отъ воды и отъ холмовъ громко повторилъ эти выстрѣлы и клики народа, но добрый Король Эдуардъ не видалъ этого зрѣлища, и вскорѣ потомъ умеръ.

Изъ Гринича корабли отплыли въ Гаричъ, гдѣ долго оста-

вались и потеряли много времени. Наконецъ, проѣхавъ мимо Шотландіи, они издали распознали Эгеландъ—безчисленное множество острововъ, называемыхъ Ростовыми (Rostislands), подъ 66 градусомъ; оттуда поплыли къ Лофутовымъ (Lofoot), подъ 68, и къ Сейнаму (Seinam), подъ 70 градусомъ; всѣ эти острова принадлежатъ Датской Державѣ. При отъѣздѣ оттуда Серъ Гегъ Уилоби выкинулъ свой флагъ, чтобы созвать на совѣтъ Начальниковъ прочихъ кораблей: они рѣшили, что, въ случаѣ если бы они были разлучены бурей, сборнымъ мѣстомъ для ихъ встрѣчи будетъ Вардегуусъ, извѣстная пристань въ Финляндіи (Finmark). Въ тотъ же самый день послѣ полудня поднялась буря, такъ что корабли были разбросаны по разнымъ направленіямъ и находились въ большой опасности. Адмиралъ громкимъ голосомъ кричалъ Ченслеру не отставать отъ него, но напрасно, по тому что такъ какъ Адмиральскій корабль былъ гораздо быстрѣе Ченслерова на ходу, и идя на всѣхъ парусахъ, то въ скоромъ времени исчезъ изъ виду; еще прежде, однако же, корабельный катеръ, ударившись объ Адмиральскій корабль, былъ потопленъ въ виду Бонавентуры, на которомъ Ченслеръ былъ Капитаномъ; третій корабль также пропалъ во время этой бури. Но Серъ Гегъ Уилоби, успѣвъ спастись и, странствуя по тамошнимъ пустыннымъ морямъ до 18 Сентября, вошелъ въ пристань, въ которой погода была такая, какая бываетъ въ самую глубокую зиму. Рѣшившись остаться тамъ до весны, онъ послалъ трехъ человѣкъ на юго-западъ искать жителей; они ходили три дня, и никого не нашли; трое другихъ ходили четыре дня на востокъ, и на конецъ трое три дня на юго-востокъ; но такъ какъ всѣ они возвратились, не видавъ ни жителей, ни какихъ либо слѣдовъ жилищъ, то Серъ Гегъ, съ людьми своихъ двухъ кораблей оставался тамъ до Генваря мѣсяца, какъ видно по завѣщанію, найденному на одномъ изъ кораблей; но въ Генварѣ всѣ погибли отъ холода. Эта пристань или рѣка была Арзина (Arzina) въ Лапоніи, близъ Кегора (Kegor), гдѣ въ слѣдующемъ году они были найдены нѣсколькими Русскими рыбаками. Получивъ о томъ извѣстіе, Англійскій Агентъ въ Москвѣ отправилъ, для полученія обратно кораблей съ мертвыми тѣлами и большею частію товаровъ, и отослалъ ихъ въ Англію. Но корабли, будучи, какъ полагаютъ, повреждены отъ двухгодовой зимовки въ Лапоніи, дорогою потонули и съ своими мертвецами и съ тѣми, которые вели ихъ.

Что касается до Ченслера, то онъ, оставшись одинъ съ своимъ кораблемъ и его экипажемъ, направилъ свой путь на Варде-

гуусъ, мѣсто, условленное для ожиданія остальныхъ. Оставшись тамъ семь дней безъ свѣдѣній о прочихъ, наконецъ рѣшился продолжать свое плаваніе, и плылъ, пока достигъ такого мѣста, гдѣ не было ночи, но былъ безпрестанный день, и въ теченіи нѣсколькихъ дней солнце свѣтло сіяло надъ этимъ огромнымъ и пространнымъ моремъ. Наконецъ они вошли въ большой заливъ, названный, какъ они потомъ узнали, по имени Святаго Николая, и, усмотрѣвъ рыбачью лодку, пустились за ней, чтобы узнать, какой тамъ народъ. Рыбаки, изумленные величиною корабля, никогда прежде ими невиданнаго, старались уплыть, но догнанные, упали на земь и хотѣли цѣловать ноги Ченслера, но онъ, поднявъ ихъ, старался знаками и тѣлодвиженіями ласки снискать ихъ пріязнь. Какъ только они были отпущены, они распространили вѣсть о прибытіи иностранцевъ, отзываясь съ похвалою объ ихъ ласковости; тогда народъ, сбѣгаясь, принялъ Англичанъ также съ изъявленіями дружелюбія, щедро предлагая имъ съѣстные припасы и изъявляя готовность свою производить съ ними мѣну, если бы постановленіе подданства не требовало на то имѣть сперва позволеніе отъ ихъ Государя. Послѣ взаимныхъ распросовъ о томъ, какого они народа, оказалось, что Англичане прибыли въ Россію, гдѣ въ то время Царемъ былъ Иванъ Васильевичъ, которому тамошній правитель тайно послалъ извѣстіе о прибытіи иностранныхъ гостей, задерживая сихъ послѣднихъ какими могъ способами. Царь, очень довольный столько неожиданнымъ извѣстіемъ, пригласилъ ихъ къ своему Двору, предлагая имъ почтовыхъ лошадей на свой счетъ; если же путь имъ покажется слишкомъ длиненъ, то позволялъ имъ свободно торговать тамъ, гдѣ они были. Но гонецъ сбился съ дороги, и прежде еще, чѣмъ онъ возвратился, Москвитяне, сами устрашенные, чтобы Англичане не уѣхали, какъ они подавали видъ, дали имъ провожатыхъ и снарядили ихъ въ путь для предпровожденія ихъ въ присутствіе Царя. Ченслеръ проѣхалъ уже болѣе половины пути, когда гонецъ (sledman, санщикъ), посланный ко Двору, встрѣтилъ его и вручилъ ему грамоту Царя. Узнавъ объ ея содержаніи, Русскіе съ такою охотою ей повиновались, что они ссорились и спорили о томъ, кому достанется запречь лошадей въ Ченслеровы сани.

Послѣ долгаго и труднаго пути въ 1500 миль Ченслеръ пріѣхалъ въ Москву. Дней двѣнадцать послѣ его пріѣзда, къ нему былъ присланъ вѣстникъ, чтобы отвести его въ Царскій домъ,

Войдя въ дворцовые ворота и введенный въ прихожую комнату, онъ увидѣлъ тамъ почтенное собраніе человѣкъ около ста, сидѣвшихъ въ одеждахъ золотой парчи, которыя спускались до ихъ пятокъ. Потомъ его проводили въ пріемный покой, гдѣ сидѣлъ Царь на высокомъ, великолѣпномъ (очень Царскомъ) престолѣ; на головѣ у Царя былъ золотой вѣнецъ, платье на немъ было ювелирной работы, въ рукѣ держалъ хрустальный скипетръ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями; наружность его была не менѣе величественна. Возлѣ стоялъ его Думный Дьякъ (Главный Секретарь), на другой сторонѣ великій повелитель молчанія (?), оба въ платьяхъ изъ золотой парчи; кругомъ на высокихъ сѣдалищахъ, богато одѣтые, сидѣли сто пятьдесятъ членовъ его совѣта. Ченслеръ, ни мало не смущенный, сдѣлалъ Царю поклонъ по Англійскому обычаю. Царь, принявъ и прочтя грамоты, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о здоровьѣ Короля Эдуарда и, пригласивъ Англичанъ къ обѣду, отпустилъ ихъ; но прежде ихъ отпуска Дьякъ (Секретарь) подалъ ихъ подарокъ, обнаживъ голову, тогда какъ до этого времени всѣ были въ шапкахъ, и Англичанамъ, было сказано не говорить иначе, какъ если Царь что либо у нихъ спроситъ.

Просидѣвъ два часа въ покоѣ Дьяка, Англичане были наконецъ позваны къ обѣду. Царь сидѣлъ за столомъ, одѣтый въ серебряное платье и съ другимъ вѣнцемъ на головѣ. Покой этотъ назывался «золотой палатой» (golden palace), хотя безъ основанія, по тому что Англичане видѣли много другихъ красивѣйшихъ. Кругомъ комнаты, въ отдаленіи (отъ Царскаго стола) стояли другіе длинные столы; посреди нѣ былъ поставецъ съ огромными тяжелыми кубками и другими золотыми и серебряными сосудами; между прочимъ въ числѣ ихъ были четыре большія фляги, вышиною болѣе двухъ аршинъ (около двухъ ярдовъ), съ крышками, сдѣланными на подобіе башенъ и драконовыхъ головъ. Гости всходили къ своимъ столамъ по тремъ ступенямъ; они всѣ были одѣты въ полотняныя платья (linen), подбитыя богатыми мѣхами. Кушанья подавались безъ порядка, но всѣ на золотыхъ блюдахъ, какъ Царю, такъ и обѣдавшимъ, которыхъ было двѣсти человѣкъ; на каждомъ столѣ было также разставлено безчисленное множество золотыхъ кубковъ. Слуги, числомъ сто сорокъ человѣкъ, также были одѣты въ золото и служили съ шапками на головахъ. Тѣ, кто въ большой милости у Царя, сидятъ съ нимъ на одной лавкѣ, но въ

нѣкоторомъ отдаленіи. Прежде чѣмъ подали кушанье, по обычаю Русскихъ Государей, и Царь послалъ каждому гостю по ломтю хлѣба. При этомъ чиновникъ, называя каждаго по имени, говорилъ: «Иванъ Васильевичъ, Царь Руси и проч., жалуетъ тебя хлѣбомъ,» и при этихъ словахъ всѣ встаютъ. Потомъ были поданы разрѣзанные куски лебеди, каждый кусокъ на отдѣльномъ блюдѣ: Великій Князь разсылалъ ихъ также, какъ и хлѣбъ; то же было и съ питьемъ. Въ продолженіи обѣда онъ два раза перемѣнялъ свой вѣнецъ, и прислужники три раза передѣвались. Имъ также Царь изъ своихъ рукъ раздавалъ хлѣбъ и питье. Говорятъ, что это дѣлается съ тѣмъ, чтобы онъ могъ хорошо ознакомиться съ своими приближенными. Дѣйствительно, по окончаніи обѣда онъ подзывалъ къ себѣ своихъ Бояръ, называя каждаго изъ нихъ по имени. Между тѣмъ уже стемнѣло и поданы были свѣчи; Англичане отъ обѣда отправились въ свой домъ до наступленія ночи.

Въ 1555 году Ченслеръ совершилъ другое путешествіе въ Россію съ письмами отъ Королевы Маріи: ему отведенъ домъ въ Москвѣ и назначено кормовое содержаніе. Вскорѣ (по пріѣздѣ) онъ былъ принятъ Царемъ въ большой комнатѣ, устланной коврами; при его входѣ, когда онъ поклонился, всѣ встали, исключая Царя, который остался сидящимъ, но также всталъ при произношеніи имени Королевы. За столомъ Царь сидѣлъ съ обнаженной головой, а его вѣнецъ и богатая шапка стояли возлѣ него на особомъ столбѣ. При возвратѣ Ченслера въ Англію, на его кораблѣ поѣхалъ Посланникомъ отъ Русскаго Царя Осипъ Непея (Osep Nepea), Намѣстникъ (Governor) Вологодскій, но, потерпѣвъ кораблекрушеніе въ Петтислегскомъ заливѣ (Pettislego-bay), въ Шотландіи, заботясь болѣе о спасеніи Посланника, чѣмъ о себѣ, потонулъ; корабль его былъ разграбленъ и большая часть его груза сдѣлалась добычей окрестныхъ жителей.

Въ 1557 году Осипъ Непея возвратился въ свою страну съ Антономъ Дженкинсономъ, который имѣлъ подъ своимъ начальствомъ четыре большихъ корабля. Дженкинсонъ разсказываетъ, что есть пучина между Kost islando и Lofoot, которая называется Malestrand и съ половины отлива до половины прилива дѣлаетъ такой страшный шумъ, что кольца въ дверяхъ на этихъ островахъ трясутся на разстояніи десяти миль; киты, занесенные теченіемъ въ эту пучину, испускаютъ жалобные крики; деревья, которыя

въ нее попадаютъ, извергаются изъ нея съ концами и сучьями, до того измочаленными, что они походятъ на стебли истолченной пеньки. Около Zeinata они видѣли у самыхъ кораблей много очень чудовищныхъ китовъ: нѣкоторые казались длиною футовъ въ шестьдесятъ: такъ какъ это было время, когда они рожали, то они отвратительно ревѣли. Въ Вардегуусѣ, по словамъ Дженкинсона, скотину кормятъ рыбой. По пріѣздѣ въ Москву, онъ былъ принятъ Царемъ, сидѣвшимъ на высокомъ престолѣ, въ богатомъ вѣнцѣ, съ золотымъ жезломъ въ рукѣ, украшеннымъ дорогими каменьями. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Царя сидѣлъ его братъ и юноша, сынъ Царя Казанскаго, котораго покорилъ Русскій Царь. Тамъ же обѣдали разные Посланники, Христіянскіе и Языческіе, въ разныхъ одеждахъ. За однимъ столомъ съ Царемъ сидѣлъ его братъ и нѣкоторые изъ главнѣйшихъ вельможъ; всѣхъ гостей было шестьсотъ. Во время обѣда вошли шесть музыкантовъ, которые, ставъ по серединѣ (комнаты), три раза пѣли, но пѣніе ихъ не понравилось Англичанамъ. Въ то же время въ другихъ комнатахъ обѣдало двѣ тысячи Татаръ, которые пріѣхали съ тѣмъ, чтобы служить Царю въ его войнахъ. Англичане сидѣли прямо напротивъ Царя, за особымъ небольшимъ столомъ; онъ имъ посылалъ чаши вина и меда и многія кушанья изъ собственныхъ своихъ рукъ. Кушанье было плохо, но вина и разные меды отличны. Всякій разъ, какъ они обѣдали у Царя, онъ посылалъ за ними утромъ и самъ изъ своихъ устъ приглашалъ ихъ. Будучи приглашены въ день Рождества Христова, они ѣли такія же кушанья, какъ прежде, но количество золотыхъ и серебряныхъ блюдъ было чрезмѣрно: между прочими были двѣнадцать серебряныхъ боченковъ съ золотыми обручами, каждый около 4½ ведеръ (12 галенковъ).

Въ 1560 году Англичане въ первый разъ торговали въ Нарвѣ, въ Ливоніи, гдѣ до тѣхъ поръ жители Гданска и Любека владѣли всею торговлею, скрывая ее отъ другихъ.

1561 г. тотъ же Антонъ Дженкинсонъ опять ѣздилъ въ Москву, и пріѣхалъ въ то время, какъ Царь праздновалъ свадьбу свою съ Черкешенкою. Въ продолженіи этой свадьбы городскіе ворота три дня были заперты, и всѣмъ вообще жителямъ было строго приказано оставаться въ своихъ домахъ; изъяты только нѣкоторые придворные. Причина этого не извѣстна.

1566 г. Дженкинсонъ совершилъ опять то же путешествіе,

которое въ то время, при хорошемъ вѣтрѣ, дѣлали отъ Лондона до Св. Николая, 750 миль, въ одинъ мѣсяцъ.

1568 г. Дворянинъ Ѳома Рандольфъ поѣхалъ въ Московію Посланникомъ отъ Королевны Елисаветы. Въ переѣздъ свой моремъ онъ не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго, исключая множества китовъ, и такъ какъ это было время ихъ зарожденія, то жиръ ихъ плавалъ по водѣ. Въ Холмогорахъ Рандольфъ былъ встрѣченъ Дворяниномъ, присланнымъ отъ Царя, на счетъ коего онъ былъ привезенъ въ Москву, но тамъ его ни встрѣчалъ никто, даже изъ Англичанъ. Для жилья ему былъ отведенъ красивый домъ, назначенный для Пословъ; по причинѣ какихъ-то подозрѣній Царя, его держали въ этомъ домѣ, никуда не выпуская; наконецъ, послѣ семнадцатинедѣльнаго промедленія, онъ былъ позванъ, принужденъ для проѣзда взять чужую лошадь, а людей своихъ вести пѣшкомъ. Въ комнатѣ, передъ пріемной палатой, сидѣло до трехъ сотъ человѣкъ въ богатыхъ платьяхъ, взятыхъ на этотъ день изъ Царскаго хранилища платьевъ: они сидѣли на трехъ рядахъ скамеекъ, скорѣе для показа, чѣмъ по причинѣ знатности ихъ особъ, по тому что это были купцы и другіе простолюдины. Посланникъ поклонился имъ, но, не получая отъ нихъ поклона, прошелъ мимо, не снимая шапки. При дверяхъ пріемной его приняли двое бывшихъ его Приставовъ (Guardians), которые привели его на средину комнаты, гдѣ ему велѣно было стоя проговорить порученіе Королевны. При имени Королевны, Царь всталъ и спросилъ объ ея здоровьи; потомъ, давъ Послу поцѣловать свою руку, началъ дѣлать ему разные вопросы. По врученіи подарка (Елисаветы), состоявшаго изъ искусно гравированной серебряной чаши, Царь сказалъ ему, что онъ въ этотъ день не обѣдаетъ торжественно, по причинѣ важныхъ дѣлъ, «но (сказалъ онъ), я пришлю тебѣ мой обѣдъ, и увеличу твое содержаніе.» Такимъ образомъ, отпустивъ его, Царь вскорѣ потомъ прислалъ къ нему на домъ богато одѣтаго Князя (Duke) съ пятьюдесятью людьми, изъ которыхъ каждый несъ кушанье въ закрытыхъ серебряныхъ блюдахъ: Князь самъ передалъ ихъ въ собственныя руки Посла, пробуя сначала каждаго блюда и каждаго питья. Исполнивъ это, онъ сѣлъ съ провожавшими его, отобѣдалъ съ Посланникомъ, и ушелъ отъ него безъ награды.

Съ этимъ Посланникомъ Царь отправилъ своего Посланника, по имени Андрея Совина (Andrew Savin).

1571 г. Дженкинсонъ совершилъ третье путешествіе. По причинѣ мороваго повѣтрія въ Россіи, онъ долго былъ задержанъ въ Холмогорахъ; наконецъ былъ принятъ Царемъ близъ Переяславля (Pereslave), гдѣ тогда находился Дворъ и куда Царь возвратился послѣ неудачной войны Шведской. Въ томъ же году Москва была выжжена Крымскимъ Ханомъ: въ ней сгорѣла Англійская Контора, разные Англичане задохлись въ погребахъ, толпы жителей погибли, всѣ молодые уведены въ плѣнъ и награблена чрезвычайная добыча.

1583 г. Такъ какъ въ предшествовавшемъ году Иванъ Васильевичъ посылалъ по торговымъ дѣламъ Посланника Ѳедора Андреевича Писемскаго (Pheodor Andrewich), то Королевна избрала одного изъ своихъ придворныхъ сера Еремѣя Бауса (Sir Ierom Bowes) для отправленія въ Россію. Онъ прибылъ къ Св. Николаю, въ сопровожденіи болѣе сорока человѣкъ и вмѣстѣ съ возвращавшимся Русскимъ (Посланникомъ). Въ это время Нидерландцы стали вступаться въ торговлю съ Московіею, на которую за долго передъ тѣмъ была дана исключительная повольность Англичанамъ; и подкупили на свою сторону Думнаго Дьяка Щелкалова (Shalcan the chansellor) и другихъ сановниковъ, которые такъ устроили, что на встрѣчу Серу Еремѣю въ Холмогоры былъ высланъ одинъ изъ ихъ приверженцевъ, причинившій ему разныя непріятности. Но въ Вологдѣ Баусъ былъ принятъ другимъ (чиновникомъ), присланнымъ отъ Царя, а въ Ярославлѣ (Heraslave) Княземъ (a duke), съ большой свитой, который подарилъ ему повозку и десять мериновъ. Въ двухъ миляхъ отъ Москвы Баусъ былъ встрѣченъ четырьмя дворянами съ двумя стами всадниковъ, которые, послѣ краткаго здравствованія, передали ему, что имѣли сказать отъ Царя. При этомъ они требовали, чтобы Посланникъ сошелъ съ лошади, что онъ отказался исполнить, пока они не сойдутъ съ лошадей. О семъ происходили между ними продолжительныя прѣнія; когда они наконецъ согласились, возникъ большой споръ о томъ, чья нога первая коснется земли, Передавъ свое порученіе, и потомъ обнявшись съ Посланникомъ, проводили его въ Москву, въ домъ, нарочно для него построенный.

Когда онъ отправлялся ко Двору, самъ и вся его свита на хорошихъ лошадяхъ и хорошо одѣтые, по всему его пути были разставлены по обѣимъ сторонамъ до шести тысячъ стрѣльцовъ.

У дворцовыхъ воротъ его встрѣтили четверо Бояръ въ платьяхъ изъ золотой парчи и въ богатыхъ мѣховыхъ шапкахъ, вышитыхъ жемчугомъ и камнями; потомъ онъ былъ встрѣченъ четырьмя другими высшаго сана въ переходѣ, гдѣ, вдоль по стѣнамъ, стояли и сидѣли на лавкахъ семь, или восемь, сотъ человѣкъ въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ и золотыхъ платьяхъ. У пріемной двери его встрѣтилъ главный глашатай (chief herald?) вмѣстѣ со всѣми главными придворными сановниками, которые ввели его въ палату, гдѣ сидѣлъ Царь. При немъ находились три вѣнца: Московскій, Казанскій и Астраханскій. По каждой сторонѣ стояло по двое молодыхъ вельможъ, въ богатыхъ бѣлыхъ одеждахъ, имѣя по широкой сѣкирѣ на плечѣ. Кругомъ на лавкахъ сидѣло болѣе ста вельможъ. Давъ Посланнику свою руку для поцѣлованія и спросивъ о здоровьѣ Королевны, Царь приказалъ ему ити сѣсть на приготовленное для него мѣсто, шагахъ въ десяти (отъ престола) и оттуда прислать ему грамоту и подарокъ Королевны. Не находя это приличнымъ, Посланникъ выступилъ впередъ. Думный Дьякъ, подошедъ къ нему на встрѣчу, хотѣлъ взять его грамоту, но Посланникъ сказалъ ему, что Королевна не писала къ нему никакихъ грамотъ: и такимъ образомъ, пройдя мимо его, вручилъ ихъ въ собственныя руки Царя. Удалившись потомъ въ Думную Палату (counsil-chamber), гдѣ имѣлъ совѣщаніе съ нѣкоторыми членами Совѣта, онъ немного времени спустя, былъ позванъ къ обѣду. Около середины обѣда Царь всталъ, выпилъ большой кубокъ за здоровье Королевны, и послалъ Посланнику большую чашу Рейнскаго отвѣчать на эту заздравную.

Потомъ Баусъ былъ нѣсколько разъ призываиъ, чтобы переговорить о дѣлахъ; но такъ какъ онъ не уступалъ противъ своего наказа, а Царь не привыкъ къ противорѣчію, то сей послѣдній, особенно однажды, пришелъ въ страшный гнѣвъ и съ угрожающимъ видомъ сказалъ ему, что не считаетъ Королевны себѣ ровней, «по тому, прибавилъ онъ, что есть и лучше ея.» Посланникъ, полагая, что какъ ни опасны могутъ быть послѣдствія, онъ не долженъ слушать укоровъ величію своей Государыни, столь мужественно и съ такимъ же выраженіемъ возразилъ ему, что Королевна равна въ Христіянствѣ всякому, какъ бы кто себя великимъ ни считалъ, и имѣетъ способы покарать, кого бы ни было изъ своихъ враговъ. «А что скажешь ты, спросилъ Царь, о Короляхъ Французскомъ и Испанскомъ?»—«Я считаю ее, сказалъ

Посланникъ, равной каждому изъ нихъ.»—«А Императору Нѣмецкому?»—«Отецъ ея, возразилъ Баусъ, держалъ Императора на своемъ жалованьѣ.» Великій Князь такъ разсердился за этотъ отвѣтъ, что сказалъ ему, что, не будь онъ Посломъ, онъ бы его выкинулъ за дверь. «Вы можете, отвѣчалъ Посланникъ, дѣлать, что хотите, по тому что я теперь въ вашей странѣ, но Королевна, я не сомнѣваюсь, будетъ знать, какъ отмстить за обиду своему Посланнику.» Тогда Царь приказалъ ему немедленно ити домой, и онъ, не оказавъ болѣе уваженія, какъ сколько подобное обращеніе заслуживало, поклонился Царю и ушелъ домой.

Не смотря на это, Царь, какъ только гнѣвъ его прошелъ, съ похвалой отзывался стоявшимъ при немъ о Посланникѣ, говоря, что желалъ бы имѣть такого слугу, и немедленно послалъ Дьяка сказать ему, что, не смотря на бывшій разговоръ, онъ, изъ великаго уваженія къ Королевнѣ, вскорѣ отпуститъ его съ честію и всякимъ удовлетвореніемъ. Въ то же время онъ увеличилъ его содержаніе. Царь изъявилъ также желаніе, чтобы ему были написаны догматы Англиканской Вѣры и (отозвавшись о нихъ) съ большою похвалой, приказалъ прочесть ихъ своимъ Боярамъ. И, такъ какъ, за годъ передъ тѣмъ, онъ сватался за леди Марію Гестингсъ, и сватовство это не удалось, по тому что она и ея друзья отговорились отъ него, то Царь вновь предложилъ жениться на одной изъ родственницъ Королевны, или отправивъ за нею посольство, или поѣхавъ самъ съ своею казною въ Англію.

Тогда счастливъ былъ тотъ Боринъ, кому Серъ Еремѣй Баусъ оказывалъ расположеніе при другихъ, несчастливы же тѣ, которые противились ему; по тому что по этой причинѣ Царь жестоко избилъ Думнаго Дьяка Щелкалова и угрожалъ, что не оставитъ въ живыхъ никого изъ его рода. Но вскорѣ Царь умеръ отъ пресыщенія (of a surfeit), и Щелкаловъ которому было поручено почти все Правленіе, велѣлъ, въ продолженіи девяти недѣль, держать Посланника въ его домѣ подъ строжайшимъ карауломъ. Наконецъ за нимъ прислали, чтобы дать отпускъ, и довольно очидно ввели ихъ въ Думную Палату, гдѣ Щелкаловъ объявилъ ему, что новый Царь не снизойдетъ ни на какіе другіе договоры, какъ на тѣ, которые существовали между его отцомъ и Королевной до его, Посланникова, пріѣзда. Потомъ, отнявъ оружіе у Бауса и его свиты, Щелкаловъ повелъ ихъ къ Царю, дѣ-

лая имъ дорогой разныя обиды, которыя они принуждены были вытерпѣть. Царь, повторивъ только то, что уже было сказано Думнымъ Дьякомъ, предложилъ Баусу грамоту къ Королевнѣ. Посланникъ, зная, что въ этой грамотѣ не содержится ничего, относящагося до цѣли его посольства, отказался (ее принять), пока не увидалъ, что опасность становилась слишкомъ великой: ему не позволили ни возражать, ни имѣть переводчика. Щелкаловъ прислалъ ему сказать, что Англійскій Царь умеръ, и торопилъ его отъѣздъ, но при этомъ дѣлалъ ему такія оскорбленія, что Баусъ опасался какой ни будь враждебной попытки на пути своемъ къ морю, такъ какъ ему дали для сопровожденія его только ничтожнаго дворянина. Баусъ, именемъ Королевны, приказалъ Англійскимъ купцамъ ѣхать съ нимъ, но опасность была такъ велика, что они не осмѣлились это сдѣлать. И такъ, вооружившись самъ, и вооруживъ свою прислугу, какъ могъ лучше, на случай нападенія, онъ наконецъ достигъ берега у Св. Николая. Тамъ онъ рѣшился поведеніемъ своимъ отплатить нѣкоторыя изъ обидъ, имъ полученныхъ. Для этого, будучи уже готовъ сѣсть на корабль, онъ приказалъ тремъ, или четыремъ, изъ самыхъ отважныхъ и расторопныхъ своихъ людей взять письмо Царя и его неприличный подарокъ, и отдать его, или оставить на квартирѣ его Пристава. Они это исполнили, не смотря на то, что ихъ преслѣдовали и съ шумомъ хотѣли принудить взять обратно письмо и подарокъ.

1584. Въ время вѣнчанія Царя Ѳеодора, Еремѣй Горсей былъ Агентомъ въ Россіи, и былъ призванъ ко Двору съ однимъ Нидерландскимъ купцомъ, Испанскимъ подданнымъ, Иваномъ Де Валемъ. Нѣкоторые Бояре хотѣли дать этому Фламандцу преимущество передъ Англичаниномъ, но Англійскій Агентъ ни за что не соглашался, говоря, что онъ скорѣе дастъ себѣ отрѣзать ноги по колѣни, чѣмъ поднесетъ свой подарокъ послѣ Испанскаго подданнаго. Царь и Бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ (Князь Борисъ), замѣтивъ этотъ споръ, приказали допустить Горсея перваго и, отпустивъ его съ большими обѣщаніями, прислали ему семьдесять кушаній и три телѣги различныхъ медовъ.

1588. Докторъ Эгидій (Джильсъ) Флетчеръ поѣхалъ Посломъ отъ Королевны къ Царю Ѳеодору. Такъ какъ его повѣствованіе справедливо и точно, то лучше его прочесть все вполнѣ въ подлинникѣ.

Этотъ Царь, услышавъ о великой учености Математика Ивана Ди (Dee), приглашалъ его въ Москву, предлагая ему отъ себя 2 тыс. фунтовъ стерл., а отъ Боярина Бориса тысячу рублей (марокъ); содержаніе свое онъ долженъ былъ получать съ Царскаго стола; ему обѣщано было, что его примутъ съ честію, что онъ будетъ считаться однимъ изъ сановниковъ Государства. Ди не принялъ всѣхъ этихъ предложеній

1604 г. Серъ Ѳома Смисъ (Smith) былъ отправленъ Посланникомъ отъ Короля Якова къ Царю Борису. Онъ ожидалъ нѣсколько дней въ пяти миляхъ отъ Москвы, пока его не приняли съ почетомъ въ городъ; встрѣчали его нѣсколько тысячъ дворянъ верхами, разставленные по обѣимъ сторонамъ. Посланникъ изъ своей кареты пересѣлъ на лошадь и поѣхалъ, предшествуемый своими трубачами, которые играли на трубахъ. Дворянинъ съ Царской конюшни привелъ ему жеребца великолѣпно убраннаго попоной съ золотомъ, жемчугомъ и камнями и въ особенности съ цѣпью, украшенною бляхами золота на шеѣ; для сопровождавшихъ его были приведены богато убранныя лошади. Потомъ пришли три великіе Боярина съ переводчикомъ: они хотѣли произнести рѣчь, но Посланникъ, считая это пустымъ обрядомъ, нашелъ средство отдѣлаться отъ нея, сказавъ краткое привѣтствіе. Такимъ образомъ всѣ сошли съ лошадей, обнялись съ Посланникомъ, и пожали ему руку. Послѣ скучнаго троекратнаго повторенія Царскаго титула, всѣ трое Бояръ проговорили каждый привѣтствіе, въ которомъ пришлось по три слова на человѣка, а именно: первый спросилъ: каково здоровье Короля? второй: каково здоровье Посланника? третій сказалъ, что ему приготовленъ хорошій домъ. Потомъ они поѣхали по сторонамъ Посланника, а за ними около шести тысячъ молодцовъ (gallants). Въ городѣ, у самыхъ воротъ его дома, Посланнику была сдѣлана встрѣча еще большимъ числомъ далеко знатнѣйшихъ сановниковъ. Для содержанія караула у его дома и для сопровожденія его при выѣздахъ, ему даны были пятьдесятъ стрѣльцовъ. Приставы (the prestares), т. е., дворяне, назначенные для доставленія ему содержанія, усильно просили его дать имъ письменное изложеніе его рѣчи и предмета его посольства, подъ предлогомъ, чтобы переводчикъ лучше могъ ихъ перевести, но Посланникъ убѣдилъ ихъ въ нелѣпости ихъ требованія.

Въ день его пріема Посланнику и его прислугѣ были при-

сланы другіе жеребцы для ихъ проѣзда и двѣ бѣлыя парадныя лошади, чтобы везти богатую повозку, составлявшую одинъ изъ его подарковъ; остальные были несены его прислугой между двумя рядами Царскихъ стражей: во время шествія гонцы безпрестанно ѣздили взадъ и впередъ, пока Посланникъ, проѣхавъ по Кремлю (великому замку), не доѣхалъ до самыхъ внутреннихъ дворцовыхъ воротъ. Тамъ его встрѣтилъ знатный Бояринъ (a great duke), и повелъ его со свитой по лѣстницѣ, черезъ каменный переходъ, гдѣ на каждой сторонѣ стояло много людей въ красивыхъ платьяхъ изъ Персидскихъ тканей, изъ бархата и изъ штофа. Будучи введенъ двумя другими членами Думы (Совѣтниками) въ пріемную палату, Посланникъ, сдѣлавъ поклонъ, долженъ былъ остановиться и прослушать прежній длинный титулъ; потомъ исчислилъ подарки и сообщилъ о предметѣ своего посольства, сколько было нужно при этомъ случаѣ. Послѣ сего Царь, приподнявшись съ своего престола, спросилъ о здоровьѣ Короля; то же сдѣлалъ и молодой Царевичъ. Потомъ Посланникъ вручилъ свою грамоту въ собственныя руки Царя, хотя Думный Дьякъ и хотѣлъ было ихъ взять. Царь имѣлъ все величіе могущественнаго Государя. Его вѣнецъ и скипетръ были изъ чистаго золота; на шеѣ онъ имѣлъ жемчужное ожерелье; его платье изъ малиноваго бархата было вышито драгоцѣнными камнями и золотомъ. На право отъ него, на пирамидѣ, стояла красивая держава изъ кованаго золота, съ крестомъ на верху; прежде чѣмъ говорить, онъ, обернувшись къ ней, перекрестился. На другомъ престолѣ, немногимъ уступавшемъ первому въ великолѣпіи, сидѣлъ Царевичъ. Около Царя стояли два Боярина въ серебряной одеждѣ, въ высокихъ шапкахъ чернаго мѣха, съ золотыми цѣпями, висѣвшими до ногъ: они держали на плечѣ двѣ золотыя сѣкиры; двѣ другія серебряныя стояли около самаго Царя. Полъ былъ весь устланъ обоями. Будучи отпущены, и потомъ приведены опять къ обѣду, Англичане увидали Царя и его сына, пышно одѣтыхъ и ожидающихъ обѣда; у обоихъ были жемчужныя скуфьи на головахъ и другія уже одежды (чѣмъ утромъ). Посреди этой залы казалось (?) стоялъ столбъ (поставецъ), уставленный кругомъ на большую вышину тяжеловѣсною посудою, разукрашенною изображеніями звѣрей, рыбъ и птицъ. За Царскимъ столомъ прислуживали двѣсти дворянъ въ золотыхъ одеждахъ; за столомъ Царевича молодые Царевичи: Казанскій, Астраханскій, Сибирскій, Татарскій и Черкесскій. Царь съ своего стола послалъ Посланнику тридцать мясныхъ кушаній, и при каж-

домъ ломоть очень хорошаго хлѣба. Потомъ поданы были множество странныхъ и рѣдкихъ кушаній, взгроможденныхъ по полудюжинно, съ варевами, жаркими и печеньями, большею частію облитыми отваромъ чеснока и лука. Въ половинѣ обѣда, подозвавъ Посланника, Царь пилъ здоровье Короля, и передалъ изъ своихъ рукъ свою чашу изъ чудеснаго хрусталя. Принявъ ее, Посланникъ возвратился на свое мѣсто, и изъ нея пилъ здоровье самъ, со всей своей свитой. Послѣ обѣда Англичане были призваны, чтобы пить отличный крѣпкій медъ, который Царь передавалъ изъ своихъ рукъ; многіе только отхлебывали, но онъ никого не принуждалъ, говоря, что ему пріятнѣе то, что лучше для здоровья ихъ.

Не смотря на то, въ тотъ же день онъ прислалъ великаго и знатнаго Князя (a great and glorious duke), одного изъ державшихъ золотыя сѣкиры, со свитой и разными сортами медовъ, чтобы весело попировать съ Посланникомъ. Нѣкоторые изъ Англичанъ пировали, покуда Князь со своей свитой не ушелъ навеселѣ, хорошо награжденный (подаркомъ) въ тридцать аршинъ (ярдовъ) золотой парчи и двумя кубками на ножкахъ.

Во второй разъ Посланникъ былъ принятъ также, какъ и въ первый. Послѣ отпуска, такъ какъ былъ Великій Постъ, къ нему на домъ присланъ былъ обѣдъ въ триста различныхъ кушаній, изъ рыбъ, такихъ странныхъ, огромныхъ и вкусныхъ, что если описать ихъ, то трудно бы повѣрить.

При отъѣздѣ своемъ Посланникъ былъ провожаемъ за городъ на разстояніи мили съ одинакими почестями, какъ при встрѣчѣ. Потомъ, выйдя изъ Царскихъ саней, онъ сѣлъ въ свою карету, привязанную на полозья; другіе сѣли въ свои сани, и совершили легкій и пріятный переѣздъ.

Имена писателей, изъ которыхъ эти повѣствованія были взяты, и которые всѣ или сами были очевидцами, или передавали съ разсказовъ очевидцевъ.

Дневникъ Сера Гега Уилоби.
Разсказъ Ричарда Ченслера.
Таковой же Климента Адамса, со словъ Ченслера.
Замѣтки Ричарда Джонсона, слуги Ченслера.
Свидѣтельство Протонотарія.
Два письма Г-на Генриха Лена.
Разныя путешествія Дженкинсона.
Саусамъ и Спаркъ.
Дневникъ Посланника Рандольфа.
То же Сера Еремѣя Бауса.
Вѣнчаніе Ѳеодора, писанное Еремѣемъ Горсеемъ.
Путешествіе въ Печору Гордона изъ Гулля.
Путешествіе Вильяма Персглова въ Печору.
Путешествіе Осіи Логана.
Гессель Герардъ.

Изъ Перчаса часть III, книга 3:

Повѣствованія о Россіи.

У Перчаса 797 тамъ же; 806 тамъ же:

Посольство Сера Ѳомы Смиса.
Бумаги Г-на Гаклюйта.
Янсоній.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Никольскій Корельскій мужской монастырь существуетъ доселѣ на Никольскомъ или Корельскомъ устьѣ (древнемъ Малокурьѣ) Сѣверной Двины, въ 34 веретахъ отъ Архангельска. Начало свое онъ получилъ отъ «церкви храма Св. Николы въ Корельскомъ», построенной, въ началѣ XV столѣтія, Новгородской вдовой Марѳой (въ послѣдствіи знаменитой Посадницей Борецкой) на могилахъ своихъ сыновей отъ перваго брака, Антона и Феликса Филипповыхъ дѣтей.

2. Академикъ Гамель весьма правдоподобно предполагаетъ, что Розовый островъ есть нынѣшній островъ Ягры или Ягорный, называвшійся Якорнымъ, по тому, что на немъ было пристанище, гдѣ бросали якорь пріѣзжавшіе въ Двину Англійскіе корабли (D-r J. Hamel England and Russia. London, 1854, p. 196).

3. По свидѣтельству Двинскаго лѣтописца, Архангельскъ основанъ въ 1584 году: «Въ лѣто 7092 присланы съ Москвы на Двину Воеводы: Петръ Аѳанасьевичъ Нащокинъ, да Залѣшанинъ Никифоровъ сынъ Волоховъ. Оные Воеводы, отъ Морскаго устья за 30 верстъ, надъ Двиною рѣкою, на Пуръ на Волокѣ, кругъ Архангельскаго монастыря, Архангельской городъ древянной однимъ годомъ поставили, и съѣхали къ Москвѣ.» Городъ этотъ сперва назывался Ново-Холмогорскимъ; Англичане звали его также, вѣроятно, въ отличіе отъ пристани Св. Николая, пристанью Св. Михаила, по имени Соборной церкви монастыря, около котораго былъ построенъ городъ. (Древн. Росс. Вивліоѳ. изд. 2, XVIII. 15; Словарь Щекатова; Грамота Королевны Елисаветы отъ 29 Мая, 1598).

4. Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова упоминается о находившемся въ 75 верстахъ отъ Пинеги Ламбаскомъ монастырѣ, построенномъ въ 1615 году между ручьемъ Ламбасомъ и рѣкою Урою, и упраздненномъ въ 1777 году. Вѣроятно, упоминаемая здѣсь ярмарка происходила на этомъ ручьѣ, котораго имя во всякомъ случаѣ указываетъ на правописаніе упоминаемаго у Мильтона города Lampas.

5. «Рѣка Печера, а на ней, на правомъ берегу, градъ Пустоезеро, отъ моря 40 верстъ, а отъ Пустаѳзера 150 верстъ пала

въ Печеру рѣка Чилма (Цылма), а течетъ Чилма отъ рѣки Мезени изъ езера; протоку Чилмы 270 верстъ. Пустозерскъ заложенъ острогомъ въ началѣ XVI столѣтія, для собиранія ясака съ Самоѣдовъ; онъ находится подъ 67° сѣверной широты, въ 650 верстахъ отъ Архангельска и расположенъ на довольно возвышенномъ полуостровѣ (шириною въ 700 саженъ), который съ трехъ сторонъ окруженъ Пустымъ или, какъ нынѣ называютъ, Городецкимъ озеромъ, которое соединяется истокомъ съ рѣкой Печорою.» Книга глаголемая Большой Чертежъ, изд. Г. И. Спасскаго на иждивеніи Импер. Общества Исторіи и Древн. Росс. М. 1846, стр. 180 и пр. 200; Словарь Щекатова; Дневникъ Латкина въ Запискахъ Русск. Географ. Общ. кн. VII, стр. 24, 65.

6. Село Усть-Цыльма находится на правомъ, довольно низменномъ, берегу Печоры, противъ устья впадающей въ нее съ лѣвой стороны рѣки Цыльмы; оно находится въ 250 верстахъ отъ Пустозерска. Поселеніе это было основано въ 1542 году двумя Новгородцами: Ивашкой Дмитріевымъ Ласткою и товарищемъ его, Власкомъ. Дневникъ Латкина, стр. 12, 13, 65.

7. «А отъ Князьковой рѣки 200 верстъ у моря Нарымской брегъ. Отъ Нарымскаго брега до рѣки до Оби (на востокъ) 130 верстъ.» Книга Большаго Чертежа, стр. 188.

8. По книгѣ Большаго Чертежа отъ Холмогоръ до Архангельска считалось 50 верстъ; по почтовой дорогѣ считается 71 верста.

9. Въ письмѣ Дженкинсона, отъ 26 Іюня, 1566 года, на имя Сера Вилліяма Сесиля (хранящемся въ Лондонскомъ Королевскомъ Архивѣ) описывается укрѣпленіе Вологды Царемъ Иваномъ Васильевичемъ: «Его Величество отстраиваетъ замокъ, который будетъ четырехъугольный и въ 2400 саж. (fathom) въ окружности: это будетъ очень сильная и великолѣпная крѣпость; на постройку ея ежедневно выходятъ болѣе 10 тысячь человѣкъ, а камни привозятъ изъ за 500 миль, платя по 12 пенсовъ за перевозку каждыхъ ста фунтовъ. State Paper Office.

10. Нечего, кажется, говорить, что изъ Бѣла озера вытекла не Волга, а притокъ ея, Шексна. Поводомъ къ сказкѣ о башнѣ-казнохранилищѣ, вѣроятно, послужило то, что дѣйствительно часть Царской казны хранилась въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, который окруженъ двухъэтажными стѣнами съ огромными башнями; но монастырь этотъ находится не посреди Бѣла озера, а въ 36 верстахъ

тому Михаилу (Архангелу), и въ ней находятся гробы Царей. Есть еще два монастыря: одинъ мужеской (Чудовъ) и другой женскій (Вознесенскій); а на небольшой башнѣ (Иванѣ Великомъ) есть большой крестъ цѣльнаго золота. [2] Въ началѣ нашего пребыванія въ Москвѣ мы видѣли тамъ, на одномъ изъ заднихъ дворовъ, колоколъ огромной величины, не задолго передъ тѣмъ отлитой однимъ Москвичомъ; колоколъ этотъ имѣлъ около девяти саженъ въ окружности, слѣдовательно, три сажени въ поперечникѣ, такъ что сорокъ, или пятьдесятъ, человѣкъ могли подъ нимъ помѣститься. [3] Что касается иностранцевъ, въ Москвѣ, ихъ множество разныхъ народовъ и въ особенности Татаръ, Грековъ и Персіянъ; изо всѣхъ иностранцевъ Греки лучше всѣхъ тамъ приняты, имѣя съ Москвитянами сходство во многихъ вещахъ, особенно относительно Религіи. Англичане и Фламандцы имѣютъ при городѣ особенную слободу, въ которой живутъ вмѣстѣ, каждый по своему обычаю и подъ условіемъ, чтобы они были Реформатскаго Закона, могутъ свободно собираться для отправленія своего Богослуженія. Напротивъ, Жидовъ и Римскихъ Католиковъ Русскіе не допускаютъ и, по видимому, имѣютъ къ нимъ одинаковое отвращеніе.»

Hakluyt. 1, 263, 350; D-r Giles Fletcher. Of the Russe common wealth. London, MDCCCLVI, 17; La relation de trois ambassades de monseigneur le Comte de Carlisle. Paris, MDCCCLVII, 71—73.

13. Описаніе пути изъ Москвы до Астрахани, и описаніе самой

лочены; въ первый, кажется, разъ, упоминается о томъ подъ 1508 годомъ: «Тогда же Благовѣрный Князь Великій Василій Ивановичъ всея Руси, съ великою вѣрою и желаніемъ, повелѣ на своемъ дворѣ церковь превысшія небесъ, неизреченныя Горы Божія, всечестныя Царицы Дѣвы, Пречистыя Богородица Маріа, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, подписати златомъ; повелѣ же и верхъ церковный покрыти и поздатити». (Полн. Собр. Лѣтопис. VI, 247).

[2] По преданію крестъ на средней главѣ Благовѣщенскаго собора сдѣланъ изъ Аравійскаго золота. Извѣстно, что Наполеонъ, принявъ за золотой, крестъ Ивановской колокольни (Ивана Великаго), велѣлъ его снять; часть этого креста, разбившагося при спускѣ, была, во время бѣгства великой арміи, брошена Французами въ Вильнѣ (Собр. свѣдѣній о монастыряхъ, А. Ратшина).

[3] Царь колоколъ былъ, по повелѣнію Алексѣя Михаиловича, перелитъ въ 1654 году изъ прежняго Годуновскаго и сдѣланъ въ 8 тысячъ пудовъ въ 1654 году (Тамъ же).

Астрахани, извлечено изъ «Путешествія Г-на Антона Дженкинсона изъ города Москвы, въ Россіи, въ городъ Бохару, въ Бактріи, въ 1558 году.»

Вотъ полный маршрутъ Дженкинсона до Астрахани, любопытный по указанію всѣхъ бывшихъ въ 1558 году городовъ на Окѣ отъ устья Москвы рѣки и на Волгѣ отъ устья Оки:

	По Дженк.	По Больш. Чертеж.
Изъ Москвы водою до Коломны.....	20 миль	90 верстъ
Оттуда по Окѣ до Перевитеска (Castle Terreuettisko).....	8 „	40 „
„ до Переславля Рязанскаго.....	8 „	50 „
„ „ Старой Рязани.....	6 „	30 „
Этотъ городъ въ развалинахъ.		
„ „ Терехова монастыря (Castle Terrecouia).....	12 „	50 „
„ „ Касимова.....	— „	80 „
Имъ управляетъ Татарскій Князь, по имени Царь Шигалей (Vtzar Zegoline), когда Царь знаменитаго города Казани, а теперь подданный Русскаго Царя.		
„ „ Мурома.....	20 „	70 „
„ „ Нижняго Новгорода.....	25 „	135 „
Отъ Рязани до Нижняго, по обѣимъ сторонамъ р. Оки, собирается главнѣйшій во всей Россіи запасъ воска и меда		
„ „ Васильграда.....	25 „	130 „
Этотъ городъ или за́мокъ названъ по имени отца Государева; это было дальнѣйшее мѣсто, завоеванное этимъ Царемъ у Татаръ.		
„ „ Чебоксаръ (Sabowshare).....	16 „	90 „
Окрестная страна называется Мордовскою (Mordouits) и жители исповѣдывали языческій		

	По Дженк.	По Больш. Чертеж.
законъ (the law of the Gentiles); но теперь, будучи покорены Царемъ Русскимъ, по большей части окрещены, но живутъ въ лѣсахъ и пустыняхъ, безъ городовъ и жилищъ.		
Оттуда до Свіяжска	25 миль	—
„ „ Казани.....	— „	

Казань, красивый городъ, построенный въ Русскомъ, или въ Татарскомъ, вкусѣ, съ крѣпкимъ за́мкомъ, стоящимъ на высокомъ холмѣ: онъ былъ прежде обнесенъ частоколомъ и земляной насыпью, но Русскій Царь приказалъ теперь разрушить старыя стѣны и выстроить новыя изъ дикаго камня. Этотъ городъ былъ прежде очень богатъ и, принадлежа Татарамъ, составлялъ особое Царство и болѣе всѣхъ другихъ народовъ вредилъ Русскимъ въ ихъ войнахъ; но девять лѣтъ тому назадъ нынѣшній Русскій Царь его завоевалъ [4], и взялъ въ плѣнъ Царя Казанскаго, который, будучи молодъ, теперь окрещенъ и воспитывается при Московскомъ Дворѣ, вмѣстѣ съ двумя другими, также бывшими, Царями Казанскими, которые, подвергаясь опасности, во время своего царствованія, отъ междоусобій своихъ подданныхъ, въ разное время отдались въ подданство Русскому Царю; такимъ образомъ

[4] Казань была взята Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1552 году и, слѣд., за шесть, а не за девять, лѣтъ до путешествія Дженкинсона.

въ настоящее время при Русскомъ Дворѣ три бывшіе Царя Казанскіе, которыхъ Русскій Царь держитъ въ большомъ почетѣ. [5]

Близъ Казани находится Гостинный островъ, такъ называемый по тому, что сюда прежде пріѣзжали для торга всякіе гости, какъ Русскіе и Казанскіе, такъ и Ногайскіе и Крымскіе и разныхъ другихъ городовъ; теперь это мѣсто оставлено и ни въ Казани и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ отъ Москвы и до Каспійскаго моря нѣтъ подобнаго рынка.

Отъ Казани до устья рѣки Камы..... 15 миль 60 верстъ.

Страна, лежащая между Казанью и рѣкою Камою, на лѣвомъ берегѣ Волги, называется Землею Вогуличей (Vachen?); жители ея язычники и живутъ въ пустыняхъ, безъ домовъ и жилищъ. Страна на другомъ берегѣ Волги, напротивъ рѣки Камы, называется Черемисскою; Че-

---

[5] Въ 1558 году въ Россіи дѣйствительно находились три бывшіе Царя Казанскіе: 1) Александръ Сафакирѣевичъ (Утемишь-Гирей), привезенный въ Москву въ 1551 г., будучи двухъ лѣтъ отъ роду, крещенный два года спустя, и умеръ въ 1566 году; 2) Шигъ-Алей (царств. съ 1519 до 1521 г., въ другой разъ въ 1546 г., и наконецъ въ третій съ 1551 до 1552 г.), жившій въ то время, какъ упоминаетъ самъ Дженкинсонъ, въ Касимовѣ, пожалованномъ ему въ удѣлъ еще Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1566 г., и 3) Симеонъ Касаевичъ (Едигеръ Махметъ), взятый въ плѣнъ въ 1552 г., и умеръ 1565 г. Но не два послѣдніе были товарищами воспитанія Утемиша-Александра, а сыновья Черкесскаго Князя Сибока-Александръ (Кудадекъ) и Владѣтеля Кабарды Темгрюка — Кн. Михаилъ (Султанукъ-Мурза); сей послѣдній былъ шуриномъ Царя (братомъ его второй жены), Бояриномъ съ 1568 г., и выбылъ въ 1572 г.

ремисы же полуязычники, полутатары. Вся же земля по лѣвой сторонѣ Волги, начиная отъ р. Камы вплоть до Астрахани и далѣе по сѣверному и сѣверовосточному прибрежью Каспійскаго моря, до земли Татаръ, называемыхъ Туркменами, называется страною Ногайцевъ (Mangat or Nogay). Наконецъ вся страна на правомъ берегѣ Волги, начиная напротивъ устья р. Камы, до города Астрахани, есть земля Крымская, которой жители также Магометова закона и живутъ большей частью по Ногайскому обычаю, ведутъ непрестанныя войны съ Русскимъ Царемъ и храбры въ полѣ; ихъ поддерживаетъ и имъ помогаетъ Турецкій Султанъ.

Оттуда до Тетюшъ (Petowse?)..... 20 миль 60 верстъ.

Такъ называются нѣсколько рыбацкихъ домовъ; здѣсь большая ловля осетровъ.

Оттуда до Высокой Горы на одинаковомъ разстояніи, около 200 миль отъ Казани и отъ Астрахани, подъ 51° 47′ с. ш.

Въ прежнія времена здѣсь былъ, построенный Крымцами, замокъ, теперь разрушенный. [6] По всему берегу растетъ во множествѣ локричникъ, котораго корень похожъ на виноградный.

---

[6] Это должно быть упоминаемое въ книгѣ «Большаго Чертежа» городище Увѣшинское (Увіэкъ — Уѳеакъ), въ 9 верстахъ отъ Саратова, на высокой горѣ Шиханъ (Словарь Щекатова).

Оттуда до мѣста, называемаго Переволока.

Мѣсто это такъ казывается по тому, что въ былыя времена Татары здѣсь переносили сухимъ путемъ свои лодки изъ Волги въ рѣку Танаисъ, иначе называемую Дономъ, когда они грабили ѣхавшихъ Волгою въ Астрахань, или Танаисомъ въ Азовъ, Кафу и другіе города, лежащіе при Эвксинскомъ морѣ, въ которое впадаетъ Танаисъ, берущій начало въ области Рязанской «изъ чистаго поля» (см. Кн. Бол. Черт. 27). Въ этомъ мѣстѣ отъ одной рѣки до другой двѣ мили сухимъ путемъ, и очень опасно отъ воровъ и разбойниковъ, хотя, впрочемъ, менѣе, чѣмъ было прежде, по причинѣ завоеваній Русскаго Царя. Отсюда, по обѣимъ сторонамъ Волги, пустыни.

Оттуда, оставивъ старинный замокъ Старую Астрахань вправо, до Новой Астрахани, отъ которой до Москвы около 600 миль.

Новую Астрахань Русскій Царь покорилъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ 1552 (1554) году. Это—дальнѣйшій оплотъ, завоеванный имъ отъ Татаръ со стороны Каспійскаго моря: онъ содержитъ его очень крѣпко, ежегодно посылая туда людей, съѣстные припасы и лѣсъ для постройки крѣпости. Тамъ ведется нѣкоторая торговля, но очень бѣдная и незначительная, такъ что о ней не стоило бы упоминать, хотя туда съѣзжаются купцы отъ разныхъ народовъ. Главнѣйшіе товары, привозимые Русскими, суть: сырыя кожи, деревянные сосуды, узды, сѣдла, ножи и другія бездѣлки, также зерновой хлѣбъ, ведчина (?) и другіе съѣстные припасы. Татары привозятъ туда разнаго рода бумажные и шерстяные товары и выдѣланные шелки: пріѣзжающіе изъ Персіи, и именно изъ Шемахи, привозятъ швейный шелкъ (самый грубый изъ употребляемыхъ въ Россіи), краски (Crasco?), разные роды пестраго шелка на кушаки, кольчуги, луки, мечи

и т. под., въ иные года — зерновой хлѣбъ, Грецкіе орѣхи. Но все это привозится въ такомъ маломъ количествѣ, и купцы, которые доставляютъ эти товары, до того бѣдны, что не стоило бы и писать объ этой торговлѣ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ надежды; чтобы она когда ни будь въ этихъ странахъ заслуживала, чтобы ею заниматься.

Hakluyt 1, 362—365.

14. Путь изъ пристани Св. Николая до Новгорода взятъ Мильтономъ изъ маршрута Ѳомы Соузема (Southam) и Ивана Спарка (Sparke), ѣхавшихъ изъ Холмогоръ въ 1566 году въ Соловецкій монастырь, а оттуда къ устью р. Выга и потомъ на Повѣнецъ, Ладогу и въ Новгородъ; но самъ Соузем сознается, что переѣздъ на Соловки совершенно излишній, и что гораздо лучше ѣхать на Повѣнецъ не рѣкою Выгомъ, но изъ Сумскаго острога, который, по его извѣстію, отстоитъ 936 миль (или верстъ) отъ пристани Св. Николая. Здѣсь прилагаются полные маршруты Соузема: 1) отъ усть Выга до Повѣнца; 2) отъ Сумскаго острога до Повѣнца; 3) отъ Повѣнца до Новгорода.

Примѣчаніе. Названія мѣстностей исправлены по Книгѣ Большаго Чертежа, по столистовой картѣ Оппермана, по военно-дорожной картѣ Шуберта, а главнѣйше по изслѣдованію Неволина: «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ» (Записки Русск. Геогр. Общества, кн. VIII). При названіяхъ, не найденныхъ ни въ одномъ изъ этихъ источниковъ, поставлены вопросительные знаки.

1. Отъ Усть-Выга до Повѣнца.

Отъ дер.	Сороки при устьѣ р. Выга (Owiga) до Выгостровской (Ostroue) (Неволинъ, прил. VI. 168)	7 верстъ.
	За три версты до этого мѣста обрывистый водопадъ съ горы, около котораго нужно перетаскивать лодку цѣлую версту сухимъ путемъ.	
Оттуда до	Слободы (Sloboday)	7 верстъ.
	За двѣ версты до этого мѣста нужно опять перетаскивать лодки и товары.	
„	„ Парандовской (Paranda)	30 „
„	„ Надвоицкой (Voyetz)	11 „
	Двѣ переноски лодокъ, сперва въ пол-	

	торы версты, потомъ въ одну осьмую версты. Здѣсь конецъ владѣній Соловецкаго монастыря.		
» »	Выгозеромъ до Квеквенича (Quequenich)?	25	»
	Здѣшніе жители говорятъ, что на этомъ озерѣ столько острововъ, сколько дней въ году.		
» »	Телекинской (Tellekina)[7]	60	»
» »	Орѣшья на мели (Oreche na melay)?	13	»
	Переноска лодокъ на разстояніи трехъ верстъ.		
» »	Повѣнца (Pouensa)	27	»
	За семь верстъ до этого селенія лодки разгружаются и товары перевозятся оттуда на лошадяхъ. Повѣнецъ стоитъ за версту отъ озера Онега.		

2. Отъ Сумскаго Острога до Повѣнца.

Отъ Сумскаго острога (Somo) до Лапинской	20	веретъ.
Оттуда до Острова (Ostrouo)?	15	»
» » Варенжи (Varnich)	10	»
» » Караса озера (Carraich)	20	»
» » Талыжа наволока (Toluich)	35	»
» » Телекиной	30	»
» » Моселги (Mastelina)	10	»
» » Повѣнца	30	»
Путь этотъ зимній санный; лѣтомъ отъ Повѣнца до Сумскаго Острога проѣзда нѣтъ.		

3. Отъ Повѣнца до Новгорода.

Отъ Повѣнца до Толвуя (Toluo) (Нев. VI 163)	50	верстъ.
Оттуда до остр. Саласальмы (Salasalma)?	7	»
» » » Вороньяго (Vorronia)?	60	»
» » монастыря Клименскаго на Климецкомъ островѣ (S. Clements monasterie)	48	»

[7] Въ книгѣ Обонежской Пятины, Заонѣжской половины, письма А. В. Плещеева 7091 г. «дер. Ребуевская на Нилѣ озерѣ, словетъ Телѣкина» (Неволинъ, прил. VI. 167).

Оттула до монастыря Вознесенскаго на рѣкѣ Свири (Vosnessino Christo) [8] ..... 160 „

На всемъ этомъ пространствѣ вдоль по Онежскому озеру много деревень.

„ „ погоста Важинскаго (Vassian)..... 90 „

„ „ рядка Сермаксы (Selucax or Sermaxe) (Нев. VI, 149)..... 10 „

„ „ озера Ладоги (Ladiscaie) и озеромъ до монастыря Никольскаго Медвѣцкаго (St. Nicholas Medued) при устьѣ рѣки Волхова (Volhuski) (Нев. VI, 144)..... 10 „

Озеро это гораздо длиннѣе озера Онеги, но не такъ широко: оно вливается въ море, выходящее изъ Зунда, такъ что всякое судно съ хорошимъ кормчимъ можетъ проѣхать оттуда Зундомъ въ Англію.

„ „ монастыря Гостинопольскаго (Gosnopoli) (Нев. VI, 142)..... 30 „

„ „ Мыслова (Moislaue)..... 46 „

„ „ Грузина (Grussina) (Нев. VI, 140)..... 35 „

„ „ погоста Петровскаго (Petroe Suetoe) (Нев. VI, 137)..... 40 „

„ „ Новгорода..... 20 „

15. Вся статья объ отобраніи въ Царскую казну имѣній послѣ людей, не оставившихъ мужескаго потомства, и о полновластіи Царя въ отнятіи имѣній у старыхъ и увѣчныхъ, заимствованы изъ записки Ченслера 1535 года. Мильтонъ, даже слово въ слово, выписалъ оттуда рѣчи просителя и Царя. Но Ченслеръ смѣшалъ два совер-

---

[8] Въ приложенномъ въ концѣ этого маршрута перечнѣ разстоянія слѣдующихъ четырехъ станцій показаны иначе:

Отъ монастыря Вознесенскаго до Сермаксы 165 верстъ.
Оттуда до города Ладоги ..... 15 „
„ „ монастыря Гостинопольскаго. . . 15 „

Показаніе это, кажется, вѣрнѣе, по тому что погостъ Важинской (у Неволина пр. VI, 157—Важенской) на картѣ Оппермана показанъ почти на одинаковомъ разстояніи отъ истока рѣки Свири изъ озера Онеги, гдѣ стоитъ мон. Вознесенскій, и отъ впаденія рѣки Ояти въ рѣку Свирь, при коемъ стоитъ Сермакса (у Щекатова Сермакша).

шенно разнородныя вида владѣній: вотчины и помѣстья: первыя, раздѣлявшіяся на родовыя, т. е., полученныя по наслѣдству, выслуженныя, т. е., пожалованныя въ награду за службу, и купленныя, составляли неотъемлемое, но наслѣдственное, достояніе владѣльца; вторыя давались вмѣсто жалованья служилымъ людямъ, которые изъ доходовъ ихъ должны были содержать себя на службѣ Царской.

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, обнародованное въ 1649 году, слѣдовательно, за 33 года до изданія книги Мильтона, совершенно обезпечиваетъ судьбу вдовъ и дочерей служилыхъ людей: въ случаѣ, если сіи послѣдніе были убиты на войнѣ, жены ихъ получали 20% изъ помѣстнаго оклада; если умирали на службѣ, въ полкѣхъ, то 15%; если дома, то 10%; дочерямъ назначалась половина этого размѣра. [9] То, что за дачею этого прожитка, вдовѣ и дѣтямъ оставалось въ лишкѣ, отдавалось въ родъ умершаго безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ; при отсутствіи ихъ только—въ чужіе роды; [10] въ казну Государеву даже изъ выморочныхъ помѣстій, тѣмъ болѣе изъ вотчинъ, ничего не поступало.

Вотчины родовыя и заслуженныя послѣ умершаго переходили сыновьямъ, при неимѣніи ихъ—дочерямъ, при неимѣніи и дочерей—ближайшимъ родственникамъ. [11] Купленныя вотчины предоставлялись въ полное распоряженіе вдовѣ умершаго, которой, сверхъ того, отдавалась четверть движимости (животовъ) и возвращалось приданое. [12] Но въ случаѣ, если послѣ умершаго не оставалось помѣстій, или купленныхъ вотчинъ, матери и вдовѣ его выдѣлялась въ пожизненное владѣніе, на прожитокъ, часть изъ его выслуженныхъ вотчинъ. [13] И, на оборотъ, когда оставались однѣ купленныя вотчины, то онѣ дѣлились между вдовой и дѣтьми по жеребьямъ. [14]

Относительно служилыхъ людей, которые, за старостью и увѣчьями, были отставлены отъ службы и имѣли данныя имъ на прожитокъ помѣстья, въ Уложеньѣ прямо говорится, что имъ «тѣми помѣстьи владѣти по свой животъ,» т. е., до смерти, и велѣно отка-

---

[9] Гл. XVI, ст. 30, 31, 32.
[10] XVI, 13.
[11] XVII, 2, 4.
[12] XVII, 1, 6.
[13] XVI, 16; XVII, 3.
[14] XVII, 5.

зывать челобитчикамъ, которые будутъ просить «подъ ними о помѣстьѣ въ пожить,» т. е., о пожалованіи себѣ тѣхъ помѣстій, съ отдѣленіемъ тѣмъ отставнымъ служилымъ людямъ только части ихъ на прожитокъ. [15] Впрочемъ, уже самый законъ этотъ указываетъ, что подобный обычай существовалъ до изданія Уложенія. Оправданіе его очевидно: помѣстье давалось для содержанія дворянина, или сына боярскаго, на службѣ; онъ не могъ ее нести, помѣстье могло быть уменьшено, или даже совершенно отнято. И здѣсь-то проявляется сердоболіе Царя Алексѣя Михайловича, который первый изъ Русскихъ Государей внесъ человѣколюбіе въ свои законы.

Но Мильтонъ, слѣдуя разсказу Ченслера о временахъ Грознаго, представляетъ Русскаго Царя какимъ-то деспотомъ, который у одного изъ своихъ подданныхъ отбираетъ имѣніе, чтобы отдать его другому, а у вдовъ и дочерей своихъ слугъ отнимаетъ все ихъ достояніе. Замѣчательно, особенно если вспомнить, что Ченслеръ Англичанинъ, что подобное самовластіе восхищаетъ его, и что онъ съ восторгомъ восклицаетъ: «Это не то, что у насъ въ Англіи, гдѣ всякій говоритъ про свою вещь: «Она Божія и моя!» О, если бы наши непокорные упрямцы были содержаны въ подобномъ подчиненіи: они узнали бы свои обязанности къ своимъ Государямъ!»

Hakluyt I, 267; Уложеніе, главы XVI и XVII.

16. Извѣстіе о судебныхъ поединкахъ также извлечено Мильтономъ изъ Ченслера, хотя ко времени изданія его исторіи они уже перешли въ преданіе.

Судебникомъ поле (судебный поединокъ) присуждалось въ случаѣ отрицанія займа (въ заемномъ дѣлѣ) и при обвиненіи въ зажигательствѣ (пожегѣ), въ душегубствѣ, въ разбоѣ, или въ татьбѣ. На поле лѣзть (требовать поединка) могли тяжущіеся (ищея и отвѣтчикъ), не только между собою, но и съ кѣмъ либо изъ тѣхъ свидѣтелей (послуховъ), которые не въ ихъ рѣчи говорили (опровергали ихъ показанія). Малолѣтнымъ, старикамъ, увѣчнымъ, лицамъ духовнаго званія и женскаго пола, позволялось ставить за себя наемныхъ бойцовъ (наймитовъ); въ такомъ случаѣ противной сторонѣ вольно было лично биться съ этимъ наймитомъ, или высылать противъ него наймита же.

Но уже въ дополнительномъ къ Судебнику Указѣ, 21 Августа,

[15] XVI, 8, 61.

1556 года, допускается замѣна поля крестнымъ цѣлованіемъ. Въ послѣдній разъ упоминается о судебныхъ поединкахъ въ 1614 году. [16] Уложеніемъ они уже вовсе исключены изъ законодательства.

Hakluyt I, 268; Судебникъ, ст. 11 и 12, 16, 17 и 19, 14 и 19, 119.

17. Уложеніемъ дѣйствительно опредѣлено лишеніе свободы для несостоятельныхъ должниковъ; но они выдавались головою до искупа не Царю, а заимодавцамъ; при томъ это дѣлалось только съ тѣми, которые не могли представить за себя поручителей и которымъ не было чѣмъ окупитися. Наконецъ въ сдачѣ головою предшествовала ставка на правежъ, которая продолжалась, смотря по количеству долга, по разсчету одного мѣсяца за сто рублей. По окончаніи срока этой ставки долгъ взыскивался съ недвижимаго и съ движимаго имѣнія должника.

Долги стрѣльцовъ покрывались платою истцу денежнаго ихъ жалованья (по 4 рубля въ годъ). Отъ выдачи головою истцу изъяты были служилые люди, за исключеніемъ приставовъ, казаковъ, пушкарей, затинщиковъ и другихъ нижнихъ чиновъ. За службу выданнаго головою истцу должника зачиталось сему послѣднему въ уплату долга за каждый годъ, мущинѣ пять рублей, женщинѣ два рубля съ половиной, дѣтямъ болѣе десяти лѣтъ два рубля.

Уложеніе гл. X, стр. 204, 261, 262, 264, 265, 266; гл. XX, стр. 40.

Примѣчаніе. Употребленное выше слово правежъ въ Академическомъ Словарѣ истолковано такъ: «Взыскиваніе денегъ или долга съ истязаніемъ.» Напротивъ, въ сочиненіи Флетчера: «О Русскомъ Государствѣ» (1558 г.) названіе правежъ присвоивается мѣсту передъ съѣзжей избой, гдѣ истязаніе происходило, что, кажется, подтверждается выраженіемъ ставить или приводить на правежъ. Очень можетъ быть, что названіе правежа первоначально присвоивалось мѣсту, гдѣ происходило истязаніе, а потомъ, по очень обыкновенной метониміи, передано самому истязанію. Вотъ подлинныя слова Флетчера: «Правежъ (praveush or righter) есть мѣсто близъ суда

---

[16] Въ судной грамотѣ Устюжны Желѣзопольской (Акты Археографической Экспедиціи III, № 36). Г. Дмитріевъ, въ «Исторіи судебныхъ инстанцій» (М. 1859, пр. 403), напрасно отвергаетъ ссылку Г. Пахмана на эту грамоту; въ ней именно сказано: «а не просятъ поля тѣ послухи, которые послушествуютъ въ исцовы рѣчи, ино тѣмъ ищея виноватъ.»

(съѣзжей избы), гдѣ тѣхъ, которые осуждены и которые отказываются платить присужденное, бьютъ большими дубинами по берцамъ и по икрамъ ихъ ногъ. Всякое утро, отъ 8 часовъ до 11, ихъ ставятъ на правежъ и бьютъ такимъ образомъ, пока деньги не будутъ заплачены. Послѣ полдня и всю ночь недѣльщикъ (the sergeant) держитъ ихъ въ цѣпяхъ, развѣ если они представятъ достаточную поруку въ томъ, что явятся на правежъ въ указный часъ. Каждое утро можно видѣть сорокъ, или пятьдесятъ, человѣкъ, стоящихъ въ рядъ на правежѣ, которыхъ колотятъ по голенямъ и которые испускаютъ жалобные крики. Если, простоявъ годъ на правежѣ, должникъ не хочетъ, или не имѣетъ, чѣмъ удовлетворить заимодавца, ему закономъ дозволено продать свою жену и своихъ дѣтей, или совсѣмъ, или на урочное число лѣтъ. Если же цѣна ихъ не покрываетъ всего долга, то заимодавецъ можетъ взять его себѣ въ холопы (to bee his bondlaves) на извѣстное число лѣтъ, или навсегда, смотря по количеству долга.»

Of the Russe Common Wealth. London, MDCCCLVI, p. 67.

18. Гаклюйтъ напечаталъ слѣдующую весьма любопытную записку Англійскаго Агента, Генрика Лена (Lane), въ которой подробно изложенъ весь обрядъ жеребьеваго суда.

«Способъ судить по жеребью въ Россіи, описанный Г. Генрикомъ Леномъ, и употребленный въ тяжбѣ между нимъ и нѣкоимъ Ширяемъ Костромицкимъ въ Москвѣ 1560 г.:

«По возвращеніи въ Россію Осипа Непеи, перваго посланника (Царя Ивана Васильевича) къ Королевѣ Маріи, въ то время, какъ я оставался тамъ Агентомъ, нѣсколько Русскихъ купцовъ, по ходатайству его, Осипа, получили отъ Царя грамоты на отправку товаровъ и на проѣздъ на нашихъ корабляхъ въ Англію, на что, по здравомъ разсужденіи, я отвѣчалъ отказомъ. Это заставило ихъ повѣрить намъ въ долгъ и согласиться на опредѣленіе цѣны (своихъ товаровъ), смотря по слѣдующему привозу; но ко времени этого привоза, не смотря на уплату имъ хорошей цѣны, 600 рублей, возникъ споръ, по тому что они требовали вдвое болѣе. Такимъ образомъ, въ Апрѣлѣ 1560 года, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Московіи, они исходатайствовали приговоръ судить полемъ или жребіемъ, [17] что имъ слѣдуетъ:

[17] Въ подлинникѣ: «Trial by combat or letter,» но на полѣ страницы поправка: «Triall by combat orlot.»

двойная уплата, или предлагаемые мною 600 рублей. Для поля у меня былъ охотникъ, сильный Англичанинъ, Робертъ Бестъ, одинъ изъ слугъ общества; [18] но Русскіе и ихъ боецъ отказались съ нимъ биться. Такимъ образомъ мы потребовали исполненія нашихъ повольностей, а именно метанія жеребья. Царь указалъ, чтобы этотъ судъ произошелъ въ Кремлѣ (въ его замкѣ), въ его дворцѣ, при его высшемъ Московскомъ судилищѣ слѣдующимъ образомъ: Въ судѣ засѣдали два Царскіе Казначея, они же и Канцлеры (Думные Дьяки?) и главные судьи. Они послали чиновниковъ звать меня, моего переводчика и еще другого (Англичанина?), и провести насъ сквозь толпу народа внутрь рѣшетки: мнѣ они позволили сѣсть поодаль, противники же наши были оставлены за рѣшеткой. Сперва обѣ стороны были весьма вѣжливо убѣждаемы: я увеличить мое предложеніе, Русскіе уменьшить свое требованіе. Не смотря на мои увѣренія, что совѣсть моя чиста и что, по расчету, барышъ ихъ достаточенъ, я, желая угодить судьѣ, предложилъ прибавить 100 рублей, что было принято съ большой похвалой, но истцы на это не согласились. Тогда судьи написали приговоры съ нашими именами и вложили ихъ въ два одинаковые восковые шарики, которые подняли, засучивъ рукава. Потомъ, вставъ и пожелавъ счастія правдѣ, которая была присуждена тому, чей шарикъ прежде вынется, они, съ согласія обѣихъ сторонъ, вызвали изъ толпы высокаго дворянина, сказавъ: «Ты, въ такомъ-то платьѣ и въ такой-то шапкѣ, поди сюда!» Его поспѣшно пропустили. Ему приказали держать прямо и не опуская рукъ за макушку шапку, въ которую опустили шарики. Съ такими же предосторожностями вызвали на удачу другого высокаго дворянина, которому велѣли засучить правый рукавъ и, призвавъ Божіе имя, голою рукою по одиначкѣ вынуть оба шарика. Что онъ и сдѣлалъ, отдавъ каждому судьѣ одинъ изъ нихъ. Потомъ, къ великому удивленію, жребій въ первомъ изъ вынутыхъ шариковъ оказался мой, что и было провозглашено передъ всѣмъ народомъ, съ объявленіемъ, что я правъ и справедливъ. Имя главнаго истца было Ширяй Костромицкій. Меня пригласили уплатить истцамъ назначенную мною сумму; изъ нея, за ихъ неправду и грѣхъ (for their wrong or sinne), по ихъ выраженію, они уплатили по десяти со ста Царю. Много дней спустя Русскіе, по своему обычаю, считали нашъ народъ за вѣрныхъ и честныхъ торговцевъ и говорили объ этомъ судѣ къ нашей великой похвалѣ.»

Hakluyt, I, 345, 346.

---

[18] Купцовъ, торгующихъ съ Россіею.

19. Самое названіе питейныхъ домовъ корчмами указываетъ на несвоевременность извѣстія Мильтона. Еще во второй половинѣ XVI столѣтія дома эти стали называться кабаками, которые въ первые же года царствованія Алексѣя Михайловича (1652 г.) замѣнены кружечными дворами. Съ тѣхъ поръ слову корчма стало исключительно придаваться въ его грамотахъ значеніе хмѣльнаго, неявленнаго (т. е., тайно выкуреннаго) напитка, какъ-то: хлѣбнаго вина, меда и пива.[19]

Изъ уставныхъ грамотъ о продажѣ питій въ городахъ Угличѣ и Мологѣ видно, что съ 1652 года продажа эта совершенно отобрана у всѣхъ частныхъ лицъ, и что бывшіе на откупѣ кабаки взяты даже у тѣхъ изъ нихъ, которымъ «не отошли урочные года;» видно также, что во всѣхъ городахъ и въ большихъ дворцовыхъ селахъ учреждено только по одному кружечному двору, въ малолюдныхъ же селеніяхъ отнюдь не дозволено заводить ихъ; что въ самыхъ дворахъ этихъ продажа была разрѣшена только отъ обѣдни до сумерекъ; въ продолженіи же всѣхъ четырехъ постовъ, Свѣтлой Недѣли, воскресныхъ дней, середы и пятницы во весь годъ, запрещалась вовсе; наконецъ, что не дозволялось продавать хмѣльныхъ напитковъ духовенству, а мірянамъ пить ихъ близъ кружечныхъ дворовъ. Всѣ эти ограниченія доказываютъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ не только не давалъ никому изъ своихъ Бояръ, или Дворянъ, возможности поощреніемъ народа къ пьянству обирать ихъ, чтобы потомъ выдавливать изъ этихъ Бояръ, или Дворянъ, ихъ дурно пріобрѣтенное богатство, но, напротивъ, въ заботливости о нравственности своихъ подданныхъ, пользуясь церковными установленіями, отнималъ у нихъ болѣе, чѣмъ на половину дней въ году возможность покупать хмѣльныя питья, при чемъ жертвовалъ значительною частію одного изъ важнѣйшихъ источниковъ своего дохода.

Акты Археограф. Эксп. т. I, № 269; т. IV №№ 59 и 63.

20. Самая полная картина войска Царя Алексѣя Михайловича сохранилась въ отвѣтѣ Стольника Ивана Ивановича Чемоданова на вопросъ юнаго Косьмы де Медичи, когда сей послѣдній, въ проѣздъ Чемоданова черезъ Флоренцію, въ 1657 г., спрашивалъ его: «Какъ у Царя строится рать противъ его недруговъ, и какимъ боемъ войска его бьются?»

---

[19] На пр.: «а у кого корчму выймутъ въ другой рядъ.»

«У Великаго Государя противъ его недруговъ, сказалъ Чемодановъ, рать сбирается многая и несчетная, и строенье многое, различными ученьи и строеньемъ: перво устроены многія тысячи копейныхъ ротъ гусарскаго строю, а иныя многія тысячи устроены конныя съ огненнымъ боемъ рейтарскаго строю, а иныя же многія тысячи устроены драгунскимъ строемъ, съ большими мушкеты, а иныя многія тысячи устроены солдатскимъ строемъ. И надъ тѣми, надо всѣми устроены начальные люди: Генералы, и Полковники, и Подполковники, и Маіоры и всякіе начальные люди по чинамъ. А Низовая сила, Казанская, и Астраханская, и Сибирская, и иныхъ многихъ Государствъ сбирается многая несчетная рать, и бьются конныя лучнымъ боемъ; а большаго и меньшаго Нагаю Татарове, и Башкирцы, и Калмыки бьются лучнымъ же боемъ. А стрѣльцовъ Московскихъ устроено на Москвѣ сорокъ тысячъ, опричъ городовыхъ, а бой у нихъ солдатскаго строенья. А Донскіе, и Терскіе, и Яицкіе Казаки бьются огненнымъ боемъ. А Запорожскіе Черкасы бьются лучнымъ и огненнымъ боемъ. А Государевыхъ городовъ Дворяне и Дѣти Боярскія и всякихъ чиновъ люди, тѣ бьются розными обычаи, лучнымъ и огненнымъ боемъ, и кто къ которому бою навыченъ. А Его Царскаго Величества, его Государева полку Спальники, и Стольники, и Стряпчіе, и Дворяне Московскіе, и жильцы, тѣ бьются своимъ обычаемъ: только у нихъ бою, что подъ ними аргамаки рѣзвы да сабли у нихъ востры: на которое мѣсто ни пріѣдутъ, никакіе полки противъ ихъ не стоятъ. То у Великаго Государя нашего и строенье.»

Изъ исчисленныхъ въ этомъ перечнѣ войскъ стрѣльцы были единственнымъ постояннымъ войскомъ: они составляли гарнизоны городовъ, на счетъ которыхъ содержались и въ которыхъ поселены были особенными слободами. Кромѣ военной службы они несли и полицейскую, между прочимъ обязаны были тушить пожары. Одинъ изъ Московскихъ стрѣлецкихъ полковъ (Приказовъ) назывался Стремяннымъ; ибо во всѣхъ походахъ находился при особѣ (у стремени) Царя. Въ военное время нѣсколько Московскихъ стрѣлецкихъ полковъ посылалось въ дѣйствующія войска. Стрѣльцы были «въ стрѣльцахъ вѣчно, и дѣти, и внучата—стрѣльцы жъ по нихъ».

Дворяне и Дѣти Боярскія не составляли собственно отдѣльнаго рода войско: это было свободное отъ податей сословіе, которое, владѣя жалованными изъ казны помѣстьями, обязано было службой Царю. Оно встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ тогдашней служебной іерархіи: гражданской, судебной и придворной. Въ военное время,

тѣ изъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, которые сколько ни будь знали военное дѣло, распредѣлялись въ начальные люди къ сбираемымъ полкамъ, остальные же дѣлились на сотни и составляли Государевъ полкъ. Отзывъ Чемоданова о нихъ, что у нихъ «только и бою, что подъ ними аргамаки рѣзвы да сабли у нихъ востры», подкрѣпляется свидѣтельствомъ Котошихина (IX, 1), который говоритъ, что «строю они никакого не знаютъ: кто подъ которымъ знаменемъ написанъ, и по тому и ѣдетъ безъ устрою.»

Изъ нихъ же, въ мирное время, при торжественныхъ случаяхъ, составлялись конные отряды; такъ, на пр., они высылались за городъ для пріема чужеземныхъ Посланниковъ [20] и т. под.

Всѣ остальныя войска набирались лишь на военное время и обучались иноземцами, или достигшими Полковничьяго чина Русскими: рейтары—конной службѣ; солдаты—пѣхотной, драгуны—той и другой. Изъ нихъ солдаты и драгуны, подобно казакамъ, составляли военныя поселенія, обезпечивавшія Русскій рубежъ; солдаты—по Шведской границѣ, драгуны—по Татарской, казаки—по Польской. Впрочемъ, послѣ войны 1651 года, изъ бывшихъ до нея 5 тысячъ казаковъ, осталось весьма немного, по извѣстію Котошихина.

Оружіе рейтаровъ состояло изъ ружей, карабиновъ, пистолей и сабель; солдатовъ—изъ ружей, бердышей, шпагъ, пикъ и мушкетовъ; драгуновъ—изъ мушкетовъ, пикъ и бердышей; у драгуновъ же при полкахъ имѣлись барабаны.

Дворяне и Дѣти Боярскія должны были являться на службу съ карабинами или пищалями и съ пистолями, или въ саадакахъ съ пистолемъ, или съ карабиномъ. Привозимыхъ въ полки людей своихъ

---

[20] Ихъ описываетъ Таннеръ въ своемъ «Legatio Polonolituanica in Moscoviam, anno 1678,» въ слѣдующихъ словахъ: «Когда же мы приблизились къ городу, появился новый, дотолѣ невиданный, полкъ воиновъ. На всѣхъ были одноцвѣтныя, красныя длинныя, одежды: они сидѣли всѣ на бѣлыхъ лошадяхъ; за плечами и надъ головами ихъ были прикрѣплены красиво раскрашенныя крылья; они держали длинныя копья, къ остріямъ коихъ были придѣланы позолоченыя изображенія летящаго дракона, которыя вертѣлись по вѣтру.» По этимъ отличіямъ—копьямъ съ флюгерами и крыльямъ, составлявшимъ принадлежность Польскихъ гусаръ, можно думать, что именно Дворянскія и Жилецкія сотни разумѣлъ Чемодановъ подъ названіемъ «копейныхъ ротъ гусарскаго строю;» ибо собственно о гусарахъ въ Россіи не упоминается до 1688 года (См. Военно-Энциклоп. Лексиконъ, статья «Гусары»).

они должны были вооружать саадаками, [21] или карабинами, или пищалями; обозныхъ же слугъ своихъ долгими пищалями, или, въ случаѣ крайней бѣдности (скудости), рогатиной и топоромъ.

Полное исчисленіе доспѣховъ, составлявшихъ воинскую одежду (ратной збруи) встрѣчается въ Царской грамотѣ, посланной въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь 20 Ноября, 1653 г. Это были: латы, куяки, панцыри, кольчуги, бастерцы, наручи, зарукавья, наколѣнки, шишаки, шапки—мисюрки. [22]

Жалованья получали: рейтары 30 руб. въ годъ, солдаты по 60 алтынъ въ мѣсяцъ, драгуны по 12 руб. въ годъ. Стрѣльцамъ давалось жалованья: денежнаго отъ 10 до 15 руб. въ годъ; хлѣбнаго отъ 15 до 20 четвертей; соли отъ 2 до 5 пудовъ; кромѣ того, ежегодно сукна на платье изъ Царской казны.

Дворяне и Дѣти Боярскія въ военное время верстались на три статьи: большая получала по 25 руб., средняя по 20 руб., меньшая по 15 руб. въ годъ. При этомъ принимались въ соображеніе: число и вооруженіе приведенныхъ каждымъ даточныхъ людей конныхъ и пѣшихъ («Каковъ кто будетъ на Государевѣ службѣ коненъ, и люденъ, и оруженъ») и достатокъ каждаго («и что за кѣмъ помѣстья и вотчинъ и въ которыхъ городѣхъ»).

Изъ этого бѣглаго очерка состава вооруженія и окладовъ войскъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ легко убѣдиться, какъ къ его царствованію не подходитъ описаніе Русскихъ войскъ, выписанное Мильтономъ изъ записки Ченслера 1535 года. Въ одномъ, впрочемъ, извѣстіе Мильтона справедливо: веденіе войны не стоило Царю почти

---

[21] Саадакъ состоялъ изъ лука съ налучемъ, т. е., влагалищемъ, и стрѣлъ съ колчаномъ.

[22] Изъ поименованныхъ здѣсь доспѣховъ латами, иначе бронями, назывались тѣ оборонительныя одежды, которыя назначались для прикрытія стана, рукъ и ногъ воина; панцыри и кольчуги были рубашки, сдѣланныя изъ колецъ, первыя мелкихъ, послѣднія болѣе крупныхъ; бахтерцы, бехтерцы или бастерцы—были кольчуги съ металлическими пластинками на груди, спинѣ и бокахъ; куяки—суконныя или бархатныя безрукавки съ нашитыми на нихъ металлическими бляхами; наручи и наколѣнки—были металлическія полосы или дощечки, назначенныя, какъ показываетъ ихъ названіе, для защиты рукъ (отъ кисти до локтя) и колѣнъ. Зарукавья—застежки для стягиванія рукавовъ. Шишаки (или шлемы) и мисюрки—были шапки, первыя цѣльныя металлическія, вторыя только съ металлическимъ верьхомъ и металлическою сѣткою.

ничего, или стопло очень мало. По призывѣ войскъ вотчинники (т. е., владѣльцы наслѣдственныхъ имѣній, духовенство и монастыри) и владѣльцы помѣстій (т. е., имѣній, жалуемыхъ служилому сословію) обязывались выставить опредѣленное число вооруженныхъ людей, лошадей подъ конницу («а лошади бъ подъ ними были добрыя, меньши бъ десяти рублевъ лошади не было») лошадей подъ перевозку тяжестей. Натуральная рекрутская повинность для селеній малолюдныхъ замѣнялась сборомъ денегъ, которыя шли на жалованье войскамъ. Впрочемъ, главнымъ источникомъ этого жалованья былъ сборъ съ торговаго и промышленнаго сословія: размѣръ этого сбора былъ всякій разъ особо опредѣляемъ: взималась двадцатая, десятая, даже пятая доля «противъ торговли и промыслу.»

Бывали также случаи, когда Царь прямо обращался къ одному изъ богатыхъ монастырей съ просьбою «учинить вспоможенье, прислати Государевымъ ратнымъ людемъ на жалованья и на кормы, монастырскія денежныя казны съ радостію; а къ тому въ прибавку прислать и въ займы сколько возможно.» По такой просьбѣ Соловецкій монастырь прислалъ въ 1564 году «монастырскія казны 20 тысячъ рублевъ, да двѣсти червонныхъ золотыхъ, съ великою радостію.»

Наконецъ съ вотчинъ же, монастырей и помѣстій собирались на продовольствіе войскъ хлѣбные запасы: сухари, крупы, толокно, солодъ, также масло коровье и свиное мясо, ветчина.

Собственно расходъ Царской казны въ военное время ограничивался отпускомъ части оружія, огнестрѣльныхъ снарядовъ и орудій, отправкою изъ Москвы мяса, соли и вина.

Древн. Росс. Вивліоѳика (изд. 2) IV, 192—193; Котошихинъ О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1840, VII, 5, IX, 1—8; Акты Археогр. Эксп. III, №№ 214, 225, 236, 319; IV №№ 66, 84, 149.

21. Для оцѣнки замѣтокъ Мильтона о религіи достаточно одного примѣра: въ 1589 году, при учрежденіи въ Москвѣ Патріяршаго престола, были учреждены четыре Митрополіи, [23] а въ Декабрѣ 1666 года на осужденіе Никона съѣхались въ Москву семь Митрополитовъ,

[23] «И быша первіи митрополиты: въ великомъ Новѣградѣ—Александръ, въ Казани—Гермогенъ, въ Ростовѣ—Варлаамъ, на Крутицахъ—Галасій.» (Новый Лѣтописецъ, изд. Кн. М. А. Оболенскаго. М. 1853, гл. 36).

подчиненныхъ каѳедрѣ Всероссійской. [24] Любопытно знать, который изъ этихъ Митрополитовъ былъ удостоенъ Царемъ почитанія послѣ Бога, Божіей Матери и Св. Николая? Замѣтки о признаніи Царемъ независимости главы Церкви нельзя даже отнести къ Патріаршему сану, если вспомнить, что Лжедимитрій свергнулъ, въ 1605 году, Патріарха Іова, и что Патріархъ Никонъ былъ низложенъ въ 1666 году, по настоянію Царя Алексѣя Михайловича.

22. Издатель «Посольствъ Графа Карлейля,» Кн. Августинъ Голицынъ, увѣряетъ, будто бы въ Британскомъ Музеѣ, въ Лондонѣ, хранится подлинникъ слѣдующаго свидѣтельства:

«Макарій, Божіею милостію, Архіепископъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, Господину нашему и Благопріятелю Св. Петру, Привратнику Всемогущаго Бога.

«Извѣщаю тебя, что сего числа скончался нѣкій рабъ Божій, именемъ Князь Ѳедоръ Владимирскій: поручаемъ тебѣ ввести его прямо, безъ препятствія и замедленія, въ царствіе Божіе. Мы разрѣшили его отъ всѣхъ его грѣховъ и даровали ему наше благословеніе. И такъ ни что не препятствуетъ тому, чтобы ты пропустилъ его, и, дабы сіе было исполнено, мы вручили ему сію разрѣшительную грамоту въ нашей Кіевской Лаврѣ сего 30 Іюля, 1541 года.

Смиренный Макарій, Архіепископъ Кіевскій, Галицскій и всея Россіи».

Не касаясь сомнительности этого акта въ догматическомъ отношеніи, достаточно будетъ указать его неправдоподобіе въ отношеніи чисто историческомъ: 1-е) со времени отдѣленія Литовской Іерархіи отъ Московской, въ 1415 году избранный главою первой, Болгаринъ Григорій Цамблакъ, принялъ названіе Митрополита, а не Архіепископа Кіевскаго, и названіе это передавалось его преемникамъ до самаго введенія Уніи, въ 1596 году; 2-е) съ 1462 года Митрополиты Кіевскіе имѣли престолъ свой въ Вильнѣ, а не въ Кіевѣ, гдѣ мѣсто ихъ заступали Екзархи или Намѣстники ихъ; 3-е) титулъ Митрополита Кіевскаго и всея Россіи приняли главы Православія въ Юго-

---

[24] 1. Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, 2. Казанскій и Свіяжскій, 3. Астраханскій и Терецкій, 4. Ростовскій и Ярославскій, 5. Сарскій и Подонскій, 6. Грузинскій, 7. Бѣлогородскій и Обоянскій (Древн. Росс. Вивліоѳ. VI: Дѣяніе о низложеніи съ престола Никона, въ лѣто 7175 происходившее, стр. 285—286).

Западной Россіи уже по возстановленіи Православной Митрополіи въ Кіевѣ въ 1620 году; есть указаніе, что одинъ изъ нихъ, Діонисій Балабанъ (1657—1663) именовался «Митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Россіи,» но названіе Галицкаго правительственно внесено въ ихъ титулъ только съ 1685 года, съ котораго (и до 1718 года) они титуловались «Кіевскими, Галицкими и Малыя Россіи;» съ 1718 же года присвоенъ имъ нынѣшній титулъ «Митрополитовъ Кіевскихъ и Галицкихъ.»

1541 годъ, который Князь Августинъ Голицынъ выставляетъ на выше приведенномъ актѣ, принадлежитъ ко времени бытности Митрополитомъ Кіевскимъ Макарія 2-го (1538—50), а Архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры Софронія (1536—66).

По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ непонятно:

1. Какимъ образомъ Макарій, вмѣсто Митрополита, назвалъ себя Архіепископомъ и, къ своему званію, «Кіевскаго» прибавилъ названіе «Галицкаго», утвержденное за его преемниками 135 лѣтъ спустя, «и всея Россіи», присвоеннаго имъ 70 лѣтъ послѣ его смерти?

2. Если Макарій, постоянно пребывавшій въ Вильнѣ, и пріѣзжалъ въ Кіевъ въ 1541 году, то по чему именно онъ выдалъ свидѣтельство о православіи Кн. Ѳедора Владимирскаго, а не Архимандритъ Софроній, который, какъ ближайшій начальникъ Лавры, вѣроятно назвалъ бы ее присвоеннымъ ей титломъ «Святой, чудотворной» и во всякомъ случаѣ не Кіевской, а «Кіево-Печерской Лавры.»

3. Хотя послѣдній изъ Владимирскихъ (Владимира на Волыни) Князей Владимиръ упоминается въ лѣтописяхъ въ 1321 году, но, предполагая даже, что въ 1541 году дѣйствительно умеръ какой-то, не значащійся въ родословныхъ книгахъ Князь Владимирскій Ѳедоръ, по чему въ грамотѣ Макарія, назвавшаго себя «Архіепископомъ» вмѣсто «Митрополита,» а Лавру «Кіевской» вмѣсто «Кіево-Печерской,» Князь этотъ, вопреки обычая, существовавшаго для Князей Удѣльныхъ, не названъ по своему отчеству? Или по чему, согласуясь съ обрядомъ церковнымъ, по которому опущено его отчество, Макарій не согласовался съ этимъ обрядомъ и не опустилъ его родового или удѣльнаго прозвища Владимирскаго, и не назвалъ его просто Княземъ Ѳедоромъ?

Единственнымъ исходомъ къ объясненію этихъ несообразностей можетъ служить одно изъ слѣдующихъ двухъ предположеній: или эта

грамота вымышлена и вовсе не существуетъ, или она есть вымыселъ человѣка, враждебнаго Православію и плохо знакомаго съ исторіей Литовско-Русской Церкви.

23. По родословнымъ книгамъ дѣйствительно значится, что Рюрикъ былъ «родомъ Латынянинъ изъ Прусскіе земли», потомокъ «Игоря Короля» и происходилъ, въ четырнадцатомъ колѣнѣ, отъ Пруса, сродника Августа Кесаря Римскаго, поставленнаго Августомъ «въ брезѣхъ Вислы рѣцы, во градѣхъ Маръ-борокъ, и Тырогъ, и Хвойница, и преслов(ут)ый Гданескъ, и иные многіе грады по рѣку, глаголемую Немьянъ.»

Родословная книга по Синодал. списку, въ № 10 «Временника» «Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.»

24. На чемъ основывается это извѣстіе совершенно непонятно Тимуръ Бега или Тамерлана Русскіе называли Темиръ-Аксакомъ: Тимуръ-Кутлука—Темиръ-Кутлуемъ; первый былъ имъ извѣстенъ нашествіемъ 1395 года и разореніемъ Ельца; послѣдній тѣмъ, что изгналъ Тохтамыша изъ Сарайской Орды и побѣдилъ Витовта при Ворсклѣ 1399 г. Лучшимъ доказательствомъ, что эти два Царя въ Россіи смѣшиваемы не были, служитъ лѣтописное извѣстіе: «Тогда (6909 г.) умре Царь Темиръ-Кутлуй, а Шадибѣкъ сѣде на царствѣ. Царь Темиръ-Аксакъ посла сына боронити Царяграда.»

Напротивъ Мильтонъ смѣшиваетъ эти два лица; ибо потомкомъ (а не сыномъ) Батыя былъ Темиръ-Кутлуй, а не Тамерланъ, который «не царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни племени царска, ни княжска, ни боярьска, но тако изъ проста единъ сый отъ худыхъ людей, отъ Заацкихъ (т. е., За-Яицкихъ) Татаръ, отъ Самархиньскія (Самаркандскія) земли, отъ Синіе Орды, иже бѣ за Желѣзными Враты.»

Соф. Врем. (изд. Строева) I, 405, 406, 407, 419, 424.

25. Давыдъ Гильбертъ былъ одинъ изъ тѣхъ бездомныхъ Шотландскихъ скитальцевъ, которые въ XVII столѣтіи нанимались во всѣ Европейскія войска. Приглашенный въ 1601 году Дьякомъ Аѳанасьемъ Ивановичемъ Власьевымъ на службу въ Россію, Гильбертъ попеременно служилъ Царю Борису, первому Самозванцу, Шуйскому, Тушинскому вору, Гетману Жолкевскому; взятый въ плѣнъ Русскими, онъ былъ, въ 1617 году, освобожденъ изъ темницы, по просьбѣ Якова I-го, и отосланъ въ Англію; замѣчательно, что въ слѣдующемъ же

году онъ возвратился въ Россію съ своимъ сыномъ, и остался въ ней, хотя сынъ его, въ 1619 году, уѣхалъ назадъ въ Англію. Прилагаю при семъ любопытную грамоту Царя Михаила къ Королю Якову I-му, въ которой прописаны приключенія этого обращика тогдашнихъ кондотьеровъ. Она списана мною съ подлинника, весьма обветшалаго, который находится въ Ашмолевомъ Музеѣ въ Оксфордѣ (по каталогу Музея № 1784 л. 52):

ГРАМОТА ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА КЪ АНГЛІЙСКОМУ КОРОЛЮ ЯКОВУ I-МУ ИЗЪ МОСКВЫ, ОТЪ АВГУСТА МѢСЯЦА, 1617 ГОДА. [1]

Присылали къ Н. Ц. В — в у, братъ нашъ — — — К. В — в о Посла своего Князя Івана Меріка рыцеря дворяніна — — — В. К. В — в а [2] о нашихъ Государскихъ и вобчихъ любительныхъ дѣлехъ — — — Князь Іванъ, будучі Н. Ц. В — в а зъ бояры въ отвѣте, подалъ вашу гра — — — грамоте Н. Ц. В — в у вы, братъ нашъ, пісалъ, і Посолъ твой Н. Ц. В — в а — — — въ воинское время межъ Великихъ Россійскихъ — — — и Польского Короля слу — — — вашъ подданної, капитанъ Давыдъ Гинбертъ — — — Польскої Король своимъ — — — і пословъ его. А послѣднее черезъ гетмана своего Польского Ст — — — слава Желковскаго крестное ц — — — ованье царствующій градъ Москву разорилъ; І въ тѣ поры будто Литовскіе люди взялі того капітана въ полонъ — — — на королево имя крестъ цѣловалъ і тамъ Королю служилъ. А Московскому — — — государству никаково дурна не думалъ і не дѣлалъ. І будто после того вскоре отъ Н. Ц. В — ва порубежныхъ воинскихъ людеі тотъ Давыдъ князь взятъ і животъ свої мучитъ въ полону третеі годъ. І нашему бъ Ц. В — ву для васъ, брата нашего любительного, его пожаловать, велѣті его ізъ вязенья свободить, і дабы ему на волю будетъ: онъ похочетъ въ свою землю,—і его бъ въ его землю отпустіти; а будетъ похочетъ въ нашихъ великихъ государствахъ время пожиті, і Нашему бъ Ц. В — ву милость ему показаті. А онъ несчастлі — — — но вѣрної слуга — — — роны будетъ заслужиті. А как — — — Ц. В — ва

---

[1] Стершіяся въ подлинникѣ мѣста означены черточками. Вмѣсто безпрестанно повторяющихся титуловъ «НашеЦарское Величество, Ваше Королевское Величество,» употреблены сокращенія: Н. Ц. В — в о и В. К. В — в о.

[2] Серъ Иванъ Мерикъ—Sir John Merrick.

дѣло впередъ до — — — де — — — также для — — — долженъ будетъ исполнить. І мы — — — ту нашему, Великому — — — К. В — ву — — — танъ Давыдъ в наши — — — Россійские государства служити — — — Борісе Ѳед — — — Его Ц. В — ва съ Посланникомъ — — — рь Борисъ пож — — — помѣстьемъ і денежнымъ годовымъ жалованьемъ — — — і после Царя Бориса, при Великомъ — — — Василье Ивановиче всеа Русіи также во всемъ былъ пожалованъ; і какъ за грѣхі всего Російского государства Польской король съ паны своими радою, черезъ многіе свои крестные цѣлованья, наслалъ на Московское государство съ Польскими і съ Лит — — — другово вора, назвавъ его государскимъ, Царя і — — — кого князя Івана — Васильевича всеа Русіи, дѣда нашого сыномъ Царскимъ Углецкимъ; і какъ тотъ воръ съ Польскимі і съ Литовскими людьмі прішолъ подъ Москву і сталъ въ таборехъ, і тотъ Давыдъ заб — — — Борісa Ѳедоровича всеа Русіи, царя і великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи къ себѣ жалованье, а — — — присягу царю Василью изменилъ, збежалъ съ Москвы къ тому вору въ Тушино въ таборы і вмѣсте съ Польскими — Ли — — — скими — — — въ Московскомъ государствѣ воевалъ, жогъ і разорялъ л — — — грабилъ і побивалъ, і кровь хрестьянскую невинную розлив — — — явъ, воръ побежалъ. А тотъ Давыдъ съ Польскимі і съ Литовскими людьми пошолъ въ Литву, і изъ Литвы пришолъ опять зъ Гет — — — мъ съ Польскимъ Станиславомъ съ Желковскимъ подъ Москву и вшолъ въ Москву съ Польскими жъ и зъ Литовскими людьми, былъ въ роте у пе — — — Гонковского. [3] І какъ Польскіе і Литовскіе люди Москву разоряли, жгли і людей сѣклі и побивали, а онъ всякое зло дѣлалъ съ П — — — і съ Литовскими людьми вмѣсте; і съ Москвы награбився богатства всякого вышелъ съ Польскими жъ і съ Литовскими люд — — — е и опять многижда съ Польскими і съ Литовскими людмі на Московское государство стоялъ, кровь хрестьянскую проливалъ і взы — — Н. Ц. В—ва ратные люди на дѣле взя — — — .

І тотъ капитанъ Давыдъ за свою ізмѣну і за всѣ свои злые — — — довелся былъ многихъ мукъ і смертные казни; т — — — государь, Н. Ц. В—во для васъ, брата нашего любительного Якуба короля, для вашіе братц — — — Давыда Гилберта по посла твоего княжъ Іва — — — у челобитью — — — ево къ вамъ, брату на-

[3] Гонсѣвскаго.

шему любите — — — з дворяниномъ і намѣстникомъ Рязанскимъ съ Стефаномъ Ивановичемъ Волынскимъ, да зъ дьякомъ съ Марк———ъ. [4] І вамъ бы, брату нашему, та наша царская дружба і любовь——— і противъ того также намъ, великому государю, свое———бовью воздаваті.

Писанъ въ государствия нашего дворе———граде Москвѣ. Лѣта отъ созданія миру зр҃ке августа мѣсяца.

Ashmolean Museum. № 1784, fol. 52.

ПРОЕКТЪ ВЗЯТІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО АНГЛІИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ АНГЛІЙСКИМЪ РЕЗИДЕНТОМЪ ДЖОНОМЪ МЕРИКОМЪ.

Выписка изъ рукописной тетради подъ заглавіемъ: Copies prises au Musée Britannique et transmises au chancelier de l'empire par Mr. de Strandmann en 1817 (Seconde partie). [5]

Я полагаю, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что безопасность и богатство нашего острова (Великобританіи) главнѣйше зависятъ отъ его флота, и что, слѣдовательно, нѣтъ предмета, заслуживающаго большаго вниманія Государства, какъ средства къ поддержанію и къ увеличенію нашего кораблеплаванія; ибо по мѣрѣ того, какъ оное увеличивается, увеличится и число нашихъ кораблей и способныхъ моряковъ, что составляетъ нашу силу, и расширится наша торговля, что поддерживаетъ наше богатство. По этому, постоянно размышляя о такихъ предположеніяхъ, которыя могутъ вести къ чести и ко благу Короля и его народа (которыхъ въ истинномъ государственномъ смыслѣ никогда нельзя раздѣлить), и имѣвъ совѣщанія съ Серомъ Ѳомою Смитомъ, Правителемъ Московскаго Общества и бывшимъ въ Московіи Посланникомъ, человѣкомъ чрезвычайно усерднымъ и трудолюбивымъ

---

[4] Маркомъ Поздѣевымъ.

[5] Сообщеніемъ этой любопытной рукописи я обязанъ благосклонности покойнаго Князя Михайла Андреевича Оболенскаго. Подлинникъ писанъ по Англійски.

во всѣхъ государственныхъ службахъ и оказавшимъ заслуги нашему Государству, также и съ нѣкоторыми другими купцами, долго жившими въ той странѣ, я сталъ обсуждать предложеніе, которое, если оно будетъ принято, можетъ быть весьма выгодно Его Величеству и всему Королевству въ обоихъ упомянутыхъ отношеніяхъ. [6] Осмѣливаюсь, по чувству усердія и долга, представить о семъ на благоусмотрѣніе Его Величества, покорнѣйше испрашивая его милостиваго и благодушнаго принятія и прощенія моей смѣлости.

Довольно извѣстно, въ какомъ жалкомъ и бѣдственномъ положеніи находится народъ въ Московіи въ послѣдніе восемь, или девять, лѣтъ: не только ихъ Царскій родъ угасъ, но угасло почти и все ихъ дворянство; большая часть страны, прилегающей къ Польшѣ, разорена, выжжена и занята Поляками; другую часть со стороны предѣловъ Швеціи захватили и удерживаютъ Шведы, подъ предлогомъ подачи помощи. Самый народъ безъ главы и въ большой смутѣ; хотя онъ имѣлъ бы способы къ сопротивленію, если бы былъ хорошо направленъ, но въ томъ положеніи, въ какомъ находится теперь, готовъ и даже принужденъ необходимостію, отдаться подъ покровительство (кинуться на руки) какому ни будь Государю, который бы защитилъ ихъ, и подчиниться правленію иноземца; ибо между ними не осталось никого достойнаго воспріять правленіе. Такое отчаянное ихъ положеніе заставило ихъ снизойти до принятія себѣ въ Государи сына Короля Польскаго подъ условіемъ, чтобы онъ жилъ между нихъ. Поляки сперва на то согласились и, спокойно захвативъ въ свои руки Москву и нѣкоторыя другія мѣста, отказались исполнить это условіе, тогда Русскіе возмутились и съ сто тысячами войска осадили Москву, и, сколько извѣстно, до сихъ поръ стоятъ подъ нею. По той же причинѣ они потомъ предлагали себя (въ подданство) Королю Шведскому, который, вмѣсто того, чтобы помочь имъ, завладѣлъ значительной частію ихъ страны. Теперь, видя со стороны Польши лишь вражду, а со стороны Швеціи невѣрность, сѣверныя части этого Государства, сохранившіяся еще въ цѣлости и не тронутыя войной, но опасающіяся ея, давно ведущія торговлю съ нашимъ народомъ, къ обоюдной ихъ и нашей выгодѣ, по долговременнымъ сношеніямъ полюбившія наши свойства и поведеніе, въ особенности же привлеченные славою великой мудрости и благости Его Величества, гораздо болѣе желаютъ

---

[6] Т. е., для увеличенія флота и распространенія торговли.

отдаться въ руки ему, чѣмъ кому либо другому. Съ этою цѣлію они нынѣшнимъ лѣтомъ имѣли совѣщаніе съ Агентомъ Англійскаго общества (какъ онъ самъ говорилъ мнѣ), и прислали бы сюда Пословъ къ Его Величеству при возвращеніи послѣдняго флота, если бы Агентъ осмѣлился поощрить ихъ, или обнадежить, что они успѣютъ въ своемъ намѣреніи.

Эта часть Россіи, которая еще болѣе всѣхъ отдалена отъ опасности какъ Поляковъ, такъ и Шведовъ, есть также самая выгодная для насъ и самая удобная для нашей торговли. Ибо отъ Архангельска, гдѣ мы выгружаемъ и нагружаемъ наши товары (и который для своей защиты имѣетъ небольшую крѣпостцу), по рѣкѣ Двинѣ хорошій путь до Холмогоръ (Collegor), города хотя не укрѣпленнаго, но находящагося на островѣ, который легко укрѣпить, а оттуда и до Устюга, всего около 400 миль. Между этими двумя городами впадаетъ въ Двину другая рѣка, называемая Useperassoiie (?), въ которую впадаютъ многія меньшія судоходныя рѣки, текущія изъ Перми и Сибири, которыя простираются до великой рѣки Оби. По всѣмъ этимъ рѣкамъ доставляется большое количество соболей и другихъ дорогихъ мѣховъ, воловьихъ и другихъ шкуръ въ городъ Устьсысолье (Ussole), а оттуда къ Двинѣ; предметы эти потомъ продаются въ чужіе краи на большую цѣну и приносятъ большой таможенный доходъ. Оставивъ у Устюга рѣку Двину, переплавляешься на другую рѣку Сухону (Sowcona), по которой переѣздъ до города Тотьмы, а оттуда до Вологды на лодкахъ разныхъ размѣровъ отъ 40 до 150 тоннъ; отъ Вологды до Ярославля нѣтъ пути водою, но сухопутный переѣздъ въ 150 миль; въ Ярославлѣ великая рѣка Волга, которая близъ Астрахани вливается въ Каспійское море и носитъ суда въ 1000, 1500 и 2000 тоннъ. Плаваніе отъ Архангельска до Вологды противъ теченія совершается въ пять, или шесть, недѣль, но (на обратный путь) внизъ по теченію требуется не болѣе десяти, или двѣнадцати, дней. Точно также изъ Ярославля внизъ по Волгѣ до Астрахани можно проѣхать въ двадцать дней, но на обратный проѣздъ потребуется шесть недѣль.

На рѣкѣ Волгѣ стоятъ города Ярославль, Нижній-Новгородъ (Nois novegrod), Казань и Астрахань; изъ нихъ два послѣдніе крѣпко построены, хорошо укрѣплены и снабжены большимъ количествомъ мѣдныхъ орудій. Нижній Новгородъ обнесенъ кирпичной стѣной и кромѣ того имѣетъ кирпичную крѣпость. Ярославль имѣетъ крѣпость изъ бревенъ и земли и земляной валъ. Въ Вологдѣ есть каменная

крѣпость, выстроенная Иваномъ Васильевичемъ (John Basilius). Во всѣхъ выше помянутыхъ городахъ, какъ на Волгѣ, такъ и по другимъ рѣкамъ, платятся разныя таможенныя пошлины, которыя простираются до весьма значительной суммы, такъ что по одной Волгѣ, если даже торговля будетъ не болѣе какъ теперь, таможенныхъ пошлинъ только за соль и рыбу считается 60 тыс. фунтовъ (стерл.) въ годъ.

Товары, вывозимые теперь къ намъ нашими купцами изъ этой части Россіи суть: ленъ, пенька, веревочныя издѣлія, смола, деготь, сало и мачты (предметы необходимые для нашего флота), всякаго рода мѣха, воскъ, медъ, бобры на шапки, шкуры бычачьи, коровьи и буйволовыя, поташъ, масло льняное и конопляное, икра и проч.

Туда же сбываютъ они изъ нашихъ товаровъ: сукна, здѣсь выкрашенныя и дегатированныя, жесть и свинецъ въ такомъ только количествѣ, какое потребно для страны.

И такъ нельзя не сознаться, что эта торговля весьма полезна Англіи и мы не можемъ безъ нея обойтись, не подвергнувъ Королевство большимъ убыткамъ; ибо мы сбываемъ въ Россію ежегодно нашихъ товаровъ на сумму 40 тыс. фунт. (стерл.), которые иначе оставались бы у насъ на рукахъ, и привозимъ оттуда нужные предметы, необходимые нашему Государству для службы и содержанія флота. Для полученія сихъ предметовъ мы были бы иначе принуждены зависѣть отъ благосклонности и милости Короля Датскаго, который всегда, когда ему угодно, можетъ запереть проходъ черезъ Зундъ.

Но если мы сообразимъ, какъ легко намъ будетъ продать гораздо большее количество нашихъ суконъ, жести и свинца по теченію Волги и разныхъ другихъ рѣкъ во всѣ отдаленныя восточныя и сѣверовосточныя страны, которыя теперь ведутъ съ нами торгъ только черезъ нѣсколько рукъ, а также какъ мы можемъ этимъ путемъ производить вывозъ всѣхъ богатыхъ произведеній Востока, получаемыхъ нами теперь только черезъ Турцію, дорогою цѣною и при неисчислимыхъ опасностяхъ отъ морскихъ разбойниковъ и непріятелей, въ особенности если намъ придется быть въ раздорѣ съ Испаніей (чего, кажется, намъ предстоитъ ожидать), тогда мы убѣдимся, что если намъ какимъ либо образомъ возможно установить и утвердить торговлю на этомъ пути, она не только будетъ болѣе всякой другой доходна и благодѣтельна для Государства, но что со

временемъ Великобританія можетъ сдѣлаться складомъ Восточныхъ товаровъ, откуда они могутъ быть отправляемы во Францію, Германію, Нидерланды и Данію, чрезъ что доставится значительный промыселъ нашимъ кораблямъ и значительно увеличится количество какъ привозныхъ, такъ и вывозныхъ, таможенныхъ пошлинъ Его Величества. По этому если бы въ этомъ дѣлѣ слѣдовало даже соображаться единственно съ пользою, то и тогда есть достаточные поводы для Его Величества и для Государства, чтобы принять Русскій народъ подъ свое покровительство и свою защиту на такихъ условіяхъ, которыя могутъ утвердить и обезопасить какъ свободу торговли, которою мы уже пользуемся тамъ, такъ и открыть ее далѣе на выше предложенномъ основаніи.

Польза большей части предметовъ лучше усматривается **cavendo**, **quam fruendo.** [7] И такъ если мы войдемъ въ разсмотрѣніе вреда, который для насъ воспослѣдуетъ, если Русскіе, будучи оставлены нами, или будутъ покорены Поляками, или отдадутся въ подданство какому либо другому Государю, или Государству, мы найдемъ, что точно также какъ выгода побуждаетъ насъ, такъ и необходимость и государственная польза заставляетъ насъ не пренебрегать, но пользоваться, этимъ случаемъ; ибо, начиная съ Поляковъ: если они овладѣютъ Россіей—Польскій Король уже и теперь дурно къ намъ расположенъ, будучи связанъ бракомъ и тѣснымъ подчиненіемъ съ Австрійскимъ Домомъ и управляемъ Езуитами. Чего можемъ мы ожидать, кромѣ отнятія нашихъ повольностей, по коимъ теперь мы одни имѣемъ тамъ безпошлинную торговлю, и предоставленія ея другимъ, а именно Нидерландамъ, которыя уже, единственно въ предположеніи, что Король, по видимому, покоритъ Россію, вступили съ нимъ въ переговоры по этому предмету и сдѣлали ему значительныя предложенія. Если же Штаты отнимутъ у насъ безпошлинную торговлю, чрезъ посредство ли Короля Польскаго, или черезъ принятіе Русскихъ, въ случаѣ нашего отказа, подъ свое покровительство, что они непремѣнно сдѣлаютъ и о чемъ уже и помышляютъ, не слѣдуетъ ли намъ предположить, что такъ какъ они составляютъ Государство искусное въ политикѣ и трудолюбивое, то они извлекутъ изъ сего значительную пользу къ усиленію своего флота и къ ослабленію нашего (въ настоящее время стоящаго съ ними, по силѣ, въ сорев-

[7] Т. е., изъ того, отъ чего они насъ предохранятъ, болѣе, чѣмъ изъ того, что они намъ доставятъ въ пользованіе.

нованіи), дабы такимъ образомъ сдѣлаться единственными владыками моря.

Если при томъ, они такимъ образомъ могутъ привлечь къ себѣ богатую торговлю Востока, не сдѣлаются ли они въ скорое время грозными и опасными для всѣхъ своихъ сосѣдей посредствомъ столь многихъ богатствъ и столь большаго могущества, соединенныхъ съ столь дѣятельной бдительностію? Мы знаемъ, что свободныя Государства обыкновенно непріязненны къ монархіямъ: такъ какъ правительство ихъ никогда не умираетъ, то они предохранены отъ чувствительныхъ перемѣнъ, намѣренія ихъ всегда однообразны и цѣли постоянно одинаковы; по этимъ-то причинамъ такія государства всегда возвышались недостатками и упущеніями своихъ сосѣдей, за которыми они наблюдаютъ и прилежно слѣдятъ, чтобы пользоваться всѣми выгодами, которыя имъ представляются.

И такъ намъ не слѣдуетъ пренебрегать поднимающеюся тучею, но должно предусматривать бурю, прежде чѣмъ она разразится; ибо въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь, они должны и хотятъ быть нашими друзьями; но если мы допустимъ ихъ сдѣлаться слишкомъ могущественными, они легко забудутъ, кѣмъ они были взлелѣяны въ колыбели ихъ счастія.

По всѣмъ этимъ причинамъ, по очевидной пользѣ съ одной стороны, по явной опасности съ другой, я вывожу заключеніе, что если Его Величеству будетъ сдѣлано предложеніе принять въ свое подданство ту часть Московіи, которая лежитъ между Архангельскомъ и рѣкою Волгою, съ страною вдоль по этой рѣкѣ до Каспійскаго, или Персидскаго, моря, или, по крайней мѣрѣ, принять ее подъ свое начальство и покровительство, съ предоставленіемъ и обезпеченіемъ свободной тамъ торговли, то это будетъ величайшее и счастливѣйшее предложеніе, когда либо сдѣланное какому либо изъ Англійскихъ Королей, съ тѣхъ поръ какъ Колумбъ предлагалъ Королю Генрику VII-му открытіе Вестъ-Индіи. Примѣръ этотъ, еще свѣжій въ нашей памяти, долженъ насъ научить, что мы не должны быть излишне осторожны, когда намъ дѣлаютъ столь выгодныя предложенія, слѣдуя правилу Екклезіяста: «Блюдый вѣтра, не сѣетъ, и сматряяй во облацѣхъ, не пожнетъ» (XI, 4).

Что касается вѣроятія, что отдача подъ покровительство и въ подданство этой страны будетъ предложена Его Величеству, если Русскіе будутъ имѣть такую либо надежду, что Король приметъ это

предложеніе, я уже о томъ упомянулъ выше. Но если Его Величеству склонится на общій смыслъ предложенія, слѣдуетъ зрѣло разсмотрѣть, которая изъ этихъ случайностей удобнѣе для Его Величества, на какихъ условіяхъ, а также и многія другія сюда принадлежащія обстоятельства. Въ этомъ дѣлѣ я опять осмѣлюсь высказать свое убогое мнѣніе, если Королю угодно извинить мою смѣлость въ этомъ случаѣ и приказать говорить далѣе. Впрочемъ, въ настоящее время я считаю нужнымъ устранить всякое недоразумѣніе и предупредить всякое сомнѣніе, которое можетъ внезапно возникнуть въ чьемъ либо воображеніи.

Я очень хорошо знаю, что затрудненія и нужды правительства Его Величества въ настоящее время таковы, что Король не въ состояніи предпринять какіе либо расходы. По обыкновенному опыту, я нахожу, что умные люди часто принуждены отказываться отъ весьма выгодныхъ предпріятій, по неимѣнію средствъ къ выполненію ихъ, иначе какъ съ большимъ обремененіемъ своихъ доходовъ. По этому, если бы это предложеніе принадлежало къ этому разряду, я не полагалъ бы пристойнымъ предлагать его, или удобнымъ для Его Величества замышлять его въ настоящее время. Но оно совсѣмъ другого рода и предполагается, что Его Величеству не нужно будетъ дѣлать заранѣе никакихъ большихъ предварительныхъ издержекъ. То, что желательно было бы сдѣлать, вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ:

Чтобы Его Величеству угодно было уполномочить какую либо одну (или болѣе) изъ довѣренныхъ особъ, которую и отправить съ будущей флотиліей, въ Маѣ мѣсяцѣ, для переговоровъ съ Русскими, если они того пожелаютъ, и для постановленія съ ними рѣшенія на условіяхъ или подданства, или покровительства, смотря по данному въ наставленіяхъ Его Величества наказу; послѣ сего Москвитяне могутъ равнымъ образомъ прислать сюда посланниковъ при возвращеніи флотиліи въ будущемъ Сентябрѣ, для утвержденія договора, а между тѣмъ изготовиться къ отдачѣ въ руки Англійскаго общества такого количества казны и товаровъ, которое могло бы покрыть расходы на вооруженіе и перевозку такого числа войска, какого они пожелаютъ. Такимъ образомъ войско будетъ отправлено въ слѣдующемъ Маѣ мѣсяцѣ, а купцы уплатятъ расходы тѣмъ, что будетъ отдано имъ на руки. Тѣмъ же способомъ имѣетъ быть поступлено всякій разъ, какъ Русскіе будутъ требовать подкрѣпленій. Обезпеченіе относительно пересылаемаго войска, означеніе городовъ и крѣпостей, которые имѣютъ быть имъ сданы, порядокъ, который слѣ-

дуетъ соблюдать относительно ихъ жалованья и съѣстныхъ припасовъ, суть важныя статьи условій договора, равно какъ и многія другія подробности, которыя весьма нужно будетъ обсудить, когда общая мысль будетъ принята. И такъ теперь ограничиваюсь только этимъ.

Въ этомъ проектѣ нѣтъ никакой несправедливости, или обиды, ни для кого; нѣтъ никакого нарушенія, или уклоненія отъ договоровъ, заключенныхъ съ кѣмъ либо изъ другихъ Государей и Государствъ. Напротивъ, въ немъ, по моему мнѣнію, много славы для Его Величества, много человѣколюбія къ этому угнетенному народу, съ которымъ мы имѣли столь долговременныя торговыя сношенія; много политики относительно увеличенія нашего кораблеплаванія и торговли, что необходимо увеличитъ и нашу силу и наше богатство, и, наконецъ, много залоговъ счастія для Его Величества и для всего нашего острова.

(British Museum. Cotton MMSS. Nero. B. XI, f. 382)

ПОЛНОМОЧІЕ, ДАННОЕ КОРОЛЕМЪ ЯКОВОМЪ I-МЪ ИВАНУ МЕРИКУ И ВИЛЬЯМУ РОССЕЛЮ ВЪ МАѢ 1613 ГОДА.

Іаковъ и проч. всѣмъ и каждому, до кого дойдетъ сія грамота, здравствованіе.

Такъ какъ мы достовѣрно извѣстились отъ нашего вѣрнаго и возлюбленнаго слуги Ивана Мерика, бывшаго въ послѣднее время Резидентомъ въ Московіи, о бѣдственномъ и затруднительномъ положеніи этой знаменитой страны и ея народа, подверженныхъ въ настоящее время неминуемой опасности, какъ отъ нашествія враговъ извнѣ, такъ и отъ междоусобныхъ смутъ и мятежей въ Государствѣ, по каковому случаю въ прошломъ году сказанному Ивану Мерику были сдѣланы нѣкоторыя сообщенія и предложенія отъ разныхъ главныхъ и значительныхъ лицъ того Государства, клонящіяся къ благосостоянію и безопасности страны и къ возстановленію въ оной мира и правленія чрезъ наше посредство и вмѣшательство, каковыхъ предложеній, такъ какъ онъ не зналъ тогда Нашей воли, онъ не смѣлъ принять на себя поддержать, какъ бы, впрочемъ, онъ желалъ:

Вѣдайте, что

Выше означенное будучи нынѣ донесено Намъ, Мы немало тронулись нѣжнымъ состраданіемъ къ бѣдствіямъ столь процвѣтаю-

щаго Государства, къ коему мы и Наши царственные предшественники всегда питали особенную любовь. А по тому, также какъ во вниманіе къ чести и уваженію, которыя сей народъ являетъ чрезъ это къ Нашей особѣ, оказывая столь великое довѣріе Нашей къ нему любви и заботѣ о его положеніи,

Мы постановили, назначили и повелѣли, и сею грамотою поставляемъ, назначаемъ и повелѣваемъ Нашимъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ слугамъ, выше упомянутому Ивану Мерику и Вильяму Росселю, на вѣрность, осторожность и осмотрительность коихъ мы возлагаемъ великую довѣренность, быть Нашими посланцами (mes singers) и комисарами.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
193 г.

КОПИРОВАНИЕ
16.07.03

КОПИРОВАНИЕ
28.07.03.

КОПИРОВАНИЕ
5.08.03.